

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Портрет И. И. Лепехина.

Т. А. ЛУКИНА

---

*И*ван *И*ванович
ЛЕПЕХИН

Издательство «Наука»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 5

Ответственный редактор
проф. *Б. Е. РАЙКОВ*

ВВЕДЕНИЕ

Академик Иван Иванович Лепехин (1740—1802) — натуралист, географ, путешественник, один из виднейших русских просветителей XVIII в. Он обследовал малоизученные или совсем неизвестные в то время области русского государства — Поволжье, Урал, Сибирь, Крайний Север, Белоруссию и Лифляндию и сделал во время путешествий множество ценных научных наблюдений, подробно описал природные богатства посещенных мест, произвел геологические изыскания, уточнил и проверил имевшиеся в то время географические карты, собрал зоологические и ботанические коллекции для академических музеев, описал сотни новых видов животных и растений.

Путевой дневник его, содержащий ценные материалы по зоогеографии, истории, экономике, фольклору и народной медицине, снискал ему мировую известность и славу. Научные интересы исследователя были широки и разнообразны. Он был врачом, натуралистом, химиком, этнографом и в своих трудах высказывал передовые для его времени мысли, например такие, как о влиянии климата на географическое распределение животных по земному шару. Большое значение он придавал практическому применению естественнонаучных знаний. Даже в его студенческой работе, представленной для соискания докторской степени, разбираются не отвлеченные, а практические вопросы — она посвящена описанию и разбору способов производства уксуса. Много внимания уделял он проблемам широкого распространения отечественных лекарственных средств, задачам сельского хозяйства, развитию легкой и пищевой промышленности России.

Как заведующий Ботаническим садом Петербургской Академии наук ученый в течение многих лет переписывался

с русскими и зарубежными ботаниками. Под его руководством сад был переведен с Васильевского острова на набережную реки Фонтанки. Академическая гимназия 15 лет была в ведении Лепехина. Многие его воспитанники и ученики стали впоследствии учеными, писателями, общественными деятелями.

Многочисленные переводы, выполненные им, и прежде всего издание на русском языке «Естественной истории» Бюффона, оказали большое содействие распространению и популяризации естественнонаучных знаний в России конца XVIII—начала XIX в.

Лепехин принимал непосредственное участие в организации Российской Академии, являясь долгое время ее неприменным секретарем, и был первым русским академиком XVIII в., регулярно и систематически занимавшимся филологическими исследованиями. Человек исключительного трудолюбия, редкой эрудиции, он был одним из славных деятелей ломоносовской школы, сказавшим новое слово в самых различных областях русской науки.

Деятельность его как путешественника давно привлекала внимание ученых.¹ Однако многие важные труды его были забыты, как например была забыта его докторская диссертация на тему об уксусе. Предана забвению и его деятельность в качестве директора Академического ботанического сада, участие в журналах того времени и пр. Предлагаемая работа ставит своей задачей осветить жизнь и научное наследие Лепехина по возможности в полном объеме.

В процессе подготовки этой книги удалось выявить много новых и неизвестных ранее фактов, относящихся не только к малоисследованным сторонам деятельности академика, но и к более известным, как например к северной экспедиции. В настоящей книге впервые публикуются некоторые новые документы из Архангельского областного государственного архива, подробно освещающие его пребывание на Севере. По материалам Архива АН СССР

¹ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 2, СПб., 1875, стр. 157—299; В. П. Таранович. 1) Экспедиция И. И. Лепехина по северу Европейской России в 1771—1772 гг. Труды Инст. истории науки и техники, 1934, сер. I, вып. 4, стр. 349—362; 2) Экспедиция И. И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. Там же, вып. 5, стр. 545—568; Н. Г. Фрадкин. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг. М., 1953.

прослежена работа Лепехина в Петербургском ботаническом саду, Российской Академии, Академической гимназии. Наряду с архивными источниками подробно изучены его печатные и рукописные труды, ряд которых выявлен автором впервые; подвергнут анализу путевой дневник и затронутые там научные проблемы.

Автор чрезвычайно признателен редактору настоящей книги проф. Б. Е. Райкову за ценные указания и советы. В рецензировании книги принимали участие проф. И. И. Канаев и доктор исторических наук Г. А. Князев. Им автор также приносит большую благодарность.

Г л а в а 1

ГОДЫ УЧЕНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ И В АКАДЕМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1751—1762)

Иван Иванович Лепехин родился 10 сентября 1740 г. в Петербурге в семье солдата лейб-гвардии Семеновского полка. Этому полку в награду за успешное участие во многих военных операциях и походах были даны некоторые привилегии, в частности дети солдат Семеновского полка по достижении семи, двенадцати и шестнадцати лет должны были являться в герольдмейстерскую контору на смотры для определения в учебные заведения наравне с детьми дворян; на один из таких смотров, состоявшийся в 1748 г., отставной солдат Иван Сидорович Лепехин, служивший надзирателем при полковой церкви, и привел своего семилетнего сына. Ему велели прийти позднее, когда мальчику будет 12 лет,¹ однако видя незаурядные способности сына, Иван Сидорович не стал ждать назначенного срока, а подал 24 сентября 1750 г. в Канцелярию Академии наук прошение о принятии мальчика в Академическую гимназию. Канцелярия ответила, что принять его в гимназию на казенное содержание без указа сената не может, и приказала, «ежели он пожелает... языкам обучаться на своем коште, то его принять и обучать».² Отец Лепехина не удовлетворился таким решением: ему трудно было содержать сына, так как средства его были крайне ограничены (он

¹ М. И. Сухомлинов. Материалы для истории императорской Академии наук, т. X. СПб., 1900, стр. 564.

² Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 519, л. 360 (в дальнейшем: Архив АН СССР).

был однодворцем, владел небольшим участком земли в Симбирском уезде), поэтому в 1751 г. он вторично привел сына в герольдмейстерскую контору, после чего в Канцелярию Академии наук был послан указ сената от 20 марта 1751 г. об определении мальчика в Академическую гимназию.³

16 апреля 1751 г. Канцелярия поручила инспектору Гимназии академику Крашенинникову освидетельствовать Лепехина, «каким он наукам обучался и ныне к чему его охота будет...».⁴ Крашенинников проэкзаменовал мальчика и 22 апреля 1751 г. сообщил в Канцелярию, что он, «кроме российской грамоты, ничему не обучен, и потому определен для учения первых оснований немецкого языка в классе к учителю Естерману, для немецкого письма к Шеннигу, а для арифметики — к студенту Волкову».⁵ Как и другие ученики, находившиеся на казенном содержании, Ваня жил при Гимназии. В феврале 1758 г. жалование ему было увеличено с 12 до 30 рублей.⁶

23 декабря 1759 г. профессора И.-Э. Фишер, И.-А. Браун, Н. И. Попов и адъюнкт Модерах экзаменовали учеников «верхнего» класса по латинскому языку и нашли, что «восемь из них, в том числе и Лепехин, достойны быть зачисленными в студенты».⁷ Те же ученики 10 января 1760 г. выдержали экзамен по логике у И. Брауна. После экзамена по арифметике, геометрии и тригонометрии, состоявшегося 13 января 1760 г., С. Котельников и С. Румовский дали следующий отзыв: «Иван Лепехин не столько в арифметике, сколько в геометрии, а в геометрии успел изрядно».⁸ 1760-й год был переломным в жизни академических учебных заведений.

Гимназия и Университет 19 января 1760 г. ордером президента Академии наук К. Г. Разумовского были поручены «единственно г-ну советнику Ломоносову».⁹ Одним из

³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 152, л. 64.

⁴ Там же, л. 65.

⁵ Там же, л. 68.

⁶ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, М.—Л., 1955, стр. 475—476.

⁷ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 825, л. 20.

⁸ М. И. Сухомятин. История Российской Академии, вып. 2. СПб., 1875, стр. 165—166.

⁹ Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 99.

первых распоряжений Ломоносова был перевод 19 января 1760 г. восьми гимназистов (в том числе и Лепехина), успешно выдержавших экзамен, в студенты Академического университета,¹⁰ и число студентов, таким образом, увеличилось до 16 человек.

Чтение лекций началось в доме Троицкой лавры, где по приказу Ломоносова был для этого отведен «особый покой, дабы студенты с гимназистами в слушании лекций не мешались».¹¹ Начало занятий в Университете пришлось на февраль 1760 г. Профессор Фишер должен был толковать избранные речи Цицерона, профессор Браун читал курс философии Вольфа, профессор Котельников — курс математики по Вольфу, адъюнкт Козицкий — риторику. В 1761 г. чтение лекций в Университете началось 22 января. Студенты слушали те же курсы; дополнительно были введены занятия по истории права и по анатомии, которые вели соответственно профессор Федорович и адъюнкт Протасов.¹² В 1762 г. занятия начались 7 февраля. Читались те же шесть курсов и один новый — профессора Лемана по химии.¹³ Лепехин проучился в Академическом университете два с половиной года; он посещал лекции Фишера, Брауна, Козицкого и Лемана.

---

¹⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, М.—Л., 1955, стр. 555.

¹¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 825, лл. 27, 29, 65.

¹² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, М.—Л., 1955, стр. 556—558.

¹³ Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.—Л., 1962, стр. 114.

Г л а в а 2

ЗАНЯТИЯ В СТРАСБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1762—1767)

В начале 1762 г. М. В. Ломоносов приказал студентам старших курсов Академического университета избрать себе какую-нибудь специальность и совершенствоваться в ней. Лепехин заявил, что его более всего интересует натуральная история, но за неимением в здешней Академии наук «такого профессора, который бы мог обучать сей науке, не мог в оную вступить»;¹ пока он посещает лекции профессора Лемана по химии, а в дальнейшем просил отправить его в какой-либо иностранный университет. Вопрос этот разбирался в экстраординарном Академическом собрании 9 августа 1762 г. Академики проэкзаменовали студента и единодушно признали, что он «по его способностям, доброму нраву и основательно заложенному фундаменту в науках»² вполне заслуживает этого. Вместе с ним должен был ехать учиться за границу переводчик А. Я. Поленов.

26 августа 1762 г. в Канцелярии Академии наук было принято решение послать Лепехина и Поленова за границу. На содержание Лепехина отпускалось 300 руб. в год, но в связи с недостатком денег в казне эта сумма 31 августа 1762 г. была уменьшена до 200 руб. По этому поводу в журнале Канцелярии была сделана следующая запись:

---

¹ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 2, СПб., 1875, стр. 168—169.

² Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 г., т. II, СПб., 1899, стр. 485—486. В дальнейшем: Протоколы Конференции.

«Лепехин впредь до усмотрения успеха в науках может быть за первый случай доволен жалованьем в год по 200 руб.».³

Предполагалось, что молодые люди поедут вместе с адъюнктом Протасовым, который должен был защищать в Страсбурге докторскую диссертацию. Профессор Леман обещал написать о Лепехине своему страсбургскому корреспонденту профессору Шпильману.

Академическое собрание рекомендовало объявить студентам, чтобы они «дорогою едуши в знатных городах, а особливо где есть университеты, то, что до наук касается, примечали, а из Страсбурга бы частые присылали в академию об успехах своих опыты и репорты, и от тамошних профессоров свидетельства и не возвращались бы оттуда, пока им указано не будет; в прочем бы содержали себя честно и порядочно, все время употребили бы на учение, берегли бы деньги, а что в год им остается, на то купили бы полезные каждый в своей науке книги; когда же им покажется, что довольно пожили в Страсбурге и хочется им ехать в какую-либо другую академию, тогда бы о том представили Академии, но ждали бы на то резолюции».⁴

13 сентября 1762 г. Лепехин вместе с Поленовым и Протасовым выехали из Петербурга в Кронштадт; 20 сентября они сели на корабль «Дер ангеенде Якоб», направлявшийся в Любек, несколько дней ждали попутного ветра и, наконец, 23 сентября покинули Кронштадт. До Любека путешественники добрались благополучно, но вскоре на Балтике начались осенние штормы, и переезд их из Гамбурга в Амстердам окончился катастрофой: вблизи местечка Ост-Моорен их корабль во время сильной бури пошел ко дну; с трудом добрались они до берега, потеряв часть багажа, и продолжали свой путь на лошадях. В Страсбург они прибыли только 19 ноября 1762 г. (ст. ст.).⁵

22 ноября Лепехин был зарегистрирован студентом Страсбургского университета, который в то время считался одним из лучших университетов Европы.⁶ Он слу-

³ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 39.

⁴ Там же, р. 1, оп. 2 — 1762, № 9, л. 44 и об.

⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 62.

⁶ О Страсбургском университете см. М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, вып. II, СПб., 1875, стр. 171—176.

шал лекции таких известных в то время профессоров, как историк И.-Д. Шепфлин, химик Я.-Р. Шпильман, анатом И. Пфеффингер, физиолог И.-Ф. Лобштейн, физик Я.-Л. Шурер. В своем первом рапорте из Страсбурга в Академию наук от 6 января 1763 г. Лепехин сообщил, что начал слушать курс химии у профессора Пфеффингера, а также брать уроки рисования, французского и немецкого языков. Недостаточное знание немецкого языка было причиной того, что он решил не посещать лекции латиниста профессора Лоренца, комментировавшего по-немецки Тацита и Цицерона, а заниматься латинским языком самостоятельно, без руководителя. Курс философии он также не стал слушать, так как, по его словам, достаточно изучил философию в Петербургском университете. «А когда начнутся физические лекции, — писал Лепехин, — то на оные ходить не премину, несмотря на то, что экспериментальную и две части натуральной физики также в моем отечестве выслушал, потому что надлежащих до экспериментальной физики инструментов не доставало».⁷ В конце рапорта говорилось о трудностях, перенесенных путешественниками: в Европе была в то время семилетняя война, «все места в немецкой земле наполнены были армиею»,⁸ цены на продовольствие были крайне высоки, почтовых лошадей им не давали, приходилось нанимать у частных лиц, что было значительно дороже.

В первые месяцы пребывания в Страсбурге студентами руководил адъюнкт Протасов, приехавший из Петербурга вместе с ними. После его отъезда в Россию Петербургская Академия поручила это своему почетному члену профессору Шепфлину.⁹

В 1762/63 учебном году Лепехин прослушал курсы анатомии и химии и начал посещать лекции по физиологии, экспериментальной физике и ботанике. Кроме того, он продолжал заниматься рисованием и французским языком, а в свободное время собирал гербарий. К своему рапорту, посланному в Канцелярию 22 июня 1763 г., он приложил свидетельства, выданные ему страсбургскими профессорами. Эти свидетельства, написанные на латинском языке, хранятся в Архиве АН СССР вместе с переводом на русский язык, выполненным в XVIII в. одним из академиче-

⁷ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 270, лл. 64—65.

⁸ Там же, л. 65.

⁹ Там же, лл. 66 об.—67.

ских переводчиков. Так, доктор Пфедфингер дал о студенте следующий отзыв: «Господина Лепехина, анатомических моих лекций слушателя, по достоинству можно причесть к числу таких, кои оказывают неусыпное прилежание и добропорядочные поступки». И.-Ф. Лобштейн писал: «Господин Лепехин читаемые мною физиологические лекции слушает со всяким прилежанием и рачением, доказывая своими приватными со мною разговорами в оной науке успех, чего ради ему со всякою охотою сие свидетельство даю». Столь же благожелательными были и другие отзывы. Я.-Р. Шпильман сообщал: «Господин Лепехин как на химических, так и ботанических лекциях всегда оказывает себя прилежным, понятным и рачительным, что ж касается до его поступок, то оные ничего, кроме похвалы, недостойны». Я.-Л. Шурер писал: «Господин Лепехин, упражняющийся в натуральной истории, слушал мои физические лекции со всяким прилежанием и оказал в оной успех, что я мог из приватных его разговоров видеть. Чего ради со всякою охотою о его успехах даю сей аттестат, дабы все те, коим о его учении и прилежании рассуждать должно, были уверены. Во уверение сего подписуюсь и собственную мою печать прилагаю».¹⁰ Как видно из приведенных свидетельств, занятия Лепехина в Страсбурге шли весьма успешно и все руководители были им довольны. В 1763/64 учебном году он продолжал слушать курсы ботаники, физиологии и физики, а также начал посещать лекции профессора Шпильмана по патологии и фармакологии. Курс анатомии Пфедфингера он начал слушать вторично, занимаясь одновременно практической анатомией. Чтобы закрепить приобретенные в университете знания, Лепехин производил физиологические опыты над живыми животными и составлял гербарий по системе Линнея; летом 1763 г. ему удалось собрать и высушить 519 видов растений. Из экономии он отказался от уроков художника и преподавателя французского языка, но продолжал заниматься этими предметами самостоятельно.

В апреле 1764 г. Протасов написал Лепехину, что Академия решила оставить его в Страсбурге еще на год, с тем чтобы он прошел курс теоретической и практической медицины, поработал лаборантом в аптеке профессора Шпиль-

---

¹⁰ Там же, лл. 128—131.

мана, а в летнее время занялся естественной историей с профессором Кельрейтером. Вслед за тем предполагалось отправить его на год в Цюрих к профессору Геснеру и после этого в путешествие по Франции, Голландии и Англии. Лепехин с своей стороны прилагал все усилия, чтобы как можно лучше использовать предоставленные ему возможности: в Страсбурге посещал военные и гражданские больницы, работал в ботаническом саду профессора Шпильмана, в свободное время уходил из города в поле, собирая и изучая растения.¹¹

В 1764/65 учебном году Лепехин продолжал слушать курсы фармакологии, физиологии, химии, ботаники и патологии; впервые начал слушать лекции доктора Германа по натуральной истории; в третий раз прослушал курс анатомии профессора Пфэффингера. Кроме того, он прилежно занимался практической анатомией, самостоятельно изучил в анатомическом театре внутренние органы и нервную систему человека и произвел ряд вскрытий; особое внимание уделял медицинской практике, которую проходил под руководством доктора Лобштейна. Вместе с тем Лепехин не оставлял практических занятий ботаникой и зоологией: пополнил свой гербарий еще 110 растениями, собрал 108 видов насекомых, составил список местных птиц и рыб. Этот список, написанный на латинском языке, был представлен в Петербургскую Академию наук.¹² При составлении списка он руководствовался «Системой природы» Линнея, причем добавил несколько новых видов, отсутствующих у Линнея. Всего Лепехин описал 120 видов птиц и 36 видов рыб, которых мог видеть в окрестностях Страсбурга.

К своему рапорту, посланному в Канцелярию Академии наук 9 апреля 1765 г.,³ он приложил следующее свидетельство, выданное ему медицинским факультетом Страсбургского университета:

«Поскольку благородный господин Иван Лепехин, петербуржец, попросил у нас свидетельство о том, какой образ жизни он здесь ведет, мы даем ему таковое тем охотнее, что он заслуживает величайших похвал, и мы весьма

¹¹ Там же, л. 118 и об.

¹² Там же, лл. 122—123 об. Одновременно с этим списком Лепехин прислал в Петербург описание Эльзасской флоры. Протоколы Конференции, т. II, стр. 543. Запись 13 июня 1765 г.

¹³ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 107.

желали бы, чтобы наши воспитанники были достойны такого же отзыва.

Свидетельствуем, что господин Лепехин, как и подобает достойным мужам, отличается чистотой нравов, скромностью и мягкостью характера; кроме того, он является прилежным слушателем на анатомических вскрытиях и занятиях по препарированию. Он старательно и ревностно посещал лекции физиологические и те, на которых объясняются натуральная история; далее, те, на которых показываются законы и эксперименты химии; был понятливым и пытливым участником занятий по фармакологии, не отсутствовал у нас и в те часы, когда мы преподавали общую патологию, был нашим верным соратником при изучении как растений ботанического сада, так и страсбургской флоры. Во уверение чего мы ставим нашу обычную подпись и приказываем скрепить ее печатью нашего факультета.

Декан, сениор, доктора и профессора медицинского факультета в Страсбургском университете».¹⁴

В конце рапорта студент просил разрешения остаться в Страсбурге еще на год, чтобы основательно изучить медицину, а затем уехать из Страсбурга и заняться натуральной историей. С 1 июля 1765 г. ему было увеличено жалованье до 300 руб. в год. В 1765/66 учебном году Лепехин повторно прослушал курсы химии, патологии и натуральной истории и в третий раз — курс ботаники, участвовал в практических занятиях по ботанике, зоологии и сравнительной анатомии, тщательно изучал литературу по избранной им специальности, пользуясь в университетской библиотекой, и библиотеками профессоров Шпильмана и Лобштейна. Его способности, прилежание, мягкий и приветливый характер снискали ему расположение профессоров. Шпильман, особенно хорошо относившийся к нему, счел нужным позаботиться о его будущей карьере. Он обратился с письмом к русскому послу в Вене князю Д. П. Голицыну, в котором дал прекрасный отзыв о блестяще сдавшем экзамены студенте Лепехине и рекомендовал его на кафедру ботаники и естественной истории, остававшуюся свободной в Петербургской Академии в течение нескольких

---

¹⁴ Там же, л. 108. Приводится в нашем переводе с латинского языка.

лет.¹⁵ 22 июля 1766 г. Голицын переслал письмо Шпильмана Тауберту¹⁶ с пожеланием, чтобы делу был дан ход. По мнению Голицына, настало уже время открыть пути национальным талантам и в России дать им предпочтение перед иностранцами. Не ограничившись письмом к Голицыну, Шпильман 15 августа 1766 г. написал непосредственно в Академию.¹⁷ «Достоинейший Лепехин, — говорилось в конце письма, — недавно закончил свою академическую жизнь инаугуральной диссертацией. Диспут прошел весьма удачно, и я уверен, славнейшая Академия может с полным основанием ожидать, что затраченные ею на Лепехина средства будут возмещены самым блестящим образом».

Из письма Шпильмана видно, что диссертация на тему «Об образовании уксуса» на степень доктора медицины была защищена Лепехиным не 5 мая 1767 г., как говорится у Сухомлинова,¹⁸ а значительно раньше: на титульном листе напечатанной диссертации стоит дата 3 декабря 1766 г., защита же, вероятно, происходила еще раньше, до 15 августа 1766 г. Издержки по устройству диспута взяла на себя Петербургская Академия.

5 декабря 1766 г. Лепехин написал Штелину: «По прошению моему дозволенное мне время пробыть в Страсбурге для окончания предпринятых мною коллегий уже прошло,

---

¹⁵ Там же, ф. 3, оп. 2, № 150, л. 1 об.; ф. 1, оп. 3, № 35, лл. 183—184. Для Академии это не было неожиданным, так как еще в 1764 г., когда встал вопрос о приглашении профессора ботаники из-за границы, Ломоносов предложил «выписание профессора... ботаники отклонить, ибо студент Лепехин в Страсбурге обучается с желанными успехами в физических науках, и потому указать ему упражняться паче всех в ботанике еще два года, а третий определить на путешествия, чтобы видеть в других государствах славные ботанические сады и ботаников». М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, М.—Л., 1955, стр. 596.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 150, л. 1; ф. 1, оп. 3, № 35, л. 174. И. И. Любименко ошибочно указывает, что письмо Голицына адресовано Штелину: Ученая корреспонденция XVIII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 32.

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 48, л. 38 и об. На лат. яз. Это письмо адресовано не А. П. Протасову, как ошибочно указывает И. И. Любименко (Ученая корреспонденция XVIII в., стр. 35), так как о Протасове в письме говорится в третьем лице, а непременно секретарю Академического собрания, которым в то время был Я. Я. Штелин.

¹⁸ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. II, стр. 193.

и я исполнил все то, что мне совершить должно было; ныне, ожидая милостивого повеления, готов ехать туда, куда мне приказано будет. Я ласкаю себя несумненною надеждою испросить дозволение ехать в Цирих к господину Геснеру, где я по пути могу также видеться с г. Кельрейтером в Карлсруге (sic!) и потребить в мою пользу наставления сего ученого мужа, притом посмотреть натурального маргравского кабинета, в чем я могу здесь снабден быть довольными адресами к г. Шмиду, директору оного кабинета».¹⁹

В 1766/67 учебном году Лепехин закончил повторное слушание лекций по естественной истории и медицине и попросил разрешения уехать из Страсбурга в какой-нибудь другой университет, где бы он смог углубить свои познания в минералогии.

1 февраля 1767 г. он послал в Академию следующий рапорт: «По намерению Императорской Академии наук главным предметом моего учения всегда была история натуральная; на такой конец при отъезде моем из отечества снабден я был от профессорского собрания наставлением, содержащим в себе, кроме правил добронравия, и конец моего учения, т. е. что я в иностранных университетах, кроме употребительных языков, должен упражняться во всех трех царствах истории натуральной, а каким образом к сему я приступить должен, нисколько не было упомянуто. Чего ради я сначала, не имея еще ясного понятия об истории натуральной, следовал советам господина Шпильмана, которому я особливо был рекомендован. Итак, по его советам, выслушал я самые нужнейшие для истории натуральной медицинские коллегии, как-то: анатомию, физиологию, химию и материю медицинскую. Приобрел некоторое знание в растениях и животных, ясно я сам усмотрел нужду и пользу сих частей медицины, чего ради, далее упражняясь в анатомии, я вторично выслушал вышеупомянутые коллегии. Между тем от имевших в общем и собственном моем добре попечение было мне напоминаемо, чтобы я в Страсбурге выслушал надлежащим образом весь курс медицины, дабы тем беспрепятственнее впредь в истории натуральной упражняться, и пользу, следующую от истории натуральной, тем удобнее и основательнее обществу оказывать можно было. И так я, с начала прошлого

---

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 35, л. 182.

766 г. окончив медицинскую материю и практику, кроме упражнения в ботанике и животных, вторично слушал медицинскую практику и метод прописывать лекарства. Кончив надлежащим образом весь курс медицины с ее повторением, имея притом всегда особое попечение об истории натуральной, как из прежде посылаемых мною репортов Комиссия Императорской Академии наук легко усмотреть может, желал доказать самым делом я в медицине мои успехи, чего ради подверг себя как приватному, так и публичному докторскому экзамену и, преодолев оный, написал специмен, и диспутовался публично и следующее после сего награждение в медицине получил от здешнего университета. Что касается до минералогии, о том я уже прежде покорнейше репортовал, что здесь, кроме минералов, о которых материя медицинская и химия рассуждет, не показывают, и для сей части истории натуральной совсем нет особых наставлений. В рассуждении требуемого от меня плана для продолжения моего учения ничего сообщить не имею, но полагаюся на рассуждение более знающих и по определению Комиссии Императорской Академии наук поступать не премину». ²⁰

26 февраля 1767 г. в Академической канцелярии было принято решение о возвращении в Петербург русских студентов, обучавшихся за границей. ²¹

Лепехину были посланы на проезд деньги, но он не получил их, так как направленный ему вексель был по неизвестной причине опротестован.

Академия послала ему 100 руб. вторично в июне 1767 г. ²² Получив деньги, Лепехин покинул Страсбург и через Голландию вернулся в Петербург в октябре 1767 г. 23 мая 1768 г. он был единогласно избран адъюнктом Академии.

---

²⁰ Там же, ф. 3, оп. 1, № 308, лл. 92—93 об.

²¹ Там же, № 537, л. 86 об.

²² Там же, ф. 3, оп. 1, № 308, л. 96.

Г л а в а 3

СОЧИНЕНИЕ О ПРОИЗВОДСТВЕ УКСУСА (1766)

Находясь в Страсбурге, Лепехин в течение некоторого времени работал в химической лаборатории профессора Шпильмана и написал под его руководством сочинение на тему о производстве уксуса. В 1766 г. это сочинение на латинском языке было напечатано в Страсбурге, и автор получил степень доктора медицины.¹ Свой труд Лепехин посвятил графу Григорию Орлову. Диссертация написана на 32 страницах, ей предпослано небольшое введение; весь текст разделен на 28 параграфов. Во введении подчеркивается утилитарный характер работы, ее ориентация на практические нужды медицины и промышленности.

«Широкое употребление уксуса как в хозяйстве, так и в медицине, — пишет Лепехин, — побудило нас изучить происхождение уксуса и способы его добывания. До сих пор еще то, что касается происхождения этой кислоты, у авторов остается неясным. Поэтому мы сами произведем опыты. . .».²

В начале работы процесс образования уксуса или уксусное брожение³ определяется как движение, искусственно

---

¹ I. L e p e c h i n. Specimen de acetificatione. [Сочинение о производстве уксуса]. Argentorati, 1766.

² Там же. Prooemium. [Введение].

³ Уксусное брожение, т. е. окислительное брожение содержащих спирт жидкостей, посредством которого спирт превращается в уксусную кислоту, было известно еще за несколько столетий до нашей эры. Этот процесс имел большое практическое значение, но причины его были для ученых неясны. Для объяснения его в XVIII в. выдвигались различные, не нашедшие в будущем подтверждения теории,

Q. D. B. V.
SPECIMEN
DE
ACETIFICATIONE
GRAVISSIMI
MEDICORUM ORDINIS
CONSENSU
PRO LICENTIA

GRADUM, HONORES ATQUE PRIVILEGIA
DOCTORALIA
RITE CONSEQUENDI
SOLEMNI ERUDITORUM CENSURÆ SUBMITTIT
JOHANNES LEPECHIN
PETROPOLITANO-RUSSUS
AD D. III. DECEMBRIS A. C. MDCCLXVI.

H. L. Q. G.

ARGENTORATI

Typis Joh. Henrici Heitzii, Universitatis Typographi.

Титульный лист докторской диссертации И. И. Лепехина.

возбуждаемое в винных жидкостях, с помощью которого элементы, составляющие вино, утратив свои связи, вступают в новое соединение, из которого получается уксус — продукт, обладающий сильным кислым запахом и резко отличающийся от первоначального материала.⁴ Далее отмечается, что не все жидкости, имеющие кислый запах, годятся для производства уксуса, но лишь те, которые содержат растительные кислоты,⁵ что уксус вырабатывается из вина, из растительных соков и пр.⁶

Затем автор переходит к описанию существовавших в то время способов добывания уксуса. Наиболее подробно он останавливается на распространенном в XVIII в. германском способе Глаубера, при котором вино нагревается, а в качестве бродильного вещества употребляется виноград; на известном еще с античных времен способе, когда виноградный сок в закрытом стеклянном сосуде держится на солнце с добавлением вина, из которого посредством перегонки удален спирт; и, наконец, на французском способе, применяемом жителями Страсбурга. Последний заключается в том, что вино кипятится в закрытом сосуде с добавлением небольшого количества уксуса и различных пряностей и специй; при этом роль бродильного вещества выполняет уксус.⁷ Этот способ особенно заинтересовал Лепехина; пользуясь им, он несколько раз получал в лабораторных условиях уксус, внимательно наблюдая за ходом реакции. Кроме того, он произвел перегонку уксуса. На основании опытов он сделал вывод, что спирт при добычании уксуса не улетучивается, а остается примешанным к бродящей массе.

Сравнив существующие способы производства уксуса, Лепехин пришел к выводу, что лучшим является способ Глаубера, но поскольку он не везде может быть применен, то с успехом можно пользоваться страсбургским способом,

одну из которых здесь приводит Лепехин. Впервые правильное объяснение причин уксусного брожения было дано только через 100 лет после этой работы Лепехина — Луи Пастером в 1868 г. Пастер установил, что действие кислорода воздуха на спирт есть результат жизнедеятельности особого микроорганизма, развивающегося в окисляющихся жидкостях. Однако Пастер не относил этот организм к бактериям. Это сделал в конце XIX в. на основании микробиологических признаков немецкий ботаник Вильгельм Цопф.

⁴ L e p e c h i n. Specimen de acetificatione, § 1, стр. 6.

⁵ Там же, § 2, стр. 6.

⁶ Там же, § 3, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 8.

особенно там, где вино ввозится из других мест: если оно прокиснет, то можно использовать его для приготовления уксуса.

Описанные Лепехиным способы производства уксуса, широко распространенные в Европе в XVIII—начале XIX в., представляют теперь лишь исторический интерес. После открытия Пастером микробиологической сущности процесса уксусного брожения появился ряд усовершенствованных аппаратов для производства уксуса с применением колеблющихся или вращающихся чанов, чем достигалось более полное соприкосновение жидкости с воздухом.⁸

В истории химии работа Лепехина осталась совершенно неизвестной.⁹ Между тем сочинение это представляет большой интерес прежде всего самим выбором темы, просто и ясно решающей небольшую, но важную для только еще зарождавшейся в то время химической промышленности задачу. В работе дан исчерпывающий анализ имевшейся тогда литературы о производстве уксуса и приведено описание многочисленных опытов, проделанных Лепехиным с уксусом в лаборатории Шпильмана. Заканчивается работа чисто практическим выводом — как лучше получить уксус и веселой шуткой по адресу трех немецких ученых, которые собираются приготовить уксус из воды: К. Крамера, Ю. Вестуса и Беккера.

---

⁸ В настоящее время брожение проводят в деревянных колоннах, наполненных спиртовым раствором, к которому добавляется уксус, содержащий бактерии *Mycoderma aceti*. Спирт окисляется кислородом, подаваемым в нижнюю часть колонны.

⁹ Возможно, причиной этого было то обстоятельство, что латинское заглавие работы «De acetificatione» [О производстве уксуса] было ошибочно переведено на русский язык: «О кислотности», хотя такой перевод не соответствует содержанию работы Лепехина. См.: Д. М. Российский. История всеобщей и отечественной медицины. Библиография. М., 1956. Из-за неправильного перевода сочинение могло быть отнесено исследователями к области медицины, несмотря на то, что на самом деле в нем решается узкий вопрос технической химии — о производстве уксуса.

Г л а в а 4

ОРЕНБУРГСКАЯ, СЕВЕРНАЯ И ЛИФЛЯНДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИИ (1768—1773)

Через неделю после возвращения Лепехина из Страсбурга, 22 октября 1767 г., в Академическом собрании было принято решение об организации в 1768 г. экспедиций¹ на север, восток и на юг «для собирания натуральных вещей и для изучения трех царств природы».² Было определено послать на север Лепехина, на восток — Гмелина и Гильденштедта, на юг — Палласа. Отправление экспедиций было намечено на лето 1767 г. и частично на зиму 1768 г.³ В дальнейшем первоначальный план был несколько изменен: было создано три оренбургских отряда, которыми руководили Лепехин, Паллас и шведский натуралист И.-П. Фальк, и два астраханских под руководством С.-Г. Гмелина и И.-А. Гильденштедта.

Для всех академических экспедиций 1768 г. была составлена одна общая инструкция, из которой видно, что основной целью их было исследование природных богатств страны, а также собирание этнографических и экономических материалов.⁴

---

¹ Н. Г. Фрадкин. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России. М., 1953; Т. А. Лукина. Экспедиции акад. Лепехина в XVIII в. Труды Инст. истории естествознания и техники, т. 41. Из истории биологических наук, вып. 10. М.—Л., 1961, Изд. АН СССР, стр. 324—346.

² Протоколы Конференции, т. II, стр. 622.

³ Там же, стр. 623.

⁴ См. Н. Г. Фрадкин. Инструкция для академических экспедиций 1768—1774 гг. «Вопросы географии», № 17, 1950, стр. 213—218.

Подготовка и снаряжение Оренбургской экспедиции продолжались весной и летом 1768 г.; наконец, 9 июня 1768 г. первым отправился в путь оренбургский отряд, возглавляемый Лепехиным. Отряд составляли: студент Николай Озерецковский, будущий академик, гимназисты Тимофей Малгин и Андрей Лебедев, рисовальщик Михайло Шалауров и чучельник Филипп Федотьев. От Петербурга до Новгорода экспедицию сопровождали два солдата Санкт-Петербургского гарнизона — Иван Ярысов и Исмет Бикмурзин.⁵

Всем участникам экспедиции было назначено двойное жалованье.⁶ В дальнейшем деньги аккуратно выдавались через губернские канцелярии в городах, где останавливались путешественники.

До Москвы Лепехин добирался две недели. 18 июня экспедиция прибыла в город и должна была остановиться там на некоторое время из-за болезни гимназиста Андрея Лебедева и чучельника Филиппа Федотьева. Здесь ученый совершал небольшие загородные экскурсии для собирания растений и насекомых, вел метеорологические наблюдения, проводил с гимназистами занятия по ихтиологии.⁷

8 июля 1768 г. отряд выехал из Москвы по Владимирской дороге и 13 июля прибыл в г. Владимир, расположенный на холмистом левом берегу р. Клязьмы и утопавший в вишневых садах. В своих записках Лепехин описал владимирские сады и остроумные приспособления, установленные в них для отпугивания птиц.

В окрестностях города путешественники провели интересные энтомологические и ботанические наблюдения. 30 июля экспедиция отправилась из Муром в Арзамас. По дороге участники собирали сведения о рыбной ловле на Оке, об окрестных лесах, о посевах. С 2 по 8 августа Лепехин находился в Арзамасе, где осматривал заводы по выделке кож, изготовлению мыла и поташа.

---

⁵ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 2, л. 36.

⁶ Там же, № 6, лл. 5—6 об. Мы останавливаемся здесь и далее на этих финансовых вопросах, желая подчеркнуть, что Лепехин, постоянно получавший во время путешествия разнообразную поддержку и от Академии, и от административных лиц, был в лучшем положении, чем другие русские путешественники XVIII в., которые часто бывали предоставлены самим себе и даже подвергались необоснованным преследованиям.

⁷ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 9, л. 3 и об.

12 августа прибыли в селение Курмыши, расположенное на р. Суре, 17 августа — в Алатырь. Лепехину пришлось несколько отступить от заранее намеченного плана и изменить маршрут, так как «ехать было небезопасно для шатающихся разбойничьих шаек...».⁸ 20 августа выехали в Симбирск (Ульяновск); дальнейший путь проходил по берегу р. Сока, через татарскую деревню Байтаган, близ которой были найдены смоляные и серные ключи, к местечку Сергиевск на р. Суруготе и затем в Ставрополь. Здесь Лепехин узнал, что Паллас намерен зимовать в Симбирске, и 8 октября 1768 г. выехал туда же. В город он прибыл 13 октября и сразу же начал собирать окаменелости на берегу Волги. С наступлением весны он занялся геологическими исследованиями в окрестностях Симбирска. По вскрытии Волги члены всех трех экспедиций (под руководством Лепехина, Палласа и Фалька) выехали на телегах из села Новодевичьего в направлении пригородного местечка Тетюши и продвигались вперед вместе до Самары.

25 мая прибыли в Сызрань и оставались там четыре дня, пока чинили кибитки. По договоренности с профессором Фальком, который из Сызрани должен был ехать в Саратов сухим путем, Лепехин 29 мая отправил вперед обоз, а сам с двумя студентами, двумя гребцами и двумя отставными солдатами в качестве конвоя поехал на лодке, чтобы осмотреть берег с реки.

По прибытии в Саратов Лепехин осмотрел город, соляную и рыбную пристани, шляпную, шелковую, канатную фабрики, кожевенный завод, ознакомился с флорой и фауной окрестностей Саратова и 11 июня выехал в с. Ахматово, а затем через степь к Лавлинским горам и в г. Дмитриевск, откуда он послал вперед в Царицын (ныне Волгоград) чучельника со студентом, а сам с остальными членами экспедиции отправился на оз. Эльтон. Он объехал на лодке все озеро и впадающие в него речки Большую и Малую Смороду, Харыхаз, Уланзал и Соленую.

С оз. Эльтон Лепехин вернулся в Дмитриевск и продолжал свой путь по берегу р. Лавлы к Царицыну. Отсюда была послана в Академию коллекция чучел животных и птиц. Конференц-секретарь И.-А. Эйлер сообщил Лепехину, что почти все они прибыли в Петербург в полной сохранности, испортились лишь немногие, и то из-за пло-

---

⁸ Там же, л. 8.

хой набивки; «поэтому Академия дружески советует сказать чучельнику, — писал он, — чтобы тот работал старательнее».⁹

В Царицыне экспедиция пробыла менее недели, после чего отправилась в Черный Яр, откуда Лепехин хотел перебраться через степь на Яик (Урал). Попытка его, однако, не увенчалась успехом, так как калмыки в это время кочевали в кубанских степях, а черноморские казаки были в разъездах. Приходилось или возвращаться в Сызрань, откуда была дорога на Яик, или ехать в Астрахань. Ученый избрал последнее. 2 августа он прибыл в Астрахань, где оставался до 6 августа. Отсюда, отправив свой обоз морем, он поехал в Красный Яр, небольшой поселок в окрестностях Астрахани.

18 августа отряд прибыл в городок Гурьев (близ устья Яика) и после пятидневного отдыха отправился вверх по р. Яику в Оренбург. В Оренбурге Лепехин заболел и принужден был задержаться. Чтобы не терять времени, он отправил в Табынск студентов и чучельника, сам же смог выехать только 3 октября. 18 октября он прибыл в Табынск, где экспедиция должна была остановиться на зимовку. По пути он осматривал рудники, медеплавильные заводы, залежи соли и разноцветной глины.¹⁰ 10 мая исследователь покинул Табынск и поехал вверх по р. Белой, то по правому, то по левому ее берегу. Это путешествие, продолжавшееся около двух месяцев до истоков р. Белой, проходило по малонаселенным местам и было связано с такими трудностями, каких ученый, по его словам, «никогда себе не воображал».¹¹

Лепехин посетил ряд заводов и составил подробные их описания; собирал растения, насекомых, осмотрел серные ключи в 20 км от Табынска на левом берегу р. Белой. От устья ее он двинулся к устьям рр. Яика, Миаса, Ая, Уя; в сопровождении татарина Бурханея Уразметова и башкира Умеря Ямышева посетил золотые и серебряные рудники, о которых еще в 1768 г. было сообщено в Петербург Оренбургским прокурором Беляевым. В рапорте, poslanном в Академию 27 июля, Лепехин указал, что «то наклонение Урала, которое между вершинами рек нахо-

⁹ Там же, ф. 1, оп. 3, № 54, л. 105 и об. на нем. яз.

¹⁰ Там же, ф. 3, оп. 30, № 9, л. 43 и об.

¹¹ Там же, лл. 47—48 об.

дится, изобилует высокими металлами». ¹² 24 июля через Чебаркульскую крепость он прибыл в Екатеринбург (ныне Свердловск), а немного позднее в Тюмень, где предполагал провести свою третью зимовку.

Зимой 1771 г. ученый послал в Архангельск студента Озерецковского с чучельником и стрелком-солдатом Тобольского батальона Харлампием Тарасовым, ¹³ дав Озерецковскому следующее письмо к архангельскому губернатору Е. А. Головцыну:

«Милостивый государь,
Егор Андреевич!

Для большего успеха в делах, экспедиции порученных, которою предводительствовать я счастье имею, отправил во вверенную Вашему превосходительству губернию студента Николая Озерецковского с приданными ему на вспоможение чучельником и егерем. Ему наиболее поручено стараться о собрании птиц, рыб и прочих Белого моря продуктов. Почему покорнейше прошу Вас в случае каковой-либо надобности приказать сделать ему пристойные вспоможения.

Сею благосклонностию много обяжете Вы экспедицию, а особливо того, которой с должным и преданным к особе Вашей почтением имеет честь быть,

Милостивый государь!
Вашего превосходительства
покорнейший слуга

Иван Лепехин.

Тюмень,
16 февраля 1771 г.» ¹⁴

Головцын приветливо встретил Озерецковского и тотчас написал Лепехину, что охотно окажет ему помощь, когда он будет в Архангельске и когда по вскрытии льда отправится в свое путешествие по берегам Белого моря; предполагаемому же приезду Лепехина в Архангельск он очень рад и ждет его с нетерпением. ¹⁵

¹² Там же, лл. 51—52.

¹³ Там же, ф. 3, оп. 30, № 9, л. 55 и об.

¹⁴ Архангельский областной государственный архив (в дальнейшем АОГА), ф. 1, оп. 1, № 9349, л. 1.

¹⁵ Там же, л. 2.

Между тем ранней весной Лепехин, «чтобы не упустить первых растений на Уральском хребте, отправил вперед студента Тимофея Мальгина с приказанием дожидаться общего приезда между Соликамском и Верхотурьем и собирать травы».¹⁶

Немного отдохнув в Архангельске, Озерецковский начал готовиться к путешествию. 16 апреля 1771 г. он подал губернатору доношение, в котором писал:

«По разлитии вод для исследования натуральных вещей должен я отправиться в море. К сему походу потребны мне пять человек гребцов и шестой кормщик, которому бы известны были на Белом море становища даже до Северного океана, простирающегося к Кольскому уезду. Того ради Ваше превосходительство покорнейше прошу меня такими людьми снабдить в силу данного нашей экспедиции от правительствующего сената прочетного указа, с которого копия за подписанием главного экспедиции предводителя здесь приобщается».¹⁷

По распоряжению Головцына архангельский обер-комендант послал к Озерецковскому шесть рядовых из городских батальонов: кормщиком Андрея Лозина и гребцами Дмитрия Расторгуева, Лариона и Петра Латкиных, Петра Турчасова, Ивана Окатова.¹⁸ Таким образом, Озерецковский уже в апреле был готов выехать из Архангельска и ждал только начала навигации. Третья зимовка экспедиции крайне затянулась из-за плохой погоды. «Взросшие вдруг прибылые весенние воды, — сообщал Лепехин в Академию, — удержали меня в Тюмени до 20 мая, да и онога числа отправясь, принужден был великие в переправах преодолевать затруднения и остановки».¹⁹ Отряд продвигался по скользким, размытым дождем дорогам вдоль р. Туры, к г. Верхотурью. Его сопровождали в качестве охраны солдаты Тобольского батальона Андрей Смирнов и Терентий Николаев. В пути между Верхотурьем и Соликамском Лепехин часто поднимался на вершины Уральских гор. В Конжаковских горах он нашел медную руду, что дало ему повод написать в Академию:

---

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 9, л. 59.

¹⁷ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, л. 4. К доношению была приложена копия указа сената от 3 июня 1768 г. об отправлении Оренбургской экспедиции, заверенная Лепехиным. Там же, л. 5 и об.

¹⁸ Там же, лл. 7—8 об.

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 9, л. 61.

«Сии высочайших каменных гор утесы научили меня познавать, что и вечным снегом покрытые горы металлами изобилуют могут».²⁰ В это время в Петербурге в Академическом собрании он был единогласно избран академиком, а жалованье ему было увеличено на 200 руб. в год.²¹

Если Лепехин смог продолжить свое путешествие 20 мая, то Озерецковский задержался в Архангельске еще дольше и выехал только 7 июня. Перед его отъездом Головцын послал Архангелогородской губернской канцелярии предписание, в котором указывалось, что «студент Николай Озерецковский по данному ему от предводителя физической экспедиции господина академии доктора и адъюнкта Лепехина наставлению на сих днях намерен ехать отсель на судне, называемом шняка, по берегам Белого моря до Соловецкого монастыря, а оттоль по берегам океана и до Колы. И хотя он, Озерецковский, выданного из Правительствующего сената о чинении во всех местах реченному господину доктору Лепехину, где он находится будет, всевозможных вспоможений указу за рукою оногo господина доктора копию и имеет, но по хозяйству просит меня, чтоб во все лежащие по вышеозначенным берегам места дал я открытые повеления, дабы везде в требованиях чинено было всевозможное вспоможение. . .».²²

Из Архангелогородской губернской канцелярии сообщения о необходимости оказывать содействие Озерецковскому были посланы архимандриту Соловецкого монастыря Досифею, в Кольскую воеводскую канцелярию, старостам, сотским и крестьянам Двинского, Каргопольского и Курского уездов, и, наконец, был отдан приказ коменданту Архангельской новодвинской крепости о пропуске шняка мимо крепости и конторе порта — о пропуске шняка мимо брандвахты.

Озерецковскому была вручена карта Российской Лопландии, присланная для него из Петербургской Академии. Выехал он в сопровождении девяти человек: чучельника Федотьева, солдата Тобольского батальона Харлампия Тарасова, кормщика Андрея Лозина и гребцов — солдат Архангельского батальона Петра Турчасова, Петра Латкина, Ивана Горюшкова, Василия Ракова, Ильи Зубова, Романа Никифорова. Из гребцов, присланных Озерецков-

²⁰ Там же, л. 62.

²¹ Протоколы Конференции, т. III, стр. 12.

²² АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, лл. 16—17.

скому в апреле, поехали только двое — П. Турчасов и П. Латкин. Остальные — Д. Расторгуев, Л. Латкин и И. Окатов отказались и были заменены другими.

Тем временем основной отряд экспедиции 25 июня прибыл в Соликамск, где Лепехин посетил знаменитый ботанический сад Демидовых, и вскоре отправился на северо-восток, пробираясь то водою, то таежными тропами и осматривая встречающиеся на пути солеварни. В начале июля отряд остановился в Кай-городке на Каме. Здесь Лепехин получил из Петербурга известие о назначении его академиком. Из Кай-городка он послал в Петербург некоторые собранные им коллекции, а также написал академику Протасову о своих тревогах и сомнениях, вызванных тем, что Академия еще не приняла никаких мер в связи с отправлением экспедиции в Архангельск.

Академик Протасов немедленно составил и отправил от имени А. А. Ржевского, исполнявшего обязанности директора Академии, рекомендательное письмо Головцуну,²³ с просьбой оказать всяческое содействие академической экспедиции, направленной в Архангельскую губернию. Губернатор ответил, что охотно сделает для Лепехина все, что от него зависит.²⁴

По первоначальному плану из Кай-городка путешественник должен был, минуя уже осмотренную Вятскую губернию, ехать прямо в Великий Устюг, но из-за отсутствия в тех местах летней дороги он вынужден был отправиться по берегу р. Вятки, через села Слободское, Екатерининское, через труднопреодолимый Воронинский Волок, села Всесвятское, Шестаково, Никольское. На гористых берегах Вятки он нашел шиферный камень, медную руду, каменный уголь. Желая ближе ознакомиться с бытом пермяков и зырян (народность коми), населяющих Архангельскую губернию, ученый спустился по р. Сыsole до р. Вычегды. Приходилось ехать верхом, без дорог, по топкой, болотистой местности. Путешественники страдали от жары, большую тревогу им причиняла вспыхнувшая среди местного населения эпидемия желудочных заболеваний.

Близ Усть-Сысоля (ныне Сыктывкар) Лепехин осмотрел Серебровские солеварни и отправился по берегу

---

²³ Там же, л. 37.

²⁴ Там же, л. 38.

Вычегды в Усть-Вымскую волость, к месту слияния рр. Вычегды и Выми, и далее продолжал свой путь на лодке по р. Выми до Соль-Вычегодска, а затем к Великому Устюгу, расположенному у слияния рр. Сухоны и Юга. От Великого Устюга до Архангельска Лепехин плыл на небольшом судне вниз по Северной Двине, по дороге осматривал пещеры, проводил геологические испытания. В Северной Двине ему попалась «морская белуга»,²⁵ что побудило его по приезде в Архангельск после кратковременного отдыха совершить поездку вдоль берегов Белого моря.

Архангельск в то время был довольно большим городом. По описи домов, составленной в 1772 г., в нем было 9 казенных домов (губернаторский и прочие), духовенству и монастырям принадлежало 46 домов, военным — 247, отставным военным — 211, служащим артиллерийской военной команды — 98, рядовым архангелогородской губернской роты — 76, приказным служителям — 37, морским солдатам — 19, русским купцам — 315, иностранным купцам — 53, крестьянам — 68.²⁶ Таким образом, в нем жили преимущественно военные и купцы. Исследователь, особенно интересовавшийся зоологией, узнал у губернатора, кто именно в окрестностях Архангельска занимается промыслом белуги. По его просьбе Головцын 2 сентября 1771 г. послал сотскому Андреянова стана Двинского уезда следующий приказ:

«Находящийся у города Архангельского физической экспедиции, отправленной из Императорской академии наук для исследования натуральных по государству вещей, господин предводитель Академии доктор и адъюнкт Лепехин намерен ехать отсель в поморские волости для вылову морской белуги; требовал от меня о даче ему для того вылову потребного числа промышленников, знающих такую морскую белужью ловлю. Того ради имеешь ты, сотский, для вышеписанной надобности в силу высочайшего повеления из оногo Андреянова стану к вылову тех морских белуг в поморские волости немедленно командировать крестьян, бывающих на том промысле, а именно: Студименской деревни Дмитрия Михайлова сына Звягина,

---

²⁵ Имеется в виду белуха *Delphinapterus leucas* — морское млекопитающее, крупный дельфин с белой кожей, водится в Ледовитом океане, входит в устья рек. Лепехин называет его белугой; далее везде сохранено это название.

²⁶ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9868, л. 94 и об.

Глиновской деревни Ивана Пустошного, Ластомской деревни Федора Рогушина, придав к каждому из тех деревень таковых же бывалых по четыре человека и всем оным с подлежащими тремя карбасами и для того лову инструментами, яко-то неводами, шлицами, кутелами и прочим, велеть явиться Заостровской волости у крестьянина Алексея Котлова сего сентября 9 числа, где ожидать прибытия его, господина доктора. Тем же посланным для помянутого лову крестьянам, сколько оные на том промысле времени пробыть имеют, подлежащая плата учинена будет».²⁷ В Кечостровскую волость был послан такой же приказ о командировании крестьян Василия и Якова Котловых, Ивана Безбородова, Федора Веселова и Матвея Селянинова. Алексею Котлову, который был среди этих промышленников за старшего, было предписано, когда все соберутся, ждать Лепехина и без него на промысел не выезжать.

6 сентября академик обратился в Архангелогородскую губернскую канцелярию с просьбой выдать ему 200 руб. на экспедиционные нужды, так как деньги, полученные им из Симбирской губернской канцелярии, были израсходованы. Деньги были ему выданы.²⁸ Вскоре он вышел в море на небольшом судне в сопровождении двадцати рыбаков и обследовал устье Северной Двины. Живую белугу ему добыть не удалось, но зато он получил возможность изучить ее скелет. Тем временем на побережье установился санный путь. Пристав к берегу, Лепехин осмотрел высокие горы и доехал до с. Золотицы, расположенного у входа в Беломорское горло. Поднявшаяся метель и сильный ветер принудили его 18 сентября прервать поездку и вернуться в Архангельск. Результаты этой небольшой экспедиции не удовлетворили ученого. Он писал в Академию: «Я совершил путешествие из Архангельска, но нашел мало редкостей».²⁹

5 октября 1771 г. он получил из Архангелогородской губернской канцелярии жалованье по 1 февраля 1772 г. для себя, Озерецковского, Лебедева, Федотьева и стрелка Ильи Фомина. Озерецковский все еще находился в Коле, и Лепехин выхлопотал для него разрешение получить в Кольской ратуше или в других присутственных местах

²⁷ Там же, № 9349, л. 31 и об.

²⁸ Там же, оп. 1, т. № 5, № 9676, л. 1.

²⁹ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 58, л. 116 и об. На нем. яз.

сто рублей. Однако ратман Кольской ратуши Андрей Суслов сообщил Головцыну в ноябре 1771 г., что студент Озерецковский отказался от предложенных ему денег на том основании, «что имеется у самого довольно».³⁰

Находясь в Архангельске на зимовке, путешественник заботился о пополнении своих коллекций. По его просьбе Головцын 23 октября 1771 г. послал в Пустозерскую воеводскую Канцелярию следующее предложение:

«Отправленному... для обследования по государству натуральных вещей физической экспедиции предводителю господину профессору и медицины доктору Ивану Ивановичу Лепехину потребны пустозерские рыбы, какие в Печоре и других тамошних реках ловятся, а также и звери российские и тому подобные, того ради Пустозерская воеводская канцелярия имеет кому надлежит приказать, чтобы тех рыб каждого сорту по две рыбы изловлено и потом заморожено было, не повреждая бы их перья, також зверя каждого роду по одному, не обдирая кож, заморозить и все то с бережением уложа, чтоб и в дороге повредиться не могли, отправить ко мне».

Из Мезенской канцелярии вскоре был получен ответ, гласивший, что из местных жителей выбран самый лучший, зажиточный и неподозрительный крестьянин, которому даны деньги на покупку зверей и рыб и поручено отправиться в места, где бывает охота и рыбная ловля.³¹

Не довольствуясь этим, в ноябре 1771 г. Лепехин отправил в Пустозерск с поручением солдата архангелогородского гарнизона Михайлу Батманова, на расходы которого он внес в Архангелогородскую канцелярию сто рублей, с тем чтобы эти деньги были выданы Батманову в Пустозерске.³²

С наступлением навигации исследователь собирался отправиться на Новую Землю. Поэтому Головцын заблаговременно просил Мезенскую губернскую канцелярию ответить на следующие вопросы: «куда и сколько отправляется судов на промыслы из Мезенского уезда и когда они возвращаются в Архангельск или в Мезень; сколько отправится судов в нынешнем году, от каких хозяев и сколько на них работников; не согласится ли кто-нибудь из этих хозяев свозить профессора на Новую Землю за

³⁰ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, л. 56.

³¹ Там же, лл. 49 и об., 57 и об.

³² Там же, оп. 1, т. 5, № 9676, л. 27.

надлежащую плату на твердом и безопасном судне с надежным и верным кормщиком и рабочими, с тем чтобы он пробыл там некоторое время и вернулся с промышленниками в Архангельск или в Мезень; если кто согласится, то за какую плату, показать точно, а также сообщить о крепости и величине судна».³³ Головцын предписывал Мезенской канцелярии приложить старание, чтобы с Лепехина не запрашивали лишнего, так как экспедиция совершается на казенный счет и, кроме того, все, что во время поездки добудут промышленники, поступит в их пользу.

15 декабря 1771 г. Озерецковский, чучельник Федотьев и солдат Харлампий Тарасов возвратились из Колы в Архангельск, объехав Мурманский берег Кольского полуострова.

В декабре 1771 г. по требованию ученого из Архангелогородской губернской канцелярии было выдано жалование и провиант трем солдатам Тобольского батальона, прикомандированным к экспедиции с 9 февраля 1771 г.: Х. Тарасову, сопровождавшему Озерецковского в его путешествии на Кольский полуостров, А. Смирнову и Т. Николаеву.³⁴ В феврале 1772 г. Лепехин получил там же жалование для всех членов экспедиции по 1 июня 1772 г.³⁵ В конце 1771 г. он написал письмо академику Румовскому с просьбой исходатайствовать ему разрешение объехать и осмотреть берега Белого моря³⁶ и получил согласие Академии. Из Академии были присланы карты малоизвестных областей, в которые Лепехин собирался в 1772 г., чтобы он внес в эти карты свои исправления. Ему послали «Карту Российской Лапландии», «Положение мест между городом Архангельском и Санкт-Петербургом», карту Мезенского и Пустозерского уездов с близлежащими островами и уездами, карту рр. Печоры, Оби и Енисея.³⁷

Зима, проведенная в Архангельске, ознаменовалась чрезвычайным происшествием — землетрясением в Коле. Получив сообщение об этом событии от комиссара Кольской воеводской канцелярии Максима Обернибесова, Го-

³³ Там же, оп. 1, № 9349, лл. 50—51.

³⁴ Там же, оп. 1, т. 5, № 9676, л. 37 и об.

³⁵ Там же, оп. 1, № 9349, л. 62.

³⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 2, л. 93.

³⁷ Там же, лл. 95, 97. Эйлер рекомендовал Лепехину оставить собранные экспедицией коллекции временно в Архангельске и выслать их в Академию лишь в том случае, если не найдется места для их хранения в Архангельске. — Там же, ф. 1, оп. 3, № 55, л. 26.

ловцын допросил присланного из Колы солдата и послал о случившемся донесение в сенат, а Лепехину, несмотря на то что он находился тут же, в городе, написал следующее письмо:

«Государь мой, Иван Иванович!

Сего февраля 28 числа в присланном ко мне из Кольской воеводской канцелярии репорте написано, что оногo месяца 7 дни пополудни в исходе первой половины седьмого часа в тамошнем городе Кольском остроге было землетрясение и по всему городу слышно было подземельный гром, наподобие едущих колясок по каменным или деревянным мостам, и в то же самое время по воздуху был преужасный вихрь с презельным (очень сильным — *Т. Л.*) снегом; коего времени было с минуто часа, точию божиним милосердием от оногo никакого, нисколько и ничему повреждения не учинилось. А при подаче того репорта бывший в самое то время в Коле посланный отсель за некоторым делом Архангелогородской губернской роты солдат Филипп Горбатый в дополнение того репорта сказкою (устно, — *Т. Л.*) у меня показал, что весь тот день, в коем упомянутое происшествие было, состоял пасмурный и шел снег и ветер во весь же день крепкой между запада и севера; а по Кольскому просторечию, от Варенской губы во время ж землетрясения сильный был вихрь, удары же землетрясения или стук шел от западной к полуденной стороне, о чем не могу вас, государя моего, безызвестна оставить...»³⁸

10 марта 1772 г. Лепехин послал в Петербург солдата Архангелогородского батальона Петра Турчасова на двух подводах с коллекциями. При себе он оставил только те вещи, которые ему удобно было возить с собой: гербарий, морские растения, кораллы; с Турчасовым же отправил 6 четвероногих животных, 23 птицы, 17 рыб, 13 раков, яйца различных птиц. Турчасов приехал в Петербург 23 апреля 1772 г., отдал привезенное в Академию и вернулся в Архангельск.³⁹ Затем Лепехин отправил в Пуст-

³⁸ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9856, лл. 3—4. Лепехин тотчас сообщил об этом событии в Академию. — Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 58, л. 139 и об. На нем. яз.

³⁹ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, л. 60; Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 2, лл. 94, 98; № 7, л. 35.

озерск студента Мальгина и чучельника Федотьева в сопровождении солдата Михайлы Батманова и сообщил в Академию, что, как только вскрыется лед, Озерецковский, который по нездоровью остался в Архангельске, отправится в назначенное ему по плану место. Он вновь отмечал заслуги Озерецковского и просил также наградить рисовальщика Шалаурова. В Академическом собрании было решено увеличить жалованье Озерецковскому с 1 мая 1772 г. до 100 руб. в год, а Шалаурову дать в награду 20 руб.⁴⁰

Из Петербурга Лепехину писали, что Академию очень интересуют северные животные и просили несколько экземпляров прислать живыми или по крайней мере изготовить их чучела. В письме от 7 апреля 1772 г., адресованном Эйлеру, ученый указывал, что животных, которых хочет получить Академия, здесь по большей части нельзя достать: серны водятся только в Сибири, сайга — в Астрахани; песец уже послан в Академию. Олень здесь встречается редко, но есть северный олень (*Rennthier*). Лося, может быть, удастся получить в Пустозерске, медведя он велел привезти с Новой Земли.⁴¹

В другом письме в Академию от 1 мая 1772 г. исследователь упоминал о получении ландкарт Белого моря. «Я сделаю все, — писал он далее, — чтобы точнее определить места, лежащие вблизи Белого моря. Мой флот, состоящий из одного большого и тяжелого карбаса, уже готов, и я с нетерпением жду вскрытия льда. Наступившая прекрасная погода обещает, что лед скоро вскрыется. Р. С. Пока я это писал, Двина освободилась ото льда».⁴²

В середине мая 1772 г. Лепехин сообщил Головцыну, что «намерен по должности своей в скорости отправиться отсюда на Белое море», и просил, чтобы к нему прислали семерых знающих морской путь солдат второго батальона Архангельского гарнизона: Романа Никифорова, Василия Ракова, Петра Латкина, Илью Зубова, Ивана Медведева, Варлама Долгова и Матвея Семенова. Солдаты были немедленно посланы в его распоряжение. Выполняя желание Академии получить северных животных, он попросил Головцына достать ему живого белого медведя. Промышленники, возвращавшиеся с Новой Земли, часто приво-

⁴⁰ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, лл. 66 и об.—68 и об. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 9, л. 67 и об.; № 2, л. 103.

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 58, л. 154 и об. На нем. яз.

⁴² Там же, л. 165.

зили с собой в Архангельск белых медведей. Головцын распорядился, чтобы Архангелогородский магистрат приказал им постараться поймать для него за плату медведя, а если удастся, то с приплодом.⁴³

Надежды Лепехина на скорое установление хорошей погоды, однако, не сбылись. Он пробыл в Архангельске весь май и середину июня. 11 июня 1772 г. (н. ст.) он писал Эйлеру: «Сильные ветры, которые гонят лед на берег, все еще не позволяют мне покинуть мою зимнюю квартиру, потому что при такой погоде путешествие весьма опасно».

В том же письме он сообщал, что совершил повторную поездку на место, где ловят белуг. Ему удалось поймать самочку длиной в 10 футов, с совершенно белой кожей; «Как будто, — говорилось в письме, — еще никто ее не описывал, поэтому я позаботился об ее скелете. Белуга очень жирная, она тут ловится в большом количестве. Ловля ее отличается особенностями и очень примечательна». Далее он обещал удовлетворить любознательность Академии относительно Канина носа, если будет возможность.⁴⁴

До отъезда в экспедицию Лепехин обратился к Головцыну еще с одной просьбой — принять меры к тому, чтобы из Колы в Архангельск были доставлены кости выброшенных на берег китов. Головцын послал комиссару Кольской канцелярии Обернибесову следующий приказ:

«Находящийся здесь у города Архангельского. . . Иван Иванович Лепехин объявил мне, что уведомился он, будто близ Колы выкинуло из моря на берег два кита, которых сало жителями обрано, а кости лежат и поныне на берегу, кои ему для делания шкилету и представления в Императорскую Академию наук необходимо потребны, и требовал с моей стороны в здравии (очистке, — Т. Л.) оных и в доставлении сюда вспоможения. А как ныне отправляется отсель в Колу за некоторым делом Архангелогородской губернской роты солдат Дмитрий Марков, того ради Кольской воеводской канцелярии предлагаю: имеет она по получении сего в самом скором времени, придав вышеписанному посланному Маркову тамошние команды сержанта Ламбухина и еще надежных людей потребное число, отправить на то место, где те китовые кости лежат, и при-

⁴³ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, лл. 70, 76—77.

⁴⁴ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 58, л. 175 и об. На нем. яз.

казать, во-первых, одного из тех китов кости, которые целые и неповрежденные, а также все оного позвонки или спинную кость со всеми ребрами, тож и все головные кости и грудную большую кость же здать, а, если оные кости не должно отделены или отстали, то дабы прибрали, где которая должна быть, и по здранию оные кости отправить сюда ко мне на попутном судне с вышеписанным солдатом Марковым, за который провоз здесь хозяину оплата произведена быть имеет. Буде же попутного судна не отыщется, то нанять под оные кости шняку или какое другое небольшое, но могущее те кости выдержать судно по добровольному с хозяином договору, и сқоль на сие потребно казенная издержка, то Кольской канцелярии стараться того хозяина уговаривать и увещивать, чтоб он лишнего за тот провоз получить не домогался...

«Кости же надобно не попортить, в здрании надо оказывать осторожность... дабы при нагреве те кости вреда понести не могли, привезть оные господину профессору, дабы он их в Сиянс Академию представить мог».⁴⁵

Ответ из Колы пришел в июле 1772 г., когда путешественника уже не было в Архангельске. Комиссар Обернибесов писал, что, действительно, в марте этого года промышленники закололи в Кольской губе в полынье трех китов, из которых один уплыл, а два остались лежать на льду. Из канцелярии к промышленникам был послан солдат Петр Расторгуев с приказом, чтобы «мясину» и сало с китов они снимали бережно, не трогая костей. Вернувшись, солдат объявил, что киты лежат очень далеко от берега за большим ледяным торосом, доставить их на берег, не разрубая на части, невозможно, а при таянии льда их унесет в море. Когда в Коле получили приказ Головцына, для осмотра китов были посланы подлекарь Миль и сержанты Ламбухин и Марков. Оказалось, что из трех китов нет ни одного целого: от одного осталась только голова и щеки, от другого с хвоста нет половины, от третьего остались только отдельные части.⁴⁶ Конечно, не имело смысла везти их в Архангельск.

5 июня 1772 г. академик получил в Архангелогородской губернской канцелярии жалованье для членов экспедиции по 1 октября 1772 г.,⁴⁷ после чего стал деятельно

⁴⁵ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, лл. 70—73 об.

⁴⁶ Там же, лл. 79—89.

⁴⁷ Там же, оп. 1, т. 5, № 9676, л. 74 и об.

готовиться к отъезду. Перед отправлением экспедиции Головцын, заботясь о сохранности имущества Лепехина, приказал перевезти его вещи из дома купца Ключникова, где он квартировал, в одно из помещений Архангелогородского гостиного двора.⁴⁸ Об этом он отдал капитану Архангелогородской губернской роты Пехтереву следующий приказ:

«Находящийся здесь физической экспедиции предводитель господин профессор и медицины доктор Лепехин отпращивается по должности своей в Белое море, а как он жительство имеет в доме Архангелогородского купца Ключникова, где остаются после его материалы, припасы, сундуки и прочее, а оной дом по конфискованию [имущества] оногo купца Ключникова может иногда быть продан, то, чтоб в числе прочих того Ключникова в доме пожитков и те его, господина Лепехина, вещи не утратились, имеете, ваше благородие, все оные принять и отдать под сохранение на русском гостином дворе в палату, где рыбные департаменты и прочие, и запереть, упряжки ж, телеги и тому подобное по тому ж приняв, положить в имеющиеся на том гостином дворе порожние палаты».⁴⁹

В июне 1772 г. ученый продолжил свое путешествие по дальнему северу Европейской России. Погода на Белом море стояла неустойчивая, и плавание на шняке было сопряжено с большим риском. Об этом свидетельствует следующий факт: почти одновременно с Лепехиным из Архангельска отправился морем каптенармус Андрей Кузиванов, которому Головцын поручил отвезти на Медвежий остров муку и крупу для горняков, работающих там на серебряных приисках и в шахтах. В пути корабль, в котором везли провиант, застигла буря, начался дождь, судно выбросило на мель. Как пишет Кузиванов, он и его спутники «принуждены были в самом жалостном состоянии, держась за палубу, сидеть на носу, призывая в помощь бога, ожидать последнего дня своей жизни».⁵⁰

Путешествие Лепехина прошло благополучно. На небольшом судне он объехал берега Белого моря и посетил Соловецкие острова.

---

⁴⁸ Складские помещения Архангелогородского гостиного двора — одно из немногих старинных зданий, сохранившихся в Архангельске до настоящих дней.

⁴⁹ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, л. 78.

⁵⁰ Там же, № 9887, л. 39.

Маршруты Лепехина до Соловков описаны в IV т. его «Дневных записок», а о дальнейшем его путешествии сведения сохранились только в рапортах, посланных им в Академию из Архангельска и Умбы,⁵¹ а также в его переписке с И.-А. Эйлером. От Соловков он направился водою мимо островов Кузева в Кемь, а оттуда в Кереть и Кандалакшу. В июле 1772 г. в Академию был послан рапорт о результатах обследования Северного берега Кандалакшской губы.⁵² Лепехин спустился по р. Кандалакше (совр. Нива), до оз. Имандра, осмотрел устье р. Умбы и затем объехал Терский берег.⁵³ В августе он осмотрел устья рр. Пялицы, Поноя, посетил Три Острова,⁵⁴ устье р. Майды, о. Моржовец, устья рр. Кульи, Мезени, Неси, Вижаса, прошел к п-ову Канину и после трудного пешего перехода по болоту достиг берега Чешской губы. Здесь он встретил ненцев и вместе с ними на оленях отправился на северное побережье п-ова Канин до мыса Никулина, к урочищу Промои. Между тем начались морозы, и ему пришлось пуститься в обратный путь.

По приезде в Архангельск ученый написал в Петербург следующее: «Вместе с моим последним репортом из Умбы я послал маленькую карту и образцы серебряных руд. Завтра (т. е. 25 сентября 1772 г. — Т. Л.) я отправляюсь снова на соседние острова, чтобы дополнить мое морское путешествие».⁵⁵

Весной 1772 г., еще до поездки к Соловкам и п-ову Канин, он послал солдата Ивана Горюшкова в Кольский уезд за материалами и для пополнения фаунистических коллекций. В декабре 1772 г. вторично в Петербург поехал солдат Петр Турчасов, который привез в Кунсткамеру Академии наук большую коллекцию животных и птиц.⁵⁶

Во время пребывания экспедиции в Архангельске губернатор Головцын оказывал Лепехину всяческое содействие в научных исследованиях, рекомендовал маршруты, заслуживающие внимания.

⁵¹ См. В. П. Таранович. Путешествие И. И. Лепехина по Северу Европейской России в 1771—1772 гг. Тр. Инст. истории науки и техники, 1934, сер. 1, вып. 4, стр. 349—362.

⁵² Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 9, лл. 75—77.

⁵³ Юго-западное и западное побережье Кольского полуострова.

⁵⁴ В Белом море, севернее устья р. Поноя.

⁵⁵ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 58, л. 190 и об. На нем. яз.

⁵⁶ Там же, ф. 3, оп. 30, № 7, л. 43.

13 декабря 1772 г. Лепехин покинул Архангельск. С установлением санного пути он вместе с Озерецковским, Мальгиным, Лебедевым, Шалауровым, Федотьевым и четырьмя солдатами Архангельского гарнизона отправился в Петербург. Головцын приказал беспрепятственно давать ему в пути подводы, так как ученый вез с собой коллекции натуральных предметов, а также живых зверей, «кои в пути медления, чтобы те вещи не испортились, а звери не померли, не терпят»...⁵⁷ Из Архангельска возвращались через Холмогоры, Каргополь и Ладогу. 25 декабря 1772 г. Лепехин прибыл в Петербург, четырехлетнее путешествие завершилось. Сразу же по приезде он занялся разбором привезенных экспонатов, часть которых тут же заспиртовал, получив для этого из Академии ведро спирта.

Будучи начальником экспедиции, Лепехин показал себя не только смелым, находчивым и решительным путешественником, но и прекрасным организатором. Стремясь максимально использовать все возможности, он охотно давал самостоятельные задания студенту Озерецковскому и гимназисту Мальгину, которые, несмотря на молодость, в трудных условиях совершили ряд дополнительных путешествий по радиальным маршрутам; регулярно посылал с отдельными поручениями стрелков, чучельников, солдат, в результате чего значительно умножились добытые экспедицией материалы. Таким образом, ему удалось относительно малыми средствами достигнуть многого.

Говоря об итогах Оренбургской и Северной экспедиций Лепехина, следует отметить, что он блестяще выполнил все те многообразные и сложные задания, которые были поставлены перед молодым ученым Академией в 1768 г.: изучил природные богатства Поволжья, Урала, Сибири и крайнего севера Европейской России; подробно описал состояние промышленности, сельского хозяйства, охоты, рыболовства в посещенных им районах; в горных местностях повсюду произвел геологические разведки, исследовал пещеры и карстовые формы рельефа; пополнил экспонаты Кунсткамеры многочисленными образцами найденных им химических веществ с указанием их месторождения: квасцовых, купоросных и сернистых земель, каменного масла, горькой и поваренной соли, хромистого железняка, самородной серы и пр.; уточнил и проверил географические

---

⁵⁷ АОГА, ф. 1, оп. 1, № 9349, л. 91.

карты, имевшие в то время немало белых пятен, привез богатейшие зоологические и ботанические коллекции, описал множество новых видов животных и растений; собрал ценные материалы по зоогеографии, истории, экономике, этнографии, фольклору, народной медицине и ветеринарии.

Эти данные вошли в путевые заметки Лепехина, которые печатались в Петербурге постепенно еще тогда, когда экспедиция не была закончена; материалы, не включенные в это издание, были обработаны им и по возвращении опубликованы в различных изданиях на русском и латинском языках.

В 1772 г. по соглашению с Австрией и Германией Россия получила новые области (на территории современной Белоруссии). 18 февраля 1773 г. Академическая комиссия приняла решение послать туда научную экспедицию под руководством Лепехина.⁵⁸ Его должны были сопровождать студенты Николай Озерецковский и Тимофей Мальгин, чучельник Филипп Федотьев и рисовальщик Михайло Шалауров, т. е. все бывшие участники Оренбургской экспедиции. Печатник академической фигурной палаты Дмитрий Денисов изъявил желание принять участие в поездке в качестве стрелка. Это было ему разрешено.⁵⁹

Лепехину была дана та же инструкция, что и при отъезде в Оренбургскую экспедицию, но был добавлен один пункт, в котором рекомендовалось обратить внимание на старинные рукописи и книги, хранящиеся в монастырских, городских и частных библиотеках, и позаботиться о снятии копий с наиболее интересных документов, относящихся к славянской и русской истории.⁶⁰

Лепехин внимательно проверил снаряжение экспедиции и постарался избавиться от всего лишнего и обременительного. Так, перед самым отъездом он вернул выданные ему четыре старых ружья и горный бурав; бурав был оставлен на хранение в Академии, а ружья проданы «охочим людям».⁶¹

Вместе с тем, как видно из приходо-расходной книги Лепехина, он позаботился запастись всем, что могло по-

---

⁵⁸ См. Т. А. Лукина. Экспедиции акад. Лепехина в XVIII в. Тр. Инст. истории естеств. и техники, т. 41. Из истории биологич. наук, вып. 10. М.—Л., 1961, Изд. АН СССР, стр. 346—352.

⁵⁹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 31, № 2, л. 21 и об.

⁶⁰ Протоколы Конференции, т. III, стр. 86.

⁶¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 31, № 2, л. 1 и об.

требоваться для отстрела птиц и для изготовления чучел, зная по опыту, что в дороге это трудно будет достать. Так, он взял с собой «толстую проволоку для морских зверей», паклю для набивки чучел, камфару, перец для чучельного порошка, серу, квасцы, шило, долото, ножницы, «ножичек для чучельства», «пронизки (бусы) для глазск...».⁶²

18 марта 1773 г. Лепехин представил в Академию план экспедиции. Предполагалось, что он по последнему санному пути выедет в Великие Луки, откуда с наступлением весны через Торопец отправится к истокам рр. Волги и Западной Двины, продолжит путешествие по Двине до Витебска, затем спустится вниз по Днепру и р. Сожей до ее устья при Бобовичах. С Днепра будет послан студент для осмотра мест между р. Сожей и прежней русской границей, который встретится с Лепехиным в Бобовичах. Из Бобовичей Лепехин возвратится на Днепр, по Днепру подымется до Рогачева, затем по Западной Двине доедет до Полоцка, откуда пошлет студента через Заволочье и Опочку до Пскова, а сам отправится через Ригу в Псков и затем вернется в Петербург.

21 марта 1773 г. ученый выехал по Нарвской дороге из Петербурга в Псков, где ему пришлось задержаться из-за наступившей весенней распутицы. Здесь он оставил сани и перешел на летние повозки.⁶³ По его заказу в Пскове были изготовлены четыре кибитки, снаружи обитые кожей, а изнутри — холстом; была также куплена кованая телега.

Из Пскова он совершил небольшие экскурсии в Печерский монастырь (в 56 верстах от Пскова по Рижской дороге) и в древний пригород Изборск. Из г. Торопца 6 мая 1773 г. он послал в Академию рапорт, в котором подробно описывал пещеры, находящиеся близ Печерского монастыря. 17 апреля 1773 г. он покинул Псков и отправился через слободу Стрелкину и Пусторжевский округ в Великие Луки, где пробыл до 1 мая. В Великих Луках в доме, где остановилась экспедиция, ночью случился пожар, в результате которого весь дом сгорел; при этом Лепехин лишился некоторых собственных и казенных вещей, а также части дневниковых записей. По дороге от

---

⁶² Там же, № 4, лл. 1—2 об.

⁶³ Там же, оп. 30, № 9, л. 87.

Великих Лук до Торопца был собран гербарий и большая коллекция птиц. Из птиц, многие виды которых удалось добыть в двух и даже в трех экземплярах, тут же были изготовлены чучела. Из Торопца Лепехин отправился к истокам Волги и к оз. Охват, из которого вытекает Западная Двина. Он осмотрел берега этого озера, находящегося в 60 верстах от Торопца, а также 15-верстный волок между рр. Волгой и Двиной.⁶⁴ Побывав на озерах Пен, Всевок и Стерж, Лепехин вернулся в Торопец и оставался там до 20 мая. Из Торопца был послан ящик с птицами, который через Великие Луки, Порхов и Новгород был доставлен в Академию в июне 1773 г. солдатом Варламом Сидоровым. Из Торопца Лепехин послал Озерецковского в Витебск, а сам с остальными членами экспедиции поехал по берегу Западной Двины, осматривая по пути залежи железной руды и колчедана, берега судоходной р. Межи, дремучие смоленские леса. Осмотрев Смоленск, Лепехин направился к прежней русско-польской границе, которая проходила по речке Морею, и посетил бывшие пограничные пункты — русское село Шеляговку и бывшее польское местечко Ляды. Вскоре экспедиция прибыла в город Мстиславль на р. Виохре. Ознакомившись с окрестностями Мстиславля и отметив обилие в них полезных ископаемых (железистый камень, известь, охра, вязкая глина), Лепехин 9 июня начал спускаться вниз по течению р. Сожи до ее устья. Переправясь через Сожу, он свернул к г. Рогачёву, послал Мальгина вверх по течению р. Друти, а сам по левому берегу Днепра приехал в Могилев, а оттуда через местечко Шклов в г. Оршу. 15 июля 1773 г. он выехал из Орши и от Днепра снова перебрался на Западную Двину близ Витебска. В Витебске он встретился с Озерецковским и послал его в Ригу через Опочку, сам же отправился в г. Полоцк, откуда был послан в Ригу Мальгин по Лифляндской дороге через Опочку и Изборск.⁶⁵

2 августа 1773 г. Лепехин покинул Полоцк и продолжал свой путь по берегу Западной Двины, через местечко Креслау, с. Старый Замок, местечко Крейцбург, г. Динабург — в Ригу, откуда предполагал отправиться на о. Эзель, «чтобы познакомиться с продуктами Балтийского моря».⁶⁶ Однако в течение трех недель, проведенных

⁶⁴ Там же, лл. 91—92.

⁶⁵ Там же, лл. 93—94, 95 и об.

⁶⁶ Там же, лл. 97—99.

Лепехиным на берегу Балтийского моря, карбасы на Эзель из-за плохой погоды ни разу не отправлялись, и ему пришлось ограничиться осмотром морского берега между Ригой и Перновом (совр. Пярну). В рапорте, присланном в Академию из Пскова 7 октября 1773 г., Лепехин сообщал, что весь морской берег близ Риги засыпан горами песка [дюны, — Т. Л.] и описывал некоторые найденные им водоросли.⁶⁷

Между тем в Ригу собрались студенты, посланные в самостоятельные экскурсии, и Лепехин решил двинуться в обратный путь. Он разделил всю экспедицию на четыре отряда, которые должны были прибыть в Псков: Лепехин — через Пернов и Валк, чучельник и стрелок — через Чудское озеро, Озерецковский и Мальгин — двумя другими маршрутами, которые остались неизвестными, так как в рапортах Лепехин о них не сообщает. В Пскове все члены экспедиции соединились и стали ждать распоряжений из Академии наук.

22 ноября И. Эйлер послал Лепехину письмо об отзвании его в Петербург, так как ученый завершил работу в Белоруссии.⁶⁸ Приказ о возвращении был послан в Псков 25 ноября и получен 6 декабря, после чего Лепехин тотчас пустился в обратный путь и 15 декабря уже был в Петербурге.⁶⁹ 22 декабря он впервые после возвращения присутствовал в Академическом собрании.⁷⁰

Эта вторая экспедиция оказалась столь же успешной, как и первая. Она дала некоторое представление о вновь присоединенном к России крае, о его природных богатствах, о полезных ископаемых, о состоянии промышленности и сельского хозяйства; путешественник собрал ценные материалы по экономике и этнографии обследованных им мест, составил гербарий и привез богатые зоологические коллекции. Занятость другими делами помешала ему подготовить описание его второго путешествия для печати, и сведения об этой интересной экспедиции имеются только в подробных донесениях, присланных Лепехиным в Академию.⁷¹

⁶⁷ Там же, ф. 3, оп. 30, № 9, л. 101 и об.

⁶⁸ Там же, ф. 1, оп. 3, № 55, л. 73.

⁶⁹ Там же, оп. 31, № 3, л. 6 и об.

⁷⁰ Протоколы Конференции, т. III, стр. 110.

⁷¹ Эти донесения опубликовал В. П. Т а р а н о в и ч: Экспедиция академика И. И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. Архив истории науки и техники, вып. 5, 1935 г., стр. 545—568.

Г л а в а 5

«ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ» ПУТЕШЕСТВИЯ (1768—1772)

Путевые заметки Лепехина, написанные во время его первой экспедиции, за период от 8 июня 1768 по 30 июня 1772 г., были опубликованы в Петербурге в четырех томах. Первый том вышел в свет под заглавием: «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году» (ч. I, СПб., 1771). Изложению было предпослано посвящение графу В. Г. Орлову, главному директору Петербургской Академии наук, и членам Петербургской Академии наук.

К первому тому «Дневных записок» были приложены 23 таблицы, гравированные на меди и раскрашенные рисовальными дел мастером Иоганном Готфридом Пецольдом.¹ Том был отпечатан в феврале 1771 г. в количестве 594 экземпляров на российской комментарной бумаге и 6 на александрийской, всего 600 экземпляров. Печатание обошлось в 725 р. 15 к.² За гравирование таблиц к тому было уплачено 75 руб., за раскраску гравюр — 1 р. 35 к. за экземпляр. Том продавался по 2 руб. с нераскрашенными таблицами и по 5 руб. с раскрашенными.³

Вскоре после выхода в свет первого тома регистратор Иван Кох приступил к переводу его на немецкий язык.

¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 7, № 323, л. 311.

² Там же, л. 303.

³ Там же, лл. 303 об., 306. — В январе 1773 г. Лепехину, как автору, было выдано бесплатно 12 экземпляров первого тома «Дневных записок». Там же, ф. 3, оп. 30, № 2, л. 116.

ДНЕВНЫЯ
ЗАПИСКИ
ПУШЕШЕСТВІЯ
ДОКТОРА И АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТА
ИВАНА ЛЕПЕХИНА
по
РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,
1768 и 1769 году.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ,
1771 году.

Титульный лист путевого дневника И. И. Лепехина.

28 февраля 1773 г. он представил в комиссию текст перевода дневника по 23 июля 1768 г., проверенный и подписанный автором.⁴

Второй том, содержащий путевой дневник Лепехина до 3 сентября 1770 г., был опубликован в 1772 г. под заглавием: «Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году». В первом томе описания зоологических объектов были включены в текст, во втором же томе они помещены отдельно, в конце, под заголовком «Прибавление. Описание птицам, рыбам, насекомым и пресмыкающимся».⁵

Ко второму тому было приложено 11 таблиц. Часть тиража второго тома продавалась с таблицами, раскрашенными Пецольдом.⁶ 15 февраля 1772 г. Пецольду было уплачено 15 руб. за раскраску 100 картинок к 10 экземплярам второго тома «Дневных записок».

Третий том вышел под заглавием: «Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, Вольного Экономического в Санкт-Петербурге и друзей природы испытателей в Берлине и Гессен-Гомбургского патриотического общества члена, по разным провинциям Российского государства в 1771 г.». Он был опубликован в 1780 г., т. е. через восемь лет после появления второго тома. Эта задержка становится понятной, если учесть политические события того времени. В 1774 г. было подавлено пугачевское восстание; перестали выходить в свет сатирические журналы Новикова, с большой осторожностью стали относиться к изданию художественной и мемуарной литературы, в которой правдиво изображалась жизнь крепостного крестьянства.

15 рисунков к третьему тому Лепехин представил в Комиссию 16 января 1773 г. При этом он просил «об ободрении . . . рисовальщика Михайлы Шалаурова, о которого добрых поведении и рачении я ручаюсь, а об искусстве его сама комиссия из приложенных рисунков усмотреть может».⁷ Рисунки были гравированы на меди и раскрашены художником Майером.⁸

⁴ Там же, № 8.

⁵ «Дневные записки», т. II, стр. 292—338.

⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 7, № 93, л. 45.

⁷ Там же, оп. 30, № 2, л. 115.

⁸ Там же, оп. 7, № 93, л. 54.

Последний — четвертый том был задержан и вышел в свет уже после смерти автора, в 1805 г., под заглавием: «Путешествия академика Ивана Лепехина, часть IV. В 1772 г.». В этом томе Лепехин описал путешествие от Архангельска до Соловецкого острова и историю Соловецкого монастыря (стр. 1—80); далее, начиная со стр. 81, идет текст Н. Я. Озерецковского. В примечании Озерецковский пишет:

«Покойный академик Иван Иванович Лепехин не окончил своего путешествия, или дневных записок, которых при жизни его отпечатано десять листов. Он остановился при конце истории Соловецкого монастыря, о котором осталось сказать только то, что сим листом начато. Окончание сие взято из письменного летописца; после покойного ж Лепехина никаких записок не нашлось. По тому далее пойдет описание собственно моего путешествия по Белому морю».⁹

Четвертый том также был снабжен гравированными на меди таблицами, печатание которых обошлось в 78 р. 75 к.¹⁰

На русском языке дневники Лепехина были переизданы его учеником и другом Озерецковским в 1821—1822 гг.¹¹

Издание вышло без иллюстраций, но с приложением отдельного атласа в половинную долю листа, с картонной обложкой, в которую должны были вкладываться таблицы. На первой странице атласа была напечатана «Роспись изображениям, принадлежащим к запискам путешествия академика И. И. Лепехина и составляющим вторую тетрадь атласа к полному собранию ученых путешествий по России», которой предшествовало следующее «Предупреждение»: «Сим издается вторая тетрадь первой части Атласа к полному собранию ученых путеше-

---

⁹ «Дневные записки», т. IV, стр. 81.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 4, оп. 1, № 2, л. 255. Вместе с печатанием таблиц для IV тома пришлось отпечатать дополнительный тираж таблиц к I тому, так как все они были распроданы. Там же, л. 706.

¹¹ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорскою Академиею наук, по предложению ее президента, т. III, СПб., 1821, стр. 1—540, ч. I. От Санкт-Петербурга до Симбирска, ч. 2. От Симбирска до Табынска; т. IV, СПб., 1822, стр. 1—436, ч. 3. От Табынска до Екатеринбурга; т. V, СПб., 1822, стр. 1—492, ч. 4. От Тюмени до Архангельска.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
УЧЕНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

ПО РОССИИ,

ИЗДАВАЕМОЕ ИМПЕРАТОРСКОЮ
АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ,

ПО ПРЕДЛОЖЕНІЮ ЕЯ ПРЕЗИДЕНТА.

СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ, ИЗЪЯСНЕНІЯМИ, И
ДОПОЛНЕНІЯМИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВІЯ АКАДЕМИКА
ЛЕНЕХИНА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ
1821.

Титульный лист III тома «Полного собрания ученых путешествий по России».

АТЛАСЪ
КЪ
ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
УЧЕНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
ПО
РОССІИ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Титульный лист атласа к «Полному собранию ученых путешествий по Россіи».

Herrn Swan Lepchin
der Arzneykunst Doktor und der Akademie der Wissenschaften zu
Petersburg Adjunktus

Tagebuch der Reise

durch verschiedene Provinzen
des

Russischen Reiches

in den Jahren 1768 und 1769.

Aus dem Russischen übersetzt

von

M. Christian Heinrich Hase

Pastor zu Stadt. Sulza, der Jenaischen Philos. Facultät und der Weimarisch-Koselischen
Superintendentur Adjunkt.

Erster Theil.

Altenburg
in der Richterischen Buchhandlung 1774.

Титульный лист немецкого перевода Путевого дневника
И. И. Лепехина.

ствий по России. Она состоит из одиннадцати таблиц и принадлежит к томам третьему, четвертому и пятому одного собрания, заключающим в себе записки путешествия академика И. И. Лепехина. Фигуры к оным вновь выгравированы в исправнейшем виде, а животные для большей точности изображены также вновь по лучшим образцам, в Кунсткамере хранящимся».¹²

«Дневные записки» с 1768 по 1771 г., т. е. первые три тома были переведены на немецкий язык пастором города Зульца магистром Х.-Г. Газе, который перевел также «Путевые записки» капитана Николая Рычкова в 1769—1771 гг. В предисловии переводчик дал биографию Лепехина и краткое описание маршрута его обоих путешествий. Газе сообщает, что, приняв решение перевести дневник на немецкий язык, он написал об этом автору, который не только одобрил его намерение, но взял на себя труд внести в текст перевода поправки и пояснить трудные для переводчика места. Переводчик сравнил и снабдил примечаниями те места дневника Лепехина и записок Палласа, в которых говорится об одних и тех же областях. Он проделал большую работу, поместив в примечаниях обширные выдержки из дневников Палласа и Гмелина, относящиеся к различным биологическим и этнографическим объектам, описанным в «Дневных записках», в ряде случаев дополнив и уточнив текст.

Извлечение из дневников Лепехина на французском языке было опубликовано с иллюстрациями в Швейцарии в 1784 г. вместе с его краткой биографией и небольшим введением, в котором дана общая характеристика путешествий по России Палласа, Гмелина, Гильденштедта, Лепехина. Изложение проведено в хронологическом порядке, причем наряду с дневниками Лепехина были использованы и записи других путешественников. Первый том этого издания заканчивается рассказом о прибытии Лепехина 24 июля в Царицын, а Гмелина 10 августа 1769 г. в Азов. Во втором томе говорится о путешествии Лепехина от Царицына до Астрахани, в третьем и четвертом, опубликованных в Берне в 1781 г., — о путешествии Гмелина в Персию.

Появление этих двух изданий способствовало признанию научных заслуг Лепехина за границей. В 1776 г. он

---

¹² Атлас, стр. 1.

был избран членом Берлинского общества испытателей природы, в 1778 г. — членом Гессен-Гомбургского патристического общества. Профессор И. Бекман и доктор А.-Ф. Бюшинг в 1774 г. опубликовали одобрительные отзывы о трудах Лепехина,¹³ несколько вновь найденных растений и насекомых получили названия в его честь.¹⁴ Четыре тома «Дневных записок» — интереснейшее собрание разнообразных естественнонаучных и этнографических данных. Лепехин прежде всего был зоологом, поэтому особое внимание он уделит описаниям животных. В первом томе эти описания включены в основной текст, во втором и третьем томах они объединены в «Прибавления», помещенные в конце книг. Живо и красочно описал он свыше трехсот видов животных, виденных им за время путешествия;¹⁵ не ограничиваясь указанием места, где водятся данные животные, и их названий, латинского и русского, Лепехин, что особенно ценно, сообщает разнообразные сведения о нравах и привычках животных, об их массовых переселениях, об изменении окраски, о способах охоты на них, об употреблении их в народном хозяйстве, упоминает о любопытных обстоятельствах своего знакомства с ними.

О росомехах он замечает, что они «столь в рассуждении коров пакостливы, что одно только у них выедают вымя, оставляя прочие части целы».¹⁶ О бурундуке сказано, что «сие малое животное весьма проворный имеет бег и свободно на вершины высочайших дерев взбегают. Пища его — еловые и сосновые шишки, также и кедровые орехи, которыми он в зиму запасается, как хомяк или кар-

---

¹³ Эти сообщения на немецком языке приведены М. И. Сухомяновым в кн. «История Российской Академии», вып. 2, СПб., 1875, стр. 518—519.

¹⁴ Ботаник К.-Л. Вильденов назвал Лепехинией одно редкое растение Берлинского Ботанического сада; гёттингенский профессор И.-Ф. Гмелин, переиздавая в 1788 г. «Систему природы» Линнея, назвал синеголовую божью коровку, впервые описанную Лепехиным в «Дневных записках», ч. 1, стр. 47, *Chrysomela Lepeshini*, а полосатого кузнечника, описанного там же, ч. II, стр. 338, — *Gryllus Lepeshini*. См. М. И. Сухомянов, История Российской Академии, вып. 2, стр. 277 и 520—521.

¹⁵ Д. И. Языков составил на карточках указатель 356 животных, упоминаемых в «Дневных записках». Этот указатель представлен в Академию наук П. Кепеном 20 августа 1860 г. (Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, № 498) и опубликован: М. И. Сухомянов, История Российской Академии, вып. II, СПб., 1875, стр. 502—514.

¹⁶ «Дневные записки», т. III, стр. 72.

быш, таская оные в свое гнездо за отвислыми, наподобие мешка, щеками. Гнездо свое делает под кореньями сосновых, елевых и кедровых деревьев, ибо коренья излишнюю влагу в себя вбирают и отверстие норы покрывают. Сибиряки, несмотря на пестроту и пригожесть их шерсти, никогда их не трогают и не опустошают, потому что они служат приманю соболям и куницам, которые ими лакомятся».¹⁷

Земляные зайчики,¹⁸ которых он подробно описал, удивили его своей внешностью и привычками:

«Последнюю забавою в степи служили нам земляные зайчики. Сие животное странное имеет телосложение. С наружного виду оно много схоже на зайца и рылом так же моргает, как и заяц, но только оно у него тупо и как бы отрублено. Шерсть на спине у него серая, а на брюхе белая. Хвост чрезмерно длинный, белый и на конце лопаточкою, которую составляют длинные волосы, от основания до половины белые, а от половины до концов черные. Задние ноги также очень длинны, а передние чрезмерно коротки. На задних ногах он ходит и прыгает, а передними только поддерживает пищу. Живет он на степных местах в земле, где вырывает нору глубиною в колено с излучинами. Делает также и отнорки, подобные сусликовым, дабы в случае гонения можно было ему скорее укрыться.

«Около Могутинского умета водилось их очень много, и мы нарыли их до десятка, только молодых, ибо старики, выкормив своих детей, прежние норы на их пользу оставляют, а сами переселяются на другое место. Редко попадают в одной норе по два, но каждый имеет себе особливую нору. Хотя они были еще очень слабы, однако такой имели стремительный бег, что никакая собака догнать их была бы не в состоянии».¹⁹

Особенно много в «Дневных записках» описано птиц (более ста); о большой наблюдательности автора говорит описание их внешнего вида, оперения. Таково, например, сообщение о птичке, называемой «дурачком» или чечевицей:²⁰

«Она прилетает всегда весенним временем и живет

¹⁷ «Дневные записки», т. III, стр. 73.

¹⁸ Земляной зайчик, тарбаганчик (*Alactagalus acontion*), грызун из семейства тушканчиков.

¹⁹ «Дневные записки», т. I, стр. 418—419.

²⁰ Чечевица (*Erythrina*) — род птиц семейства вьюрковых отряда воробьиных.

в чернолесьи. Сколь пригожа она перьями, столь имеет нескладное пение, выключая громкий свист. Величиною она подходит к домашнему воробью. Темя, глотку, грудь и гузку покрывают червленые перья. Спина у ней темно-цветная с проседающим красным цветом; брюхо иссерабеловато. Папороточные перья спине соцветны, отороченные бледною полосою. Правильные перья темно-пеплового цвета. Хвост составляют 12 перьев, подобных во всем правильным перьям. Я имел одну из чечевиц, у которой на глотке было желтое пятно, но она, перелиняв, сделалась вся серою».²¹

Находя птичьи гнезда, Лепехин старался исследовать их, хотя это не всегда удавалось, как показывает забавный эпизод со скопой:²²

«Подъезжая к Черному Затону, в Чернозатонской заводи на высоком осокоре приметили скопино гнездо, в котором в надеянии найти или детей, или еще застать яйца, послали одного из наших гребцов, чтобы влез на дерево. Он не успел долезть до гнезда, как скопа прилетела и, поднявшись вверх, с великим стремлением спустилась на детину, с которого, сорвав шапку, паки взлетела вверх. Детина, испуганный от скопы, не так лез, как летел с дерева на низ и, пришед к нам почти без памяти, просил, чтобы мы осмотрели, не окровавлена ли его голова. Мы, не нашед ни малейшего у него на голове повреждения, спрашивали тому причины. Детина, образумившись, рассказывал нам, что скопа в своих когтях имеет яд, от которого удобно умереть можно, и впуски с своим товарищем старался нас удостоверить, что ни одна рыба, которую скопа заденет когтем, оклематься не может, но чрез несколько времени издыхает. Они также уверяли нас, что скопа бывает кормилицею орлам разных родов, а особливо белохвостикам, которых по волжским горам очень много. Насыщенная скопа, когда поймает рыбу, взвизывается с нею вверх и кричит изо всей силы, что услыша, орлы взлетают, и скопа, опустив свою добычу, отдает на снесь орлам. Она также нередко за свою хищность наказуется, когда заденет не по себе рыбу, которая ее утаскивает на дно и задушает».²³

²¹ «Дневные записки», т. I, стр. 292—293.

²² Скопа (*Pandion haliaëtus*) — птица из семейства ястребиных отряда хищных.

²³ «Дневные записки», т. I, стр. 348—349.

Иногда Лепехину удавалось наблюдать, как птицы вьют гнезда, в частности ремез: «Сия маленькая птичка, длиною не с большим 4 дюйма, весьма уютное делает гнездо. Она собирает пух с тальника и осокорника, который маленьким своим носком так увивает, что он получает очертание кубышки или большого яйца. Наверху оставляет одно, а иногда и два кругловатые, ушкам подобные отверстия. Из сего же пуху делает длинные нитки, которыми гнездо свое прикрепляет к сучкам разных дерев, и в нем покоится. Гнездо его столь бывает мягко, что никакой шерстяной материи не уступает. Многому мы как в домостроительстве, так и во врачебном искусстве научаемся от животных. Мне кажется, что и ремезок сродным ему искусством ведет нас к полезному употреблению оскорева и тальникова пуху».²⁴

Позабавили его ожесточенные бои морских петушков, или турухтанов,²⁵ и он даже приказал зарисовать «самца в надменном его виде».²⁶ «Драчливая сия птичка, — пишет он, — наиболее в своих раздорах бывает добычею; она так склонна к дракам, что почти никогда спокойна быть не может; а особливо во время весенней горячности; тогда они за одною самкою целыми стадами летают и, спустившись в проталину, тотчас вступают в бой, распускают свое перьяное ожерелье и сходятся, как петухи, ударяют друг друга с набегу ногами, а носом хватаются за перья и во время драки в поставленные силки попадаются».²⁷

Насекомых в «Дневных записках» описано 117 видов. Среди них — ядовитые тарантулы,²⁸ жуки, бабочки, пчелы.

Особенное удовольствие доставляла Лепехину ловля бабочек.

«Распустившийся лес дубовый воспитал уже в то время великое множество бабочек, от радуги имя носящих. Подалирий²⁹ также заставлял нас часто за собою притрухивать».³⁰

Обширный и разнообразный зоологический материал «Дневных записок» в дальнейшем частично был использо-

²⁴ Там же, стр. 349—350.

²⁵ Турухтан (*Philomachus pugnax*) — птица отряда куликовых.

²⁶ «Дневные записки», т. III, табл. 2.

²⁷ Там же, т. I, стр. 415—416.

²⁸ Тарантул (*Lycosa singoriensis*) — ядовитый паук.

²⁹ Подалирий, парусник (*Papilio podalirius*) — дневная бабочка из семейства парусников (*Papilionidae*).

³⁰ «Дневные записки», т. 1, стр. 304.

ван ученым для составления описаний животных, помещенных в различных академических изданиях. Впрочем, особую ценность этот материал представлял именно в «Записках», где говорилось и об отдельных видах животных, но чаще всего давалась в совокупности картина животного мира каждой обследованной области, что было новым для того времени; в «Дневных записках» содержится много данных по зоогеографии Поволжья, Каспийского побережья, Западной Сибири, Урала.

Ботаническим объектам также уделено много внимания,³¹ хотя они и рассматриваются в «Записках» менее подробно, чем зоологические; объясняется это тем, что Лепехин предполагал использовать этот материал для составления курса ботаники на русском языке.³² Посетив ботанический сад Демидовых в Соликамске, он описал 524 вида растений этого сада;³³ среди них рассматриваются такие редкие в России того времени, как американская агава, алоэ, амариллис, кактусы, канны, котиледон, цикламен, эвфорбия, фикус, стапелия и другие.

Лепехин описал много неизвестных растений Урала и северной тундры, собрал множество сведений о полезных для человека растениях и о способах их разведения, высказал ряд остроумных и новых для его времени мыслей об обновлении лесов после пожара. После пожара на месте хвойного леса вырастает лиственный. Лепехин объясняет это тем, что семена хвойных деревьев более тяжелые, чем семена лиственных; последние заносятся на пожарище ветром.³⁴ Для сохранения плодовых деревьев во время заморозков Лепехин предложил искусственно задерживать снег около них, чтобы предотвратить распускание цветов до наступления теплой погоды.³⁵ Писал он и о влиянии внешней среды на характер растительности, и о связанной с этим возможности изменения свойств растений: «Прозябаемые, как и животные, могут приобре-

³¹ В картотеке Языкова (см. выше, прим. 15 на стр. 55) приводится 578 названий растений на русском и латинском языках. См. М. И. Сухомятинов. История Российской Академии, вып. II, СПб., 1875, стр. 483—502.

³² В плане своих работ на 1781 г. Лепехин указывал: «Постараюсь на российском языке издать первые основания ботаники». Архив СССР, ф. 1, оп. 2, 1781, № 1. К сожалению, он не осуществил своего намерения.

³³ «Дневные записки», т. III, стр. 135—189.

³⁴ Там же, стр. 71—72.

³⁵ Там же, стр. 47—48.

нуть к разному климату и разный, смотря по стороне, ими обитаемой, получить состав, от которого и действия их перерождаются. Мы тут видели разные травы, растущие по Волге, где им и малая стужа гибельна, напротив того, в северной стороне и жестокою стужу переносят».³⁶ Путешественник был врачом, поэтому естественно, что многие страницы «Записок» посвящены вопросам медицины. По приезде в каждый новый город или селение он разузнавал у жителей о болезнях, имеющих распространение в данной местности, и о способах их лечения. С большим вниманием относился он к народной медицине, беседовал с местными лекарями и знахарями; при этом нередко оказывалось, что они были невежественными людьми, деятельность которых приносила значительный вред населению, как видно из иронических замечаний Лепехина о «владимирской врачебнице»,³⁷ «арзамасском Иппократе», о зверском обряде «чертогонения» у башкир,³⁸ о суеверных способах лечения при змеиных укусах.³⁹ Однако, говоря о заведомо пустых или вредных лечебных средствах, Лепехин никогда не упускал случая отметить полезное. Так, например, он заинтересовался, как лечат укусы тарантулов. Обитатели степных селений близ озера Эльтон готовят настой живых тарантулов в деревянном масле и «мажут только рану и получают исцеление».⁴⁰

У пермяцкого лекаря в с. Юксееве исследователь научился применять многие полезные растения, например сушеницу, корень валерианы, зверобой и др.⁴¹

Он заметил, что «в сибирских деревнях близ Тагила нет цинги, потому что крестьяне весной пьют сок сосны, ольхи, березы, а осенью едят морошку и бруснику».⁴²

Это дало ему основание сделать вывод, что «крестьяне употребляют сие средство, не ведая его действия, ниже понимая происходящие от того выводы; но сама природа вложила им побуждение и склонность к тому, что к сохра-

---

³⁶ Там же, стр. 93.

³⁷ Там же, стр. 17.

³⁸ Там же, стр. 73—76.

³⁹ Там же, стр. 98—99.

⁴⁰ Там же, стр. 216. Как известно, и в наше время от укуса тарантулов применяется лекарство, приготовленное из самих тарантулов.

⁴¹ Там же, т. III, стр. 200—201.

⁴² Там же, стр. 67—68.

нению их тела по обстоятельствам места много способствует». ⁴³

Здесь Лепехин высказал интересную мысль о целительных свойствах природы, характерную для медицинской литературы XVIII в. ⁴⁴ Он отмечал и такие случаи, когда непонятное народное средство оказывалось действенным, и объяснял истинную причину излечения:

«Жители волжских берегов ремезово гнездышко почитают неизменным лекарством противу зубной болезни и опухоли, от оной рождающейся. В таком случае нагревают ремезиные гнезда на печи и оными к опухоли прикладывают, чем нередко от мучительной боли избавляются. Всяк удобно понять может, что сие не ремезиному гнезду приписывать должно, но единственно теплоте, да и то в таких случаях, когда зубная боль от застойки крови в сосудах происходит». ⁴⁵

Часто касался ученый в «Записках» вопросов гигиены; так, он считал вредным применение лучины для освещения и предлагал заменить ее свечниками из льняного и конопляного масла. ⁴⁶

Зырянский край (ныне Коми АССР), когда по нему проезжал Лепехин, был охвачен эпидемией дизентерии. Опасаясь заразиться, члены экспедиции ночевали в лодке, старались не общаться с жителями. Все же один из участников экспедиции заболел, и остальным пришлось в течение длительного времени плыть с больным в одной лодке.

Лепехин описал в «Записках» плачевное положение зырян. «У них нет врачей, они не меняют и не стирают белья», ⁴⁷ между тем соблюдение самых простых гигиенических правил помогло бы им бороться с болезнью: «Зыряне, живучи при больших реках, около которых воздух бывает чище, могли бы себя много спасти от помянутой болезни, если бы, оставив промозглые дома, поселились в шалашах по берегам речным и чаще омывались бы водою». ⁴⁸ В Муроме и Арзамасе он наблюдал, как реки засоряются отходами кожевенных заводов и отметил, что

---

⁴³ Там же, стр. 68.

⁴⁴ Ср. С. М. Г о о м б а х. Русская медицинская литература XVIII века. М., 1953, стр. 217—219.

⁴⁵ «Дневные записки», т. I, стр. 350.

⁴⁶ Там же, стр. 60.

⁴⁷ Там же, т. III, стр. 274—276.

⁴⁸ Там же, стр. 276.

необходимо принять меры к снабжению этих городов чистой водой.⁴⁹ С горечью пишет он об антисанитарном состоянии крестьянских жилищ, об отсутствии медицинской помощи в деревне:

«Село Каменка с сожалением заставляет нас напомнить о болезненных в крестьянском быту припадках: правда, долго нам надобно ждать, чтобы в наших селах завелись лекаря, когда и в городах отдаленных мало их сыщешь... Мне думается, что по нашему состоянию неотменно нужно предопределяемых в духовный сан в их училищах обучать первым основаниям врачебной науки и приучать их познавать в России растущих врачебных трав действия; от сего не малая бы могла воспоследовать польза нашему народу».⁵⁰ Далее он предлагает печатать лечебники, раздавать их населению бесплатно; описывает ужасные последствия темноты и невежественности крестьян:

«Если бы жители села Каменки имели такое наставление, поистине не лишились бы в одну весну всех своих малолетних детей, которых оспа заблаговременно и в короткое время отослала на тот свет; она с такой жестокостью свирепствовала, что на погосте каждый год ребенок по десять прятали в могилы; правда, крестьяне и сами подписывали им на тот свет пропуски, когда они младенцев в обыкновенной своей бане часто парили и, чтобы причинить сон и избавиться от ребячьего стону, горячим вином насильно поили».⁵¹

Часто касается Лепехин вопросов ветеринарии, выясняет причины падежа скота, говорит о нелепых средствах, применяемых народом для лечения животных.⁵² В самом начале «Записок» он отмечает, что лошадей лечат от коросты табаком, отваривая его в молодом квасе. Это средство ему показалось полезным, так как оно убивает червей.⁵³ В другом селении его поразил обычай обмазывать скот дегтем, чтобы уберечь от заразной болезни. В связи с этим он пишет, что надо «поискать надежнейших средств, нежели намазывание дегтем, которое, кроме страшилца, может быть, еще и вредным окажется».⁵⁴ Говоря

⁴⁹ Там же, т. I, стр. 39; стр. 84—85.

⁵⁰ Там же, т. III, стр. 41.

⁵¹ Там же, стр. 42.

⁵² Там же, т. I, стр. 2—3.

⁵³ Там же, стр. 36—37.

⁵⁴ Там же, стр. 36—37.

о неправильном лечении скота, он сообщает известные ему лучшие лечебные средства.⁵⁵

Примечательны приведенные в «Записках» материалы, касающиеся химии. Одним из старейших химических производств в России было производство поташа из золяных щелоков. Во время своего пребывания в Арзамасе Лепехин посетил арзамасские поташные варницы, находившиеся в ведении государства. С сожалением он замечает, что для поташного промысла используются ценные твердые породы дерева, в то время как с не меньшим, но даже с большим успехом можно получать поташ из золы мягких пород, равно как из золы стеблей гороха, гречи, чечевицы, бобов и из золы листьев.⁵⁶

Интересны сообщения Лепехина об открытых им месторождениях селитры на берегах речек Средней и Нижней Ельшанки, впадающих в Волгу близ Царицына.⁵⁷

В «Записках» неоднократно упоминается о замеченных залежах серы, что было очень важно, так как сера в то время в большом количестве ввозилась в Россию из-за границы. Серу он нашел в Башкирии около деревни Байтуган, близ татарской деревни Усмановой, около речки Шунгут (Сургут), около с. Ключи в Екатеринбургской губернии и в других местах.⁵⁸ Лепехин пишет, что серу можно с успехом получать в России из колчедана, и предлагает для экономии применять при этом вместо дров сланец.⁵⁹ Много внимания уделил он применению купороса и квасцов. Для получения купороса он рекомендовал использовать волжские горючие сланцы. Находясь в Муроме, он наблюдал, как употребляли черный железный купорос и квасцы при крашении кож.⁶⁰

Иногда во время путешествия приходилось проводить химические опыты. Так, в Саратове его заинтересовал состав ключевой воды. Он произвел химический анализ и установил, что в воде растворены квасцы.⁶¹

В те времена сода ввозилась в Россию из Франции и Испании.⁶² Между тем в районе оз. Эльтон и в Яицкой

⁵⁵ Там же, стр. 109—110.

⁵⁶ Там же, стр. 80—83.

⁵⁷ Там же, стр. 441.

⁵⁸ Там же, стр. 200, 202, 204—206, 210, 342; т. II, стр. 222.

⁵⁹ Там же, т. I, стр. 309.

⁶⁰ Там же, стр. 42.

⁶¹ Там же, стр. 374—376.

⁶² Там же, стр. 410—411.

степи Лепехин обнаружил несколько растений, годных для получения из них соды: козляная солянка,⁶³ соляная солянка,⁶⁴ травяная саликорния,⁶⁵ желтокорень татарский⁶⁶ и другие. Однако производство соды было организовано в России значительно позднее.

В «Записках» встречаются упоминания о глауберовой соли. Лепехин исследовал ее и определил, что она состоит из купоросной (т. е. серной) кислоты и из щелочного начала поваренной соли.⁶⁷ Вблизи оз. Эльтон он обнаружил несколько горько-соленых озер. Произведя перекристаллизацию соли, содержащейся в воде озер, ученый установил, что найденная им соль во всем подобна глауберовой соли⁶⁸ и первым высказал мысль о возможности получать глауберову соль из отходов солеваренного производства.⁶⁹ Во время путешествия внимание его привлекло употребление золы в качестве искусственного удобрения; в «Записках» появилась заметка, что «от сожжения трав рождается питательная хлебу щелочная соль».⁷⁰

Часто упоминает Лепехин о старейших русских лесохимических промыслах — углежжении, смолокурении и дегтярном производстве. В 1770 г. он посетил Северский железодельный завод. В «Записках» приводятся данные о расходе угля при выработке железа на этом заводе, а также о применении дегтя для смазки молотов при ковке железа.⁷¹

Находясь в Архангельской губернии, исследователь ознакомился с распространенными там промыслами: курением смолы и дегтя, добыванием терпентина («живицы», или жидкой древесной серы) и пека (густой смолы). В приложении к IV тому «Записок» подробно описаны

---

⁶³ Современное название — солянка трагус (*Salsola Tragus*) из семейства маревых (*Chenopodiaceae*).

⁶⁴ Современное название — солянка солончаковая (*Salsola salsa* Pall.) из семейства маревых (*Chenopodiaceae*).

⁶⁵ Современное название — солерос травянистый (*Salicornia herbacea* L.) из семейства маревых (*Chenopodiaceae*).

⁶⁶ Современное название — гониолимон татарский (*Statice tatarica* L.) из семейства свинчатковых (*Plumbagineae*).

⁶⁷ «Дневные записки», т. I, стр. 409.

⁶⁸ Там же, стр. 412.

⁶⁹ См. П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в., т. III, М., 1951, стр. 46.

⁷⁰ «Дневные записки», т. I, стр. 142.

⁷¹ Там же, т. II, стр. 285—289.

эти промыслы на основании материалов, полученных от А. А. Фомина.⁷² В «Записках» сообщается о так называемом ямном (в отличие от кострового) способе гонки смолы: яма делалась глубиной около 4 аршин, на дне ее устанавливался четырехугольный или круглый ящик высотой около 1,5 аршина. У верхних краев ларя из досок изготовлялся сток для смолы. В яму закладывался слой дров («смоля», или «подсочки») высотой около трех аршин и поджигался. Процесс гонки смолы продолжался от 5 до 7 суток.

«Живица», или терпентин, получалась в результате подсочки хвойных деревьев: на деревьях с южной стороны делали выруб «повыше корня около полуаршина» и ежедневно собирали выступающую смолу, из которой путем перегонки добывали терпентинное масло (скипидар) и канифоль. Из канифоли изготовляли краски и клей, она применялась при производстве сургуча. Выработку («сидку») дегтя исследователь наблюдал в Оренбургской губернии, близ чувашской деревни Урал.⁷³

В третьем томе «Записок» Лепехин описал виденный им в Вологодской губернии способ заготовки «смоля», при котором производилось бессистемное, хищническое истребление лесов:

«Каждое дерево, назначенное на смолу, сочат: т. е., уступая аршин или более от корня, сдирают вокруг него кору, оставляя только для движения соков узкой ремень, чтобы дерево не вдруг засохло, и оставляют раненое дерево стоять лето. На облупленное место выступает сера и, защищая рану, улепляет ее оною. После срубают сосну и осоченное место употребляют только на смолу, а прочее гниет и пропадает. Такое сочение деревьев уже многих жителей сделало без лесу, и принудило для сочения деревьев отъезжать в лес далеко».⁷⁴

В «Записках» приводятся данные о собирании в Башкирии с лиственниц натуральной смолы, называемой камедью. Эта камедь, по сообщению автора, не уступала «арапской камеди, сенгал называемой».⁷⁵ Имеется много ценных материалов о минеральных (ископаемых) и орга-

---

⁷² Там же, т. IV, Прибавление, стр. 432—451.

⁷³ Там же, т. I, стр. 533—537.

⁷⁴ Там же, т. III, стр. 308—309.

⁷⁵ Там же, т. II, стр. 94.

нических (растительных) красящих веществах, а также о методах окраски кожи и тканей.

В 1771 г. в Казанской губернии, близ Кайгорода, Лепехин нашел охру, «цветом на яишный желток похожую». В «Записках» он высказал сожаление, что кайгородцы ее не употребляют, тогда как могли бы получить от нее новую отрасль пропитания.⁷⁶ Он сообщает также о красильных растениях, например о вайде, которая применялась в Чувашии для окраски шерсти в синий цвет,⁷⁷ об употреблении красного и черного сандала для окраски кож. Тщательно изучал он растения, обладающие красящими свойствами. В XVIII в. первое место среди таких растений принадлежало марене луговой⁷⁸ и марене болотной,⁷⁹ которые применялись для окраски тканей. В «Записках» сообщается, что и крестьяне пользуются мареной для этих целей. В Чувашии, в Мордовском селе Бесовке, Лепехин видел, как жители красили шерсть в красный цвет с помощью корня марены. Пряжу предварительно вымачивали в экстракте мха, называемого «зеленица» (*Lycopodium complanatum*), потом окрашивали отваром измельченной марены, смешанным с отваром дубовой коры. Этот способ крашения назывался простым в отличие от «приборного», при котором шерсть предварительно вымачивалась в растворе квасцов и в ржаном квасе.⁸⁰

Близ деревни Соймы Владимирской губернии ученый наблюдал применение зеленицы для окраски в желтый цвет шерстяных и холщовых тканей. Зеленицу сушили, измельчали, просеивали и разводили в ржаном квасе.⁸¹

По свидетельству Лепехина, в Чувашии отвар серпухи⁸² употреблялся для крашения пряжи и материи в зеленый цвет, отвар дрока⁸³ в воде или квасе — для крашения в желтый цвет, отвар ольховой коры — в чёрный цвет.

⁷⁶ Там же, т. III, стр. 8.

⁷⁷ Там же, т. I, стр. 124.

⁷⁸ Современное название — подмаренник мареновидный (*Galium rubioides*) из семейства мареновых (*Rubiaceae*).

⁷⁹ Современное название — подмаренник топяной (*Galium uliginosum*) из семейства мареновых (*Rubiaceae*).

⁸⁰ «Дневные записки», т. I, стр. 123.

⁸¹ Там же, стр. 29.

⁸² Современное название — серпуха красильная (*Serratula inermis* Gilib. или *Serratula tinctoria* Вг. В.) из семейства сложноцветных (*Compositae*).

⁸³ Современное название — дрок красильный (*Genista tinctoria* L.) из семейства цезальпиниевых (*Cesalpineeae*).

Отвар растения, называемого «собачки» или «череда»,⁸⁴ соединенный с квасцами, мордва применяла для крашения материй в «рудожелтый» цвет.⁸⁵ Путешественник отмечал и случаи применения растительных красок в качестве косметических средств. Так, например, близ Сызрани он заметил, что местные жители собирали корни какой-то травы, называемой «румяна». С корней снимали красную кожицу, сушили и настаивали в растворе квасцов. Полученной краской женщины румянились.⁸⁶

Таким образом, повсюду в «Записках» мы встречаем упоминания о замеченном Лепехиным применении растительных красок, описания различных химических промыслов, заметки о некоторых искусственных удобрениях и т. д. На материале «Записок» особенно ярко обнаруживается интерес Лепехина к практическому использованию природных богатств.

Ученый нередко описывает геологические разрезы, наблюдавшиеся им на размытых берегах различных рек,⁸⁷ часто задумывается над вопросом о возникновении осадочных пород:

«Берег речки Еловошной от самого Тюменя первое было место, в котором нам каменную породу видеть случилось. Местами обнаруженный берег порядочные показывал слои камня; самый испод состоял из слоя песчаного серого камня, сверх сего лежащий горизонтальным положением оказывался глинистый камень, самый верх огородная земля покрывала. Такое переменное слоев положение действие прежде бывшей воды явно показывало; песочного камня слой без сумления произошел от песку, дно реки покрывающего; но когда река переменяла свое течение и произвела старицу, тихо текущая или застоявшаяся вода ил свой положила, который по иссушении вод затвердел в глинистый камень».⁸⁸ Эти и аналогичные наблюдения дали Лепехину повод высказать интересные и новые мысли об изменчивости земного рельефа. Решительно отверг он распространенную в то время теорию об изменениях поверхности Земли в результате катастрофиче-

---

⁸⁴ Современное название — череда поникшая (*Bidens cernuus*) из семейства сложноцветных (*Compositae*).

⁸⁵ «Дневные записки», т. I, стр. 124—126.

⁸⁶ Там же, стр. 343.

⁸⁷ Там же, стр. 7.

⁸⁸ Там же, т. III, стр. 64—65.

ских «всемирных потоков». По мнению Лепехина, эти изменения произошли под медленным воздействием воды и подземного огня,⁸⁹ причем процессы смены суши и моря в истории Земли отнюдь нельзя считать законченными: «И в наши времена, — говорит он, — нередки примеры разных перемен земного шара»,⁹⁰ и приводит немало фактов постепенного преобразования земной поверхности под влиянием разрушения горных пород.

«Развалившиеся верхи Акменя и Иряк-Таша несомненные подавали доводы, что горы временем могут перемениться в долины».⁹¹

«Высочайшие гор хребты наиболее громовыми ударами раздроблены бывают, отчего сделавшиеся щели удобно пропускают воду, которая размывательную свою силою остальной между каменными глыбами разрушая союз, располагает их к падению».⁹²

Ископаемые окаменелости растительного и животного мира, в изобилии попадавшиеся Лепехину во время его путешествия, в частности зубы акул, найденные им в слоях горных пород, подтвердили его мысль об изменчивости лика Земли.

Многие ученые того времени приписывали происхождение окаменелостей «всемирному потоку». По этому поводу он замечает:

«Хотя сие непреоборимая и неоспоримая истина, однако и другие, кажется, могут быть сему причины; море как вместилище разных чудовищ, рыб и черепокожных таким же подвержено переменам, как и матерая земля, т. е., что все роды животных получают свой конец и новые на их места вступают. Тело, как мягкая часть, исчезает, а кости долее разрушению противятся».⁹³ Лепехин доказывает, что «всемирный потоп» едва ли мог доставить «со дна морского такие остатки, которые к плаванью неудобны».⁹⁴

«Там было морское дно, — заключает он, — где ныне славные города построены и многолюдные села находятся».⁹⁵

⁸⁹ Там же, т. II, стр. 131—132.

⁹⁰ Там же, т. I, стр. 244.

⁹¹ Там же, т. II, стр. 132.

⁹² Там же, стр. 133.

⁹³ Там же, т. III, стр. 34.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, стр. 36.

Интересны высказанные им распространенные в то время, но неподтвердившиеся суждения о вероятном подземном сообщении Каспийского моря с другими водоемами.⁹⁶

Размышляя о происхождении уральских рек, ученый высказывает новую для того времени идею всеобщего кругооборота воды в природе:

«Гора Ирямяль⁹⁷ многие показывала доводы, чтобы утвердиться в мнении тех, которые морским парам, производящим источники рек, воздушную определили дорогу. Они думают, что морская вода, подымаемая парами, носится по всему земному шару, которые, дошед до угористых мест, опускаются в холодном месте и, скопясь, составляют вершины рек.

«Нередко низменные горы или места немалые производят реки, но не можно ли думать, что они много также от высочайших гор заимствуют, которые, разные в себе водместилища, выпускают воду по поверхностным рвам и составляют собственные себе реки; а другие, углубясь в недра горы, подземными далече оттекают проходами и, соединясь с истоком какой-нибудь низменной горы, немалую могут произвесть реку».⁹⁸

Наблюдая на севере валуны чуждых для данной местности горных пород, Лепехин первым доказал, что они занесены туда не во время «всемирного потопа», как тогда думали, а речным льдом.⁹⁹ В Уральских горах он отметил наличие микроклиматов, которые характерны для различных участков горной местности и резко различаются между собой, несмотря на близкое соседство. Он доказывал, что горные озера не морского происхождения, как полагали тогда ученые, а образованы скоплением атмосферных осадков и выделением водяных паров из воздуха.¹⁰⁰

Во время путешествия Лепехин тщательно изучал встречавшиеся ему полезные ископаемые. В «Записках» он подробно говорит о возможности использования различных

---

⁹⁶ Там же, стр. 519.

⁹⁷ Современное название — Ирмель, горный массив Южного Урала в Башкирии, между хребтами Авалях и Зигальга.

⁹⁸ «Дневные записки», т. II, стр. 144; 146—147.

⁹⁹ Как известно, валуны были рассеяны по территории России ледниками в эпоху четвертичного оледенения.

¹⁰⁰ «Дневные записки», т. II, стр. 145, 147.

минералов, рудных и нерудных залежей ископаемых и минеральных вод. Часто встречаются в «Записках» сведения о месторождениях известняка,¹⁰¹ необходимого для строительных целей, о залежах различных сортов глины, о минерале под названием «горная кожа».¹⁰² На р. Соке (левый приток Волги около Жигулей), в четырех верстах от чувашской деревни Семеновой, Лепехин нашел в горах нефть, которая добывается там и в настоящее время;¹⁰³ близ Ундора (ныне Ульяновская область) — залежи горючего сланца.¹⁰⁴ Исследователя всегда интересовал вопрос: существуют ли какие-либо закономерности в распределении на Земле полезных ископаемых. Он доказал ошибочность распространенного в те времена мнения, будто в высоких горах почти не бывает рудных залежей.¹⁰⁵ Ученый пытался проследить связи между отдельными ископаемыми; таково, например, его предположение о вероятности нахождения каменного угля вблизи месторождений горючего сланца в Городищенских горах на Волге: «Копать более ни времени, ни сил наших не было. Дана нитка, пусть добьются до клубка и ищут в сем месте настоящего каменного угля».¹⁰⁶

Лепехин задумывался над проблемой происхождения некоторых полезных ископаемых. Он отрицал органическое происхождение горючих сланцев: «Рождение сланца из ила в сем месте весьма ясно видеть можно было».¹⁰⁷ Он размышлял и о происхождении каменного угля, обнаруженного на Урале, но пришел к неверным выводам:

«Мне кажется, что не излишнее будет дело сказать и о происхождении сего угля. Многие, или лучше сказать, большая часть испытателей естества рождение каменных углей приписывают царству растений и производят их от потопа. В толь глубокую входит древность не по моим силам, но я только скажу, что наш уголь говорит совсем

---

¹⁰¹ Там же, т. I, стр. 23.

¹⁰² Современное название — алюмоасбестонд.

¹⁰³ «Дневные записки», т. I, стр. 197—199.

¹⁰⁴ В Ундорах и в наше время добывается горючий сланец.

¹⁰⁵ «Дневные записки», т. III, стр. 101.

¹⁰⁶ Там же, стр. 308. Как известно, предположение Лепехина о совместном нахождении угля и сланцев не оправдалось. См. Д. М. Лебедев и Г. Д. Рихтер. Основные черты биографии и научной деятельности академика И. И. Лепехина. Известия АН СССР, сер. геогр., 1952, № 4, стр. 55.

¹⁰⁷ «Дневные записки», т. I, стр. 308.

о другом начале. Кажется, что присутствие колчедана присваивает себе рождение угля».¹⁰⁸

Много внимания уделено в «Записках» изучению пещер и карстовых форм рельефа, подробно описан ряд пещер, в частности Кунгурская пещера.¹⁰⁹ Ученый отверг распространенные в то время неверные теории происхождения пещер и правильно приписал образование пещер размывающему действию водных масс.

«Дневные записки» являются также вкладом в экономическую географию России. В них можно найти подробное описание городов Владимира, Мурома, Арзамаса, Симбирска, Ставрополя, Сызрани, Саратова, Царицына, Табынска, Тюмени, Туринска, Верхотурья, Кай-городка, Усть-Сысольска, Яренска, Соль-Вычегодска, Устюга, Холмогор, Архангельска и других. Характеризуя тот или иной город, Лепехин сообщает легенды и исторические данные о построении города, подробно говорит о его современном состоянии, о количестве зданий, о числе жителей, о промышленности, земледелии, торговле, о наличии местных природных ресурсов и о их использовании.

Интересно описание г. Тюмени, расположенного в Западной Сибири на обоих берегах р. Тұры (левый приток Тобола). Тюмень, как пишет Лепехин, один из главных городов Сибири. Его можно разделить на старый город, Ямскую слободу, Затурскую и Загородную части. После большого пожара, бывшего в 1766 г., город застроен новыми деревянными домами с широкими и прямыми улицами. Только Ямская и Затурская слободы сохранили старинный вид. Жители Тюмени по преимуществу занимаются хлебопашеством. В городе есть мыльные и кожевенные заводы. Жительницы часто ловят рыбу, другое занятие тюменских женщин — изготовление шелковых кушаков.

В 160 верстах от Тюмени находится богатый Ирбитский рынок. Сюда привозят с китайской границы парчу, шелк и другие ткани, краски, деревянную и фарфоровую посуду, чай разных видов: зеленый, белый, черный, кирпичный или твердый, курительные трубки, зажигательные стекла. Из дальней Сибири идут меха — куниц, соболей, горностаев, белок, песцов, волков, лисиц, выдр, росомах, бобров, шкуры оленей и лосей. С подобными же товарами

¹⁰⁸ Там же, т. II, стр. 41.

¹⁰⁹ Там же, стр. 234.

приезжают вогуличи и березовцы. Оренбургская дорога снабжает этот рынок бухарскими и хивинскими товарами: хлопчатой бумагой, верблюжьим волосом, овчинами, мерлушками. Находящиеся поблизости металлургические заводы поставляют на рынок железную утварь и медную посуду. Из Архангельского порта привозят сахар, сладости, вина, сукна, холст, шелковые материи. Приезжают на Ирбитский рынок и из Москвы, и из других русских городов. По мнению Лепехина, этот большой рынок целесообразнее было бы перевести в Екатеринбург, с которым есть очень удобное сообщение по русским и сибирским рекам, отделяемым друг от друга совсем небольшими волоками.¹¹⁰ Столь же обстоятельно и с учетом практических задач народного хозяйства описывает он другие посещенные им города.

Проезжая по Уралу, Лепехин посетил многие рудообрабатывающие предприятия. Говоря об отдельных заводах, он высказывает ряд пожеланий о лучшем использовании лесов и других богатств Урала; иногда он критикует невыгодное с общегосударственной точки зрения размещение промышленных предприятий, устаревшее оборудование и пр. Посетив на Урале Фоминский винокуренный завод, он увидел «двадцать два казана с деревянными покрывками, от них идут трубы для сгущения винных паров... Из сего краткого описания довольно видно худое учреждение сего винного завода. Кто знает проникание винных паров, тот прекословить не станет, что сквозь деревянную казанов покрывку лучший спирт проходит и пропадает; да и открытые ушаты, в которые вино собирается, не могут удержать выдохновения тончайших винных паров».¹¹¹

В «Дневных записках» имеется также богатый этнографический материал. В них рассказывается о жизни и быте ряда народов Поволжья, Урала и Севера: мордвы, чувашей, татар, башкир, калмыков, вогулов (манси) и пермяков (коми). Подробно и со знанием дела говорится о ведении сельского хозяйства: об обработке пашни, удобрениях, полеводстве, уборке урожая, сельскохозяйственных постройках, земледельческих орудиях. Особое внимание уделяется редким и малоизвестным хлебопашным орудиям, таким например, как сабан у мордвы (род

---

¹¹⁰ Там же, т. III, стр. 1—12.

¹¹¹ Там же, т. III, стр. 59—60.

плуга).¹¹² Автор описывает ремесла и промыслы местных жителей, особенно способы изготовления каких-либо изделий или продуктов, свойственных только данной местности: выделку овчин и приготовление кумыса у калмыков,¹¹³ выделку кож у башкир и т. д.¹¹⁴ Путешественник собрал также обширные материалы об охотничьих промыслах, например о способах охоты в селе Ликине близ Владимира: устройстве звероловных садков и ям, кулёмы — для ловли медведей, кляпцов — для ловли лис и зайцев¹¹⁵ и т. д. Много внимания уделено рыболовству; описываются способы ловли рыбы в Муроме,¹¹⁶ на р. Каме,¹¹⁷ рыбные промыслы и приготовление рыбьего клея из воздушных пузырей стерляди, осетра, белуги, севрюги и сома на Волге.¹¹⁸ Отметим сведения о пребывании в артели рыболовов-вандовщиков. Этим рыбопромышленникам разрешено ловить стерлядей во время весеннего половодья на Волге. Приспособления для ловли стерлядей (ванды) делаются из прутьев наподобие мереж. Вандовщики, как заметил Лепехин, охотно раздают рыбу. Всякий, кто заедет в их ватагу, имеет право есть рыбы сколько хочет. Рыбаки считают, что брать плату не только неудобно, но и наносит ущерб добыче рыбы. «И мы, — пишет Лепехин, — довольно получили поклонов, чтобы избавить их от платы и не портить их улов, как они по своему суеверию полагают».¹¹⁹

Находясь в имении Рычкова, ученый наблюдал интересное устройство, придуманное башкирами для охранения меда от медведей. Пчелиные ульи делаются на высоких соснах. Башкиры залезают на дерево, имея канат из тонких ремней. «На суке, которого вершину можно довести до отверстия улья, привязывают на веревках четверугольную зыбку и, приведши с нею сук к затворке улья, прикрепляют оный тоненькою веревкою. Медведь, лезя на дерево, неотменно принужден бывает садиться на люльку, чтобы добраться до улья; но как в сем случае веревочка, которою сук прикреплен с люлькою, совершить его намерение препятствует, то он перерывает оную. Сук, освобо-

¹¹² Там же, т. I, стр. 126.

¹¹³ Там же, стр. 192.

¹¹⁴ Там же, т. II, стр. 38.

¹¹⁵ Там же, стр. 30—31.

¹¹⁶ Там же, стр. 52.

¹¹⁷ Там же, стр. 363.

¹¹⁸ Там же, стр. 246.

¹¹⁹ Там же, т. I, стр. 306.

жденный от притягающей силы, сродною себе упругостию распространяется и люльку с медведем от дерева относит. И так медведь принужден бывает на ней качаться до тех пор, пока хозяин улья не придет и не убьет его: ибо взобраться на дерево расстояние, а на землю скочить отчасти высота и отчасти острые вколоченные около дерева колья воспящают».

Интересны сообщения о применяемых местным населением способах защиты от насекомых:

«В ведренный день такая туча появилась оводу,¹²⁰ что мы, так сказать, не знали, куда от него деваться. И поистине не было бы способу от сей оборониться мелочи, если бы проводник наш не имел в запасе обыкновенного своего противу оводу оружия. На такой конец делаются горшочки, которые обвивают таловым прутьем и прикрепляют деревянную клюку, которую можно затыкать за пояс. В горшочки кладут гнилушки и березовую губу, которые, курясь, производят дым и отгоняют овод».¹²¹

Подробно сообщается в «Записках» о народных обычаях, как например обычай «народной помочи» у мордвы;¹²² приводятся местные легенды: о плавучем и о поганом озерах близ Владимира,¹²³ легенды мордвы об ужах и об их уме,¹²⁴ легенды народа коми,¹²⁵ суеверия, связанные с горой Кызляр-тау у башкир (нельзя ходить на гору, не выполнив предварительно всех данных ранее кому бы то ни было обещаний).¹²⁶

Лепехин сообщает о религиозных верованиях различных народов, описывает у башкир свадьбу,¹²⁷ сабантуй,¹²⁸ обряд похорон.¹²⁹ На поминках у башкир он сам присутствовал и красочно описал пиршество, которым они закончились.¹³⁰ Много говорится в «Записках» о национальных особенностях одежды, о прическах, украшениях и т. д.

---

¹²⁰ Под собирательным словом «овод» Лепехин разумеет мош-кару, которую теперь называют гнусом.

¹²¹ Дневные записки, т. III, стр. 86.

¹²² Там же, т. I, стр. 129—130.

¹²³ Там же, стр. 17.

¹²⁴ Там же, стр. 97.

¹²⁵ Там же, т. III, стр. 195—197.

¹²⁶ Там же, т. II, стр. 32.

¹²⁷ Там же, стр. 152.

¹²⁸ Там же, стр. 24.

¹²⁹ Там же, стр. 36.

¹³⁰ Там же, стр. 106—107.

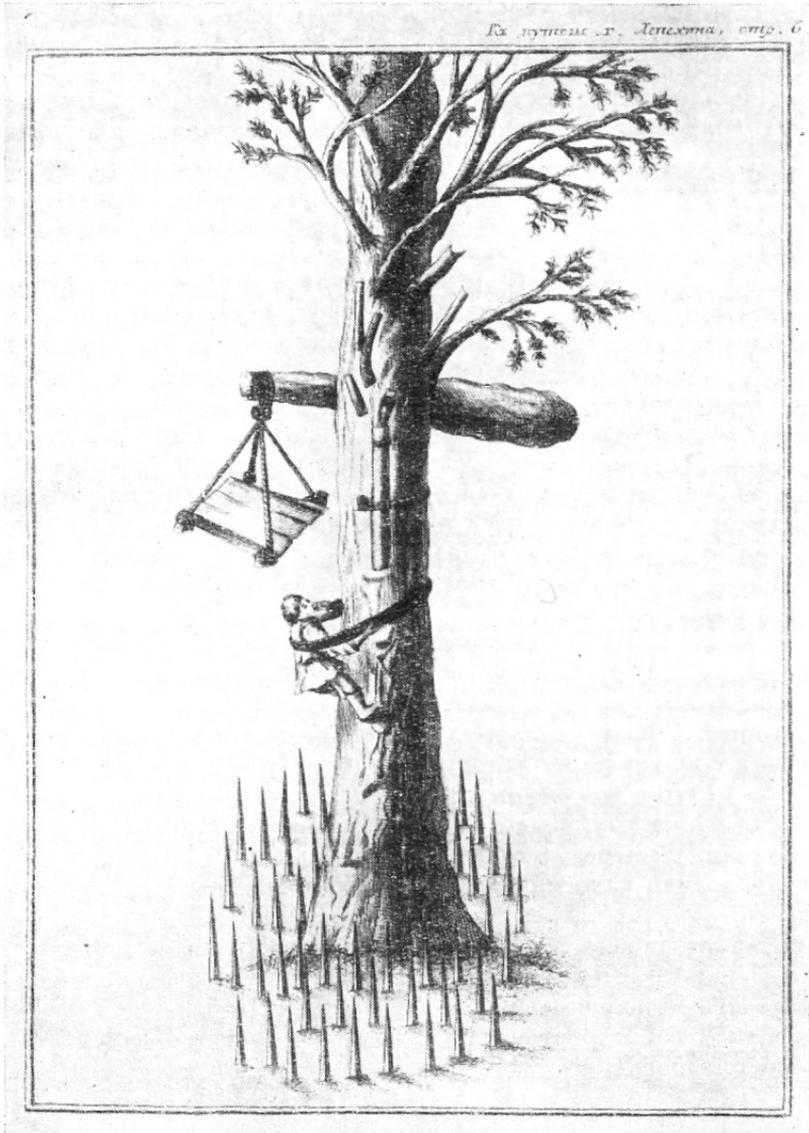

Рисунок к путевому дневнику И. И. Лепехина.

В «Записках» приведен большой археологический материал, подробно описаны остатки древних укреплений в с. Валах (близ Сызрани),¹³¹ между селами Переволокою и Печерским (там же)¹³² и многие другие.

Неоднократно касается Лепехин в «Записках» социальных вопросов, с большим сочувствием говорит он о крепостных крестьянах, угнетаемых помещиками и владельцами уральских заводов.

На Урале его поразило бедственное положение крестьян, приписанных к заводам:

«От Ерзовки в 10 верстах была слобода Туринская, в которой с самого приезда великое можно было видеть различие от других крестьян: всяк показывал смутное лицо, отменно был подобострастен, и все их сельское домостроительство было в расстройке; не видно на их полях такого рачения, как у других крестьян, многие пашни стояли запущены и обросшие волчецом, да и хижины их почти совсем развалилися от ветхости и худого присмотру. В такое состояние привел их жребий, возложивший на них заводскую работу, а отдаленность завода в большее их привело убожество противу других крестьян, тому же жребию подверженных»...¹³³

«Село Фомино выстроено над рекою Тагилом. Худо хижинные дома, унылые и обветшалые жители довольно доказывали разность между собою и своими соседями, которые... более прилежали к пашне, а сии были приписные к Кувшинскому заводу».¹³⁴

В другом уральском селе Лепехин видел коми (пермяков), лишенных земли и приписанных к Походяшинским заводам. Они были только что обращены в христианскую веру, за что каждый из них должен был заготовить и вывезти по семь сажен дров для завода. Мужики годами живут на заводе, за 325 верст от родного села, а покинутые семьи их нищенствуют и питаются древесной корой. «Желать надобно, — пишет Лепехин, — чтобы в сей пункт вошли у нас пообстоятельнее и за несколько сот верст от заводов живущих мужиков не приписывали к заводам».¹³⁵

---

¹³¹ Там же, т. I, стр. 336—337.

¹³² Там же, стр. 338—339.

¹³³ Там же, т. III, стр. 45—46.

¹³⁴ Там же, стр. 59.

¹³⁵ Там же, стр. 200.

С нескрываемым недоброжелательством говорит он о богачах Сухановых, которых ему довелось навестить в Зырянском крае. Сухановы жили в пустынной местности, часто подвергавшейся налетам разбойников, и были очень напуганы визитом Лепехина.

«Страх, который они почасту претерпевают от наезду разбойников, не может преодолеть их вкоренившегося над зырянами господствования. Сему страху так они подвержены, что и малолюдный мой приезд наделал им много сует, и я с великим трудом мог добиться, чтобы допущену быть пред лицо сего зырянина, и уверить его письменными свидетельствами о наложенной на меня должности, которая зырянину казалася непонятною, ибо в их пусто-плесье по такие мелочи, каковы суть травы, никто не ездит.

«Сколь вредны вообще и сколь тягостны для крестьянства такие посторонние помещики и не по своим местам живущие промышленники, всяк удобно видит».¹³⁶

Лепехин заносил в свой дневник наряду с научными материалами также сведения о различных приключениях, о всевозможных дорожных происшествиях, то забавных, то печальных. В те времена путешественники нередко рисковали своей жизнью, были лишены каких бы то ни было удобств и должны были обладать мужеством наряду с прекрасным здоровьем и выносливостью.

В самом начале пути, близ Мурома, путешественники пострадали от тараканов:

«Ездившие по России нередко приносили свои жалобы на тараканов; да и мне прошу позволить на сию тварь пожаловаться; они мне великую сделали в нынешнюю ночь пакость, ибо распещренные наши бабочки и другие насекомые, собранные в нашу поездку на Выксинские заводы, так им понравились, что они к утру покинули нам одни ножки».¹³⁷

На другой день Лепехин и его спутники пошли в лес, надеясь возместить утрату, «но таких насекомых, каких.. поели тараканы, больше не нашли».¹³⁸ В окрестностях Мурома у него была и более серьезная неприятность: крестьяне отказались предоставить экспедиции лошадей.¹³⁹

---

¹³⁶ Там же, стр. 272—273.

¹³⁷ Там же, т. I, стр. 50—51.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же, стр. 56—57.

Как бы мимоходом упоминает ученый о многочисленных случаях, когда продолжение путешествия было связано с большими трудностями. Вот, например, описание трехчасового плавания на утлом плоту по извилистой и быстрой р. Лобве:

«Совсем безжилые и непроходные места по Лобве заставили нас спускаться водою до помянутой пещеры, которая от сего места еще верстах в 15 отстояла. Вогуличанин был тогда нашим ментором и скорее Минервы построил нам легкое судно, состоящее из нескольких сухих еловых плах, связанных сырою вицею. Быстрина реки Лобвы скоро тащила наш плотик, так что мы часа в три доплыли до становища деревни Жаркой, где нас небольшие челноки дожидались, на которых мы спокойнее и безопаснее могли доехать до пещеры».¹⁴⁰

Спускаясь с крутого речного берега, Лепехин сильно ушибся, но описал он это происшествие в шутовском тоне:

«Ясная погода и приятность леса далеко завела нас от берега, но наставшая вдруг буря с дождевыми облаками принудила убираться на свое суденышко. Обход был неблизок: и так спеша укрыться от дождя, хотели спуститься прямо с горы на берег. Обрывчивая земля не допустила долго лениться и научила летать, но не кверху, а книзу. Дорога была не очень далека, но шероховата, и глыбы земли провожали меня до самого подола гор. Многие из них не весьма были ко мне ласковы; но одна, и по несчастию моему самая большая, посетила меня в загорбок с таким доброжелательством, что я едва мог сообщить беду мою спутникам и доплестися до лодки. Посещение сие принудило меня домоседничать в лодке почти до самого города».¹⁴¹

Желание осмотреть место прогулок гурьевских жителей на Каспии привело Лепехина на пустынный морской остров, где ему пришлось ночевать в бурную ночь под открытым небом:

«Хотя мы были на самом Каспийском море, однако мало можем сказать о его жителях, потому что ни малого не имели средства пуститься в оное на некоторое расстояние. Жители для своих потребностей употребляют только малые лодки, но на лодке пуститься в море, думаю

---

¹⁴⁰ Там же, т. III, стр. 88—89.

¹⁴¹ Там же, т. I, стр. 357.

я, и никто бы не отважился. Одна грудка земли, в 18 верстах от берега отстоящая, Каменный остров прозываемая, Гурьевским жителям служит прогулкою. На оной мы 19-го числа отправились; однако, кроме труда и опасности, не много любопытного видели. Островок сей можно лучше почесть за прибежище тюленям и чайкам, нежели за гулебое место.

«Поднявшаяся буря принудила нас на сем малом острове пробыть ночь без всякой приюты и на снедь комарам».¹⁴²

Встреча с кочевыми башкирами оказалась приятной, хотя вначале путешественники и показались башкирам подозрительными:

«Кумыс, который они (башкиры, — Т. Л.) в кочевке пить начинают, сделал их суровыми и несговорчивыми, так что мы принуждены были всякую употребить ласку, дабы получить нужное к продолжению пути. Но ласковость наша малою служила подпорою, ибо башкирцы, отдаленные от больших дорог, превратное имеют понятие о ездоках и тех почитают за неложных и по праву ездящих, которые с ними суровее обходятся. Шумность их умножала наша подорожная, которая хотя была и с татарским переводом, однако не имела узлов, ибо по редкости в Башкирии чтецов, на подорожной припечатывается веревочка со столькими узлами, сколько кому подвод давать определено; и сии узелки у башкирцев гораздо важнее почитаются, нежели все скрепы губернские и воеводские».¹⁴³

«Усердствующий нам старшина в кочевке своей сделал великое башкирцев собрание и, толкуя им намерения, с какими мы посланы, спрашивал у каждого, не знает ли кто чего объявить. Из всех их ответов достойны осмотру были две пещеры, на реке Белой находящиеся».¹⁴⁴

Многие страницы «Записок» обнаруживают чувство любви к природе, восхищение дикими красотами горного ландшафта. Посетив зауральский хребет Аваляк (ныне Авалях), Лепехин писал:

«Хотя мрачная и дождливая погода принуждала нас много сносить на сем хребте и ослизлые от дождя каменные глыбы каждую ступень делали для нас опасною, однако не без удовольствия на нем препровождали мы

¹⁴² Там же, стр. 523.

¹⁴³ Там же, т. II, стр. 44.

¹⁴⁴ Там же, стр. 55.

время, видя иногда дождевые облака под нашими ногами, а иногда среди них обращаясь, как бы отовсюду покрыты были мглою. Более всего привлекало к себе наши мысли рождение дождевых облаков, которые перед нашими происходили глазами. В разных местах хребта, а особливо из расселин, водные пары наподобие печного дыму подымались, и в виду составляли дождевые облака, которые по разному расстоянию от наших глаз разной густоты казались и, нередко соединяясь с другими облаками, в дождевые превращались капли».¹⁴⁵

Как известно, Лепехину не удалось закончить своих «Записок», и последний, IV том был дописан Озерецковским. От него мы узнаем о трудностях, испытанных путешественниками на севере перед завершением экспедиции, о дружбе его с Лепехиным и трогательной, радостной их встрече у р. Неси:

«При собрании всевозможных сведений о Новой Земле, о самоедах и пр. оставил я море, поехал тундру на оленях, ночевал в елниках, наконец, достиг реки Вижаса и получил письмо, оставленное академиком Иваном Ивановичем Лепехиным, мужем, в честности святым, который, объехав Канинскую землю частью водою, а больше сухим путем, известил меня, что судно его находится в р. Неси, в которую отправился я через полуостров, Каниным носом или Канинского землею называемый, нашел там судно Лепехина, который разъезжал тогда на оленях по Канинской земле. Между тем съездил я также на оленях кустью р. Яжемы, где собрал с горсть янтаря, вымываемого морем. Слезы на глазах уж были готовы, как Лепехин и Озерецковский у морского берега увиделись. Они, каждой на своем судне, из Неси пустились в реку Кулой, которою поднимаясь вверх мимо Долгощелья, Карьеполья, Кулойского посада и отсюда до Волока, чрез который перетаскивали или переволокли их суда в р. Пинегу, поехали Пинегою, и утомясь морским путешествием, смотрели только на приятные берега, леса и селения, реку сию обнимающие».¹⁴⁶

Озерецковский описал и теплые проводы, устроенные губернатором Головцыным при отъезде путешественников из Архангельска.

---

¹⁴⁵ Там же, стр. 253—254.

¹⁴⁶ Там же, т. IV, стр. 297.

Стиль «Записок» отличается простой манерой изложения, чередованием научных описаний с бытовыми картинками, хорошо передающими местный колорит. Автору свойственно широкое использование пословиц, поговорок, народных оборотов речи. Все это придает живость его повествованию.

Исследователь интересовался происхождением названий гор, рек, различных местностей, узнавал о связанных с этим преданиях. О Девичьих горах на Волге он писал, например, что они так «называются по близине, происходящей от известнóго камня (известняка), хребет сей составляющего; а иные говорят, что на сих горах притон держала какая-то удалая девка с притоном головорезов и тут имела пещеру к своему защищению».¹⁴⁷

Слово «волок» он объяснял так: «Хотя собственно волок происходит от слова *волочить* и значит место, находящееся между двумя реками, чрез которое перетаскивают суда, но волоком зовут и те лесные и безжилые места, где на великое расстояние нету никакого жилья».¹⁴⁸

Лепехин проявлял большой интерес к языкам мордвы, чувашей, коми-пермяков и других народов. Он составил несколько словарей (русско-мордовский, русско-пермяцкий и другие) и включил их в свои «Записки». О языке коми-пермяков он писал: «Для знающих финский язык, от которых некоторые пермяков производят, присовокупляю несколько их наименований, которые, кажется, более подходят к чувашскому или мордовскому языку».¹⁴⁹ В Архиве АН СССР хранятся собранные ученым материалы к словарям двух диалектов мордовского языка — эрзянскому и мокшанскому (488 слов).¹⁵⁰

Таким образом, наряду с разнообразными естественно-научными материалами «Записки» содержат данные, интересные и для этнографов, и для лингвистов, и для собирателей фольклора.

---

¹⁴⁷ Там же, т. IV, стр. 2.

¹⁴⁸ Там же, стр. 13.

¹⁴⁹ Там же, т. I, стр. 354.

¹⁵⁰ Там же, т. III, стр. 202.

Г л а в а 6

ОБЗОР РАБОТ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ, МЕДИЦИНЕ, ВЕТЕРИНАРИИ, ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ

Помимо сочинения об укусе и «Дневных записок», уже рассмотренных нами в предыдущих главах, а также работ филологического содержания, перу Лепехина принадлежат 44 научных и научно-популярных статьи. Две из них написаны на французском языке, 24 — на латинском,¹ 18 — на русском. Зоологии Лепехин посвятил 13 работ, из них 10 на латинском языке и 3 на русском. Преимущественно это описания новых видов животных, встреченных им во время путешествий. В двух работах говорится о млекопитающих, в трех — о птицах, в четырех — о рыбах, в двух о полипах и в одной — о ракообразных.

Остановимся на некоторых из этих работ. В статье «*Phoca species*»² [Виды тюленей] он указывает, что стада тюленей встречаются повсюду не только в морях, но и в реках, однако нет систематического описания этой группы. Линней говорит только об одном виде так называемого тюленя [*Phoca*]. Путешественник Стеллер, занимавшийся изучением тюленей до Лепехина, считал, что все

---

¹ По естественным наукам он написал 22 работы на иностранных языках. Сухомлинов (а вслед за ним и другие биографы Лепехина) приводит неверные данные, утверждая, что из этих работ 12 посвящены ботанике и 9 зоологии (М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 2, СПб., 1875, стр. 465). В действительности из них 10 относятся к области зоологии, 9 — к области ботаники, а в трех разбираются некоторые вопросы медицины.

² «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. 1, 1778, стр. 257—266.

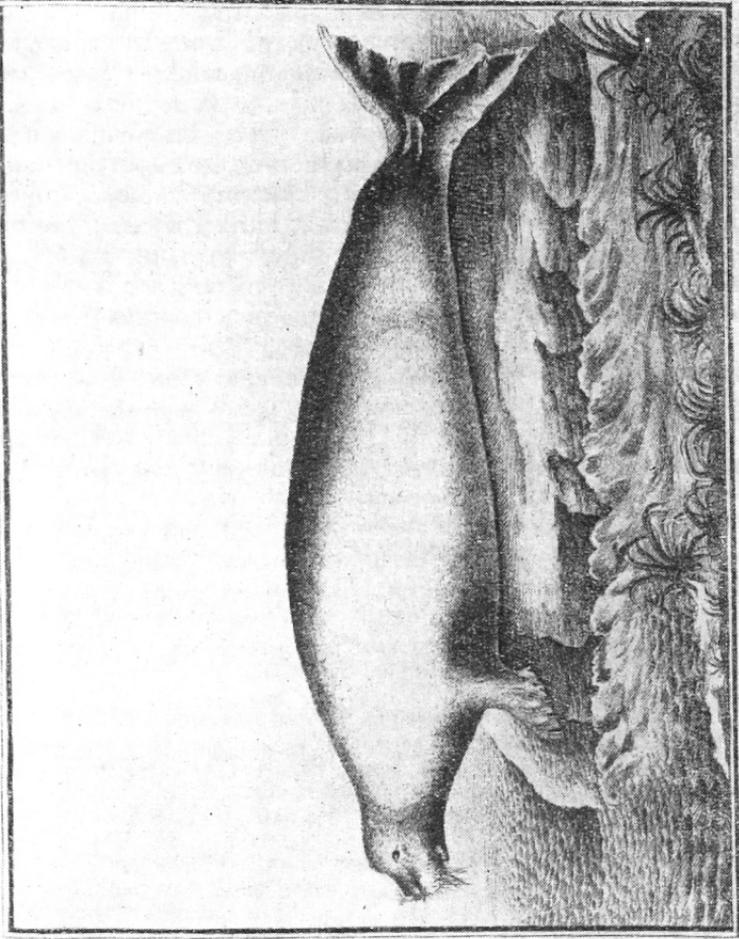

Рисунок к статье И. И. Лепехина о тюленях.

они — варианты одного вида, различающиеся только по величине.³ Лепехин различал два вида тюленей: один из них *Phoca vitulina*, — обыкновенный тюлень, описанный Линнеем, другой вид он назвал «*Phoca oceanica*, по-русски — крылатка.⁴ «Это морское животное, — пишет Лепехин, — отличается от обыкновенного тюленя не только по величине, но и по цвету. В первый год жизни эти тюлени бывают белые (бельки, *phocae albicantes*); на второй они становятся серыми (серки, *phocae maculatae*). Взрослые самцы имеют темные пятна на боках, наподобие крыльев, отсюда их название — крылатка. Этот тюлень живет в более холодных частях моря, в Белом море он появляется зимой, вместе со льдом, в конце апреля уходит в Ледовитый океан, оставляя детей. Потом и дети уходят. А около Новой Земли, как говорят рыбаки, где льду больше, он водится постоянно».⁵ Второй вид тюленя, описанный Лепехиным, был им назван *Phoca leporina*.⁶ В статье приводится описание этого животного.

Из других млекопитающих Лепехин описал полевую мышь, названную им «слепышок».⁷ Эта мышь водится в Поволжье, от Сызрани до Царицына, живет под землей, по характерному замечанию Лепехина «ни на что не годится» (*ad nullos adhibetur usus*).⁸

В той же статье, где говорится о слепышке, описывается пять видов птиц: птичка князёк,⁹ живущая близ Симбирска, птицы каспийских берегов чеграва,¹⁰ зяблик,¹¹

---

³ «*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. II, стр. 287.

⁴ Современное название — нерпа обыкновенная, кольчатый тюлень, *Phoca hispida*. Крылаткой теперь называется другой вид тюленя, который водится в Беринговом море. Впрочем, беломорскую нерпу местные жители и теперь иногда называют крылаткой.

⁵ «*Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. 1, 1778, стр. 262.

⁶ Современное название — морской заяц (*Erignathus barbatus*).

⁷ Современное название — слепушонок (*Ellobius talpinus*), из семейства хомяков отряда грызунов.

⁸ *Descriptio quorundam animalium* [Описание некоторых животных]. «*Novi commentarii*», t. XIV, 1770, ч. I, стр. 498—511.

⁹ Современное название — белая лазоревка, князек (*Parus cyanus*) из семейства синицевых отряда воробьиных.

¹⁰ Современное название — чеграва. (*Hydroprogne tschegrava*) из подсемейства крачек (*Sterninae*) отряда чаек (*Lariformes*).

¹¹ Имеется в виду *Fringilla coelebs* — птица из семейства вьюрковых.

малорослая цапля (*Ardea*), плешанка,¹² виденная Лепехиным на берегах Волги близ Саратова.

В статье «*Alca Samtschatica*»¹³ дается описание черной морской птицы, известной в те времена под названием *Senis nigri* Stell.¹⁴ По словам Лепехина, стада этой птицы можно было наблюдать днем в море между Северной Америкой и Камчаткой, ночью — на берегах. Экземпляры птицы он получил от промышленников Голикова и Шелехова, охотившихся на тюленей. К статье приложена таблица с изображением птицы.

Четыре вида птиц, водящихся близ Екатеринбурга, описаны автором в статье: «*Descriptiones avium*». [Описание птиц]:¹⁵ два вида овсянок (*Emberiza*), чеканчик,¹⁶ вид совы (*Strix*).

В этой же работе дано описание одного вида карпа (*Cyprinus*), который водится в реках близ Екатеринбурга и по-русски, как сообщает ученый, называется «галиан» или «солдат». «Ихтиотомию этой рыбы, — пишет он, — я не счел нужным произвести потому, что во внутреннем строении рыб, относящихся к семейству карпов, нет почти никакого различия».

Еще одна рыба, описание которой составлено Лепехиным, — *Cyclopterus lineatus* (в статье того же названия).¹⁷ Это полосатая рыбка каштанового цвета, окраска ее напоминает экзотических рыб. Он добыл ее, собирая полипов в Белом море близ Трех Островов. Он описал внешний вид ее и дал измерения; ихтиотомию не произвел, так как обладал единственным экземпляром, это же помешало ему определить ее возраст. Русское название этой рыбы было ему неизвестно.¹⁸

---

¹² Имеется в виду каменка-плешанка (*Oenathe hispanica pleshanka*), птица из рода каменок отряда воробьиных.

¹³ «*Nova Acta*», т. XII, 1801, стр. 369—371.

¹⁴ Современное название — малая конюга (*Aethia pygmaea*) из семейства чистиковых (*Alciformes*).

¹⁵ «*Novi Commentarii*», т. XV, 1771, стр. 485—493.

¹⁶ Современное название — чекан луговой (*Saxicola rubetra*) из семейства дроздов отряда воробьиных.

¹⁷ «*Novi Commentarii*», т. XVIII, 1774, стр. 522—525.

¹⁸ По Книповичу, этой рыбе более всего соответствует обыкновенный липарис [*Liparis sive Cyclogaster liparis* (L)]. См. Н. М. Книпович. Определитель рыб морей Баренцева, Белого и Карского. Тр. научно-исслед. инст. по изуч. Севера. Вып. 27, М., 1926, стр. 131.

Nova Acta Acad. Sc. Imp. Petrop. Tom. XII. Tab. VIII.

Рисунок к статье И. И. Лепехина о камчатской птице.

Другая беломорская рыба, описанная академиком, названа *Gadus saida*.¹⁹ В статье подробно говорится об ее внешнем виде, размерах, приводятся ихтиотомические данные. Автор отметил, что рыбаки выбрасывают эту рыбу, так как «мясо ее дряблое, тощее, сухое, невкусное».²⁰ К статье приложена таблица с изображением этой рыбы.

Лепехин составил также описание осетра, экземпляра которого был пойман в Каспийском море в устье р. Эмбы и прислан в 1791 г. из Астрахани в Петербург. Он определил его как русский вариант *Acipenser stellatus*.²¹

О рыбах он писал и на русском языке; об акулах (*Squalus Carcharias*) говорится в его популярной статье, помещенной в «Новых ежемесячных сочинениях»: «Цветом акула сера, кожа на ней шероховатая, зев весьма обширный, страшными вооруженный зубами числом более четырехсот. Язык у нее короткий, толстый, широкий и хрящеватый».²² В статье приводятся данные о ловле акул, об употреблении мяса и кожи акул в Исландии и Норвегии.

Автор рекомендует организовать промысел акул и китов на Кольском полуострове: «Наше коляне (т. е. жители Кольского полуострова. — Т. Л.), — пишет он, — где акул можно ловить во множестве, никакого из нее употребления не делают. Колянам надо отдать ту справедливость, что они, благотворными градскими преимуществами ныне ободренные, восставили пришедшие в упадок рыбные промыслы до того, что мы и здесь уменьшившуюся цену на треску и на другие поморские рыбы чувствуем. Бывший же кольский купец Петр Турчасов в 1787 г. привез мне из Колы в Санкт-Петербург целый корабль, нагруженный сушеною и соленою трескою, также и палтусиною. Но со смертью его, кажется, подобные предприятия кончились. Желать для колян остается, чтобы они обратили свое вни-

---

¹⁹ Современное название — сайда или полярная треска, *Gadus saida* Lerechin, также *Boreogadus saida* (Lerechin). Н. М. Книпович, ук. соч., стр. 157.

²⁰ *Descriptio piscis, gadorum genere, Russis saida dicti*. [Описание рыбы из рода *Gadi*, называемой по-русски «сайда»]. «*Novi Commentarii*», t. XVIII, 1774, стр. 512—521.

²¹ *Varietas Acipenseris stellati* [Разновидность *Acipenser stellatus*] «*Nova Acta*» t. IX, 1795, стр. 35—38.

²² «Новые ежемесячные сочинения», ч. XLVII, май 1790, стр. 31—47.

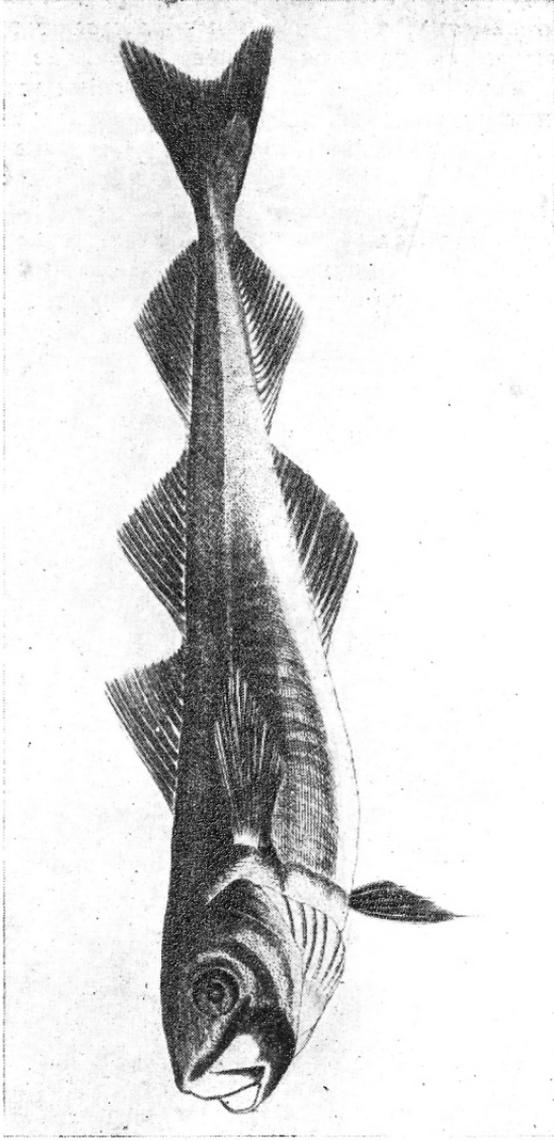

Рисунок к статье И. И. Лепехина о рыбах.

мание и на китовые промыслы, к чему положение Кольского залива и свободный от них проезд в Шпицберген, по их прозванию Грумант, много может способствовать, да и в самую Кольскую губу нередко киты, гоняясь за сельдями, заходят. В 1781 г. зимою два большие кита, зашедши в оную, подо льдом задохлись и взломили лед, с коих посланный от меня в Колу солдат, нынешний купецкий кольский голова, Иван Горюшков, несколько срезанных с китовой кожей морских желудей с находящимися в них животными (*Balani marini*),²³ привез мне к городу Архангельскому.

Заметку на русском языке «О рыбе железнице» Лепехин напечатал дважды.²⁴ Эта рыба, принадлежащая к роду сельдей, в большом количестве заходит весной в Волгу из Каспийского моря. По сведениям ученого, у мордвы и чувашей, а также за границей она считается съедобной, но волжские жители ее выбрасывают; он заметил, что железница, как и многие другие рыбы, входящие из морей в реки, бывает суха и невкусна в начале своего появления в реке, в связи с чем советует начинать лов не сразу, а дать рыбе время ожиреть в пресной воде. О полипах он опубликовал две статьи на латинском языке. В одной из них рассматриваются два вида полипов: ярко-алый полип *Pennatula coccinea*,²⁵ живущий в глубинах Кандалакшской губы, вид, средний между *Alcyonia* (альционарии) и *Pennatularia* (морские перья) и полип *Sertularia absoleta*²⁶ встреченный им у мыса Канин нос.²⁷ В другой работе²⁸ описываются полипы *Sertularia pinaster*²⁹ и *Sertularia Cupressoides*³⁰.

В статье, посвященной ракообразным,³¹ дается описание

²³ Морские желуды — беспозвоночные животные из отряда усоногих ракообразных.

²⁴ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям, № 27. Ученые известия, 1802, стр. 5—6. Прибавление к «Технологическому журналу», 1806, ч. II, стр. 183—189.

²⁵ Современное название — *Virgularia mirabilis*.

²⁶ Современное название — *Thuiaria absoleta* Lapechin.

²⁷ Nova Pennatulae et Sertulariae species [Новые виды полипов *Pennatula* и *Sertularia*]. «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» pro anno 1778, t. II, ч. 11, Petropoli, 1781, стр. 136—238.

²⁸ Там же, pro anno 1780, t. IV, ч. 1, Petropoli, 1783, стр. 223—225.

²⁹ Современное название — *Sertularia plumosa* Clark.

³⁰ Современное название — *Sertularia Cupressoides* Clark.

³¹ Tres oniscorum species [Три вида мокриц]. «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», pro anno 1778, t. II, ч. 1, Petropoli, 1780, стр. 247—250.

трех видов найденных Лепехиным на берегах Белого моря «мокриц», беспозвоночных животных из отряда равноногих ракообразных *Oniscus aculeatus*,³² *Oniscus scorpioides*³³ и *Oniscus cuspidatus*.³⁴

Ботанике посвящено 15 работ, из них три остались ненапечатанными. Первый ботанический труд академика относится к февралю 1765 года. Он написан на латинском языке, под заглавием: «*Plantae Alsaticae, quae in flora Ingrica non inveniuntur*». ³⁵ Лепехин перечислил около 550 видов растений Эльзаса, отсутствующих во флоре Ингрии. В краткой объяснительной записке автор писал, что большая часть этих растений в высушенном виде вошла в гербарий, составленный им в период пребывания его в Страсбурге. Свою работу он сравнил с «Флорой Ингрии» страсбургского врача и ботаника М. Маппа. Чтобы дать более полное представление о флоре Эльзаса, он включил в свою работу эльзасские растения, не найденные лично им, но указанные у Маппа. Данные Маппа он корректировал по системе Линнея.

Путешествуя по Уралу, Лепехин задумал написать «Флору Урала», о чем сообщил в Академию в ноябре 1770 г: «Буду стараться собирать весенние травы на хребтах подошедшего к сим местам Урала, дабы в Уральской флоре, которую я совершить предпринял, не было недостатку». ³⁶ Но замысел остался неосуществленным. Сохранились лишь предварительные наброски этого труда, посланные им в Академию из Тюмени весной 1771 г. В списке, составленном исследователем и написанном его рукой на латинском языке, перечислены 235 видов уральских растений, с краткими примечаниями, касающимися их распространения, времени цветения и пр. Приведем некоторые из них:

---

³² Современное название *Rhachotropis aculeata* Lerechin из семейства *Eusiridae* подотряда *Cammaridea*. Определитель фауны и флоры северных морей СССР под ред. проф. Н. С. Гаевской, М., 1948, стр. 309.

³³ Современное название — *Diastylis Lerechini* Zimmer из семейства *Diastylidae* отряда *Cumacea*.

³⁴ Современное название *Pardalisca cuspidata* Kröyer из семейства *Pardaliscidae* из подотряда *Sammaridea* отряда *Amphipoda*.

³⁵ Эльзасские растения, которые отсутствуют во флоре Ингрии. Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2—1765, № 6. Рукопись. Представлена в Академическое собрание 13 июня 1765 г.

³⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 9, л. 135 и об.

«*Allium angulosum*.³⁷ В башкирских степях. В июне».
«*Anemone trifolia*.³⁸ В болотистых местах встречается часто, цветет весной».

«*Campanula sibirica*.³⁹ Ею изобилуют вершины гор».

«*Lilium martagon*.⁴⁰ Прекраснейшее растение. Украшает поля в июне по всему Уралу».

«*Linum perenne*.⁴¹ На Вознесенском заводе в мае».

«*Orchis palmata maculata*.⁴² В покрытых лесом горах, цветет в июне», и т. д.⁴³

В 1775 г. Лепехин опубликовал по материалам своего путешествия на север статью о четырех видах красных водорослей.⁴⁴ Два из них с полыми листьями ранее были неизвестны: *Fucus tubulosus*⁴⁵ растет в глубинах Белого моря, главным образом в Кандалакшской губе, и *Fucus saccatus*,⁴⁶ растет в Белом море, близ Трех Островов, на камнях. Другие два вида уже были известны ранее: *Fucus dichotomus*⁴⁷ и *Fucus graminifolius*.⁴⁸ Лепехин отметил, что практического значения эти водоросли не имеют.

Заведуя ботаническим садом Академии, Лепехин выращивал в нем редкие и новые растения из семян, присланных ему различными путешественниками, и публиковал описания этих растений в мемуарах Академии на латинском языке. Академик Гильденштедт прислал ему с Кавказа семена ириса, растущего самосевом по берегам Терека, Лепехин описал это растение,⁴⁹ дав ему название *Iris Gul-*

---

³⁷ Современное название — лук угловатый (*Allium angulosum*) из семейства лилейных.

³⁸ Современное название — ветреница трехлистная (*Anemone trifolia*) из семейства лютиковых.

³⁹ Современное название — колокольчик сибирский (*Campanula sibirica*) из семейства колокольчиковых.

⁴⁰ Современное название — лилия кудреватая, царские кудри (*Lilium martagon*) из семейства лилейных.

⁴¹ Современное название — лен многолетний (*Linum perenne*) из семейства леновых.

⁴² Современное название — ятрышник пятнистый (*Orchis maculata*) из семейства орхидных.

⁴³ Архив АН СССР, р. IV, оп. I, № 796, лл. 1—6.

⁴⁴ *Quattuor fucorum species* [Четыре вида водорослей] «*Novi Commentarii*» pro anno 1774, t. XIX, 1775, стр. 476—481.

⁴⁵ Современное название — *Dumontia filiformis*.

⁴⁶ Современное название — *Sarcophyllis arctica* Kjelm.

⁴⁷ Современное название — *Rhodophyllis dichotoma* Lep.

⁴⁸ Современное название — *Antithamnion* Naeg.

⁴⁹ «*Acta Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae*» pro anno 1781, Petropoli, 1784, t. V, ч. 1, стр. 292—294.

*denstaediana*⁵⁰ в честь покойного Гильденштедта. Он указал, что оно близко к *Iris spuria*, описанному в IV томе «Flora Austriaca» Линнея.

Семена нового вида мяты были присланы с берегов Байкала корреспондентом Академии ботаником Патреном, путешествовавшим по Сибири. Лепехин поместил описание этого вида в «Nova Acta».⁵¹ Он назвал его *Mentha Patrinii*.⁵² Растение быстро размножилось в садах Петербурга. Ученый отметил его использование в качестве лекарства и для хозяйственных нужд.

Впоследствии он значительно переработал статью о мяте и опубликовал новый ее вариант на русском языке под названием «Мята Патреинова».⁵³ Для русских читателей он добавил обширное введение, в котором впервые развил свой взгляд (к нему он неоднократно возвращался впоследствии) о целесообразном распределении растительности на земле. К сожалению, Лепехин подошел к этому вопросу метафизически, что было, впрочем, в духе XVIII в.

«Вникая в намерения природы, — писал он, — сколько из употребления прозябаемых заключать возможно, вероятно будет казаться, что прозябаемые ею по всему лицу земному, определенному для обитания и человеческому роду, так расположены, чтобы человек и другие животные, на Земном шаре живущие, находить могли все нужное к своему содержанию. Посему между нашими произрастениями обрещаем мы злаки, в снедь человеку назначенные, и травы, хозяйственным нашим нуждам удовлетворяющие, находим и такие, коими местные болезненные припадки врачевать можем. Для животных, по всей вселенной рассеянных, по качеству климата произрастают былия, в изобилии в снедь им определенные. Есть и такие, которые, кажется, служат токмо украшением лицу земному или, покрывая неиссыхаемые блата, скрывают от глаз наших

---

⁵⁰ Современное название — касатик солончаковый (*Iris halophylla* Pall.) из семейства касатиковых (*Iridaceae*).

⁵¹ «Nova Acta Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae» ad annum 1783, Petropoli, 1787, ч. 1, стр. 336—338.

⁵² Современное название — мята зеленая (*Mentha viridis* L.), из семейства губоцветных (*Labiatae*).

⁵³ Академические сочинения, выбранные из первого тома Деяний Императорской Академии наук под заглавием «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», ч. 1, СПб., 1801, стр. 62—66.

пасмурный их вид... или, распространяя свои корни в песках зыбучих, связуют их зыблемость. Поросты, коими многие морские животные питаются, указуют в водах мели и близость берегов: словом, нет ни единого на лице земном былия, которое бы не приносило пользы во всей вселенной живущим».⁵⁴ Исследователь подчеркнул необходимость изучения растений, приносящих пользу в медицине и в хозяйстве. Особенно он отметил ценность в этом отношении мяты: она поправляет слабость желудка, утоляет тошноту, вызывает аппетит, может быть использована как мочегонное средство.

В 1795 г. Лепехин написал работы о чесноке среднем (*Allium medium*). Он представил ее в Академическое собрание и просил помочь ему изготовить необходимые рисунки. По этому поводу в журнал Конференции Академии наук была занесена следующая запись: «Господин надворный советник и кавалер Лепехин представил и читал сочинение свое о среднем чесноке (*Allium medium descriptum* ab I. L.). Но как сей академик не мог присовокупить к оному своему сочинению фигуры растения, им описанного, за неимением искусного рисовщика и как оная фигура необходимо нужна для совершенного уразумения описания, то Конференция решилась представить Канцелярии Академии наук, чтоб она живописцу старшему Майеру приказала явиться к господину Лепехину, дабы при его глазах нарисовать вышепомянутое растение».⁵⁵ Однако вместо Майера к Лепехину был послан для зарисовки растения находящийся при Кунсткамере рисовальщик Астапов. Этот художник оказался неискusным, Лепехин был раздражен этим и потребовал прислать другого мастера. Журнал Конференции сообщает, что «господин надворный советник и кавалер Лепехин, которому болезнь препятствует быть в Академии, представил, что по ожидании им целый месяц требуемого им живописца Канцелярия Академии наук прислала ему, наконец, старика почти слепого, который, упражнявшись во всю свою жизнь в рисовании грубо одними цветами, не может никак быть употреблен к нежному и исправному написанию растения, описание которого читано было им в Собрании 14 августа. Вследствие чего ученое собрание положило представить господину Баку-

---

⁵⁴ Там же, стр. 52—63.

⁵⁵ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 7, № 93, л. 48.

нину, что, дабы господа академики физического класса могли доставлять сочинения, до естественной истории касающиеся, для чтения и внесения оных в акты, необходимо нужно иметь им, как и прежде, в повелениях своих искусного живописца, который бы по правилам сего художества делал им в живописи разных произведений всех трех царств природы, которые они описывать будут, и что на сей-то единственно конец Академия и приняла господина старшего Майера». ⁵⁶

Майер явился наконец к Лепехицу и зарисовал растение. Рисунок был передан 24 октября 1795 г. конференц-секретарю И.-А. Эйлеру, но работа о чесноке среднем так и не появилась в печати. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно. Этот эпизод интересен тем, что добавляет некоторые черты к облику Лепехина: в воспоминаниях о нем современников часто отмечаются его благодушные и мягкость, но, как видно, он умел быть настойчивым и требовательным, когда дело касалось интересов науки.

От академика Лаксмана ученый получил семена растения, названного им *Polygonum Laxmanni*. ⁵⁷ Путешественник нашел его в Сибири на р. Уракане. Оно было выращено Лепехиным в Академическом Ботаническом саду. Лепехин поместил описание этого растения в «Nova Acta». ⁵⁸

Тот же академик Лаксман передал семена, присланные с Камчатки его сыном. Уже после смерти Лаксмана старшего Лепехин вырастил из камчатских семян одно растение, названное им *Epilobium Kamtschaticum*, ⁵⁹ и опубликовал его описание. ⁶⁰

В 1796 г. друзья из Сибири прислали Лепехину семена цветка, названного им *Senecio sibiricum*. ⁶¹ Летом 1797 г.

---

⁵⁶ Там же, лл. 50—50 об.

⁵⁷ Современное название — горец Лаксмана или таран Лаксмана (*Polygonum Laxmanni* Lerechin) из семейства гречишноцветных (*Polygonaceae*).

⁵⁸ «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», т. X. Petropoli, 1797, стр. 414—416.

⁵⁹ Современное название — кипрейник из семейства онагровых (*Onagraceae*).

⁶⁰ *Epilobii species nova* [новый вид *Epilobium*] — «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», т. XI, 1798, стр. 370—371.

⁶¹ Современное название — крестовник эруколистный (*Senecio erucaefolius* L.) из семейства сложноцветных (*Compositae*).

это растение цвело в академическом саду. Описание его также было опубликовано Лепехиным.⁶² Еще одно растение из коллекции академика Лаксмана Лепехин назвал *Typha Laxmanni*⁶³ в честь путешественника, нашедшего это растение на болотах Забайкалья. Описание его было помещено в «Nova Acta».⁶⁴

О практическом применении «жостера, или придорожной иголки»⁶⁵ Лепехин поместил статью в «Технологическом журнале».⁶⁶

«Жостер, или придорожная иголка, принадлежит к кустам дикорастущим. У нас растет около Нарвы, в Сибири, по Волге, в Таврической области. Здесь петербургский климат удобно сносит и безо всякого ухаживания обильно приносит зрелые ягоды. Но сколь ни мало важен быть кажется куст сей, однако, как впоследствии увидим, имеет немалую пользу. Можно его употреблять в садах для насаждения крытых аллей, им украшают и зеленят стены, делают изгороди».

«Скот ест охотно хотя, впрочем, не очень вкусный оного лист. Он гонит мочу и чистит соки, а особливо когда он молод. Зеленые ягоды дают желтую краску, если их растолочь в воде, в которой распущены квасцы, и зеленую краску, если к ним добавить лакмус и поташ. Незрелыми ягодами красят в желтый цвет сафьянную кожу. Сок зрелых ягод составляет сам собою красильный сок, пузырной зеленью называемый».⁶⁷

Далее сообщаются способы приготовления из жостера краски для кожи, бумаги, обоев, карт, чернил, говорится об употреблении ягод жостера для ловли птиц, отвара ягод — как слабительного, коры — для приготовления тем-

---

⁶² Senecionis species nova. [Новый вид Senecio]. «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. XI, 1798, стр. 400—402.

⁶³ Современное название — рогоз Лаксмана (*Typha Laxmanni* Led.) из семейства рогозовых (*Typhaceae*).

⁶⁴ «Nova Acta Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae», t. XII, 1801, стр. 335—336.

⁶⁵ Современное название — крушина слабительная, жостер (*Rhamnus cathartica* Linn.) из семейства крушиновых (*Rhamnaceae*).

⁶⁶ О жостере, или придорожной иголке. Технологический журнал, или собрание сочинений и известий, относящихся до технологии, и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению, издаваемые Императорскою Академиею наук. Т. I, ч. 1, СПб., 1804, стр. 25—37.

⁶⁷ Там же, стр. 25—26.

но-желтой краски, отвара коры в молоке — как средства против бешенства собак, отвара коры в воде — как слабительного и рвотного, употреблении древесины на столярные работы, ветвей на изготовление удилиц, на топку, кустов жостера в качестве подвоя для вишен и слив.

В статье «*Symphiti asperi nova species*» [Новый вид *Symphitum asperum*] Лепехин пишет: «Маршал фон Биберштейн пошел по следам покойного Гильденштедта. Он путешествует по Кавказу, собирает растения. Недавно прислал в Академию семена, которые были выращены в Академическом саду». ⁶⁸ Присланное фон Биберштейном растение Лепехин назвал *Symphytum caule hamato-aspero*. ⁶⁹

Разбирая материалы, оставшиеся после покойного академика Зуева, Лепехин заинтересовался растением *Cheiranthus Tauricus* ⁷⁰ и составил его описание. «Покойный Зуев, — писал он, — предпринял по совету и с помощью тогдашнего директора Академии Домашнева путешествие на юг России. На полуострове Херсонес Таврический он собрал много растений. Я публикую малоизвестное растение из его коллекции». ⁷¹

Лепехин был не только естествоиспытателем, но и врачом. Путешествуя по России, он тщательно собирал материалы, имеющие отношение к медицине — к врачебной практике и к лекарствоведению.

В Архангельске он присутствовал при медицинском осмотре во время рекрутского набора. Один из солдат Верховажеского уезда, юноша 20 лет, оказался гермафродитом. Лепехин очень заинтересовался им. По его просьбе архангельский губернатор Е. А. Головцын велел привести к ученому рекрута. Лепехин составил его описание, сделал зарисовку, расспросил о родственниках и т. д. Оказалось, что у юноши есть два брата — 30 и 22 лет, тоже гермафродиты, родители же — нормального телосложения. Все

---

⁶⁸ «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» ad annos 1797—98, Petropoli, 1805, t. XIV, стр. 442—444.

⁶⁹ Современное название — окопник шершавый или окопник кавказский (*Symphytum asperum* Lerechin или *Symphytum caucasicum*) из семейства бурачниковых (*Boraginaceae*).

⁷⁰ Современное название — лакфиоль, желтофиоль (*Cheiranthus*) из семейства крестоцветных (*Cruciales*).

⁷¹ «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. XIII, 1827, стр. 336—338.

три брата женаты, имеют детей. По приказу Головцына братья также явились на осмотр к Лепехину.

В Архангельске Лепехин написал на латинском языке статью о гермафродите, которая вскоре была напечатана в «Новых комментариях».⁷² Статья была оформлена в виде речи и начиналась так:

«Славнейшие академики!

Мне представилась возможность сделать наблюдение, правда, не новое, но во всяком случае достойное внимания, так как оно поможет отвергнуть ошибочные мнения, высказывавшиеся по этому вопросу». Далее он указывает, что многие философы неоднократно пытались разрешить проблему: откуда происходят зачатки нового животного? От обоих ли родителей, или большую часть зачатков нового организма следует отнести к отцу или к матери? Сам он отвечает на этот вопрос так: «Никогда не бывает, чтобы животное правильного сложения произошло бы без участия обоих полов. Плод всегда формируется похожим то на отца, то на мать, то на обоих родителей».

Чем объясняется такое отклонение от нормального сложения у трех братьев, на это он не смог ответить, предоставив это сделать тем, «кому счастливое воображение позволяет достигнуть всего». К статье приложен собственноручный рисунок Лепехина.

Лекарственные растения, виденные Лепехиным во время путешествия, описаны в его путевом дневнике. Кроме того, сохранился «лечебник», куда Лепехин заносил народные данные о целебных свойствах различных трав. Приведем примеры:

«Есть трава октоман ростом невелика, при том месте воронá, листочки маленькие, кругленьки, растет на всяком месте, ростом в стрелу, цвет синь концами, и та трава весьма полезна от грыжи, опухоли и от ломоты хлебать.

«Есть трава именем парамон, собою волосата, что главные (головные — Т. Л.) волосы, растет возле болота кустиками. Та трава весьма угодна от горной болезни. А на ней наверху, что шапочки. А как отпадет, ино черненько, что строльное железо».⁷³

⁷² De Hermaphrodito ad sexum virilem pertinente [О гермафродите, относящемся к мужскому полу]. «Novi Commentarii» pro anno 1771, t. XVI, Petropoli, 1772, стр. 525—530.

⁷³ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 4, лл. 1—7 об.

Кроме «октомана» и «парамона», там же описано еще 27 трав, в числе их маточник,⁷⁴ «мачиха»,⁷⁵ девясил,⁷⁶ «богороцкая» трава.⁷⁷

Лепехин внимательно изучал народную медицину, проверял ее рецепты, отбрасывал неверные и неустанно пропагандировал средства, оказавшиеся полезными. В статье «Подтверждение лекарственных сил сибирской травы», по-видимому, принадлежащей Лепехину,⁷⁸ указывается, что некоторые распространенные только в России лекарственные растения, как например черногрив (*Rhododendron chrysantum*), получили уже известность в Европе, а в России не применяются и что необходимо как можно шире использовать отечественные лекарственные средства.

В 1782—1783 гг. ученый опубликовал статью «О домашних средствах, простым народом в болезнях употребляемых».⁷⁹

«История врачебного искусства научает нас, — пишет Лепехин, — что первые оного основания от простого употребления трав начало свое восприяли».⁸⁰ Далее рассказывается об обычае древних греков «вывозить болящих на распутия, дабы мимоходящие, видя жалостное их состояние, могли сообщать средства, в подобных болезнях употребленные». Лепехин подчеркивает, что многие «лучшие лекарственные средства не умствованием врачей, но употреблением простолюдинов открыты были: от диких американцев получили мы кору хину (*Cortex chinae*), рвотный корень (*Radex Ipecacuanhae*)». Он переходит затем к характеристике народных средств от венерических болезней. Первым из них он называет сибирскую траву

---

⁷⁴ *Ostercicum Hoffm.* из семейства аралиевых (*Araliaceae*).

⁷⁵ Современное название — мать-и-мачеха (*Tussilago* Linn.) из семейства сложноцветных (*Compositae*).

⁷⁶ *Inula* Linn. из семейства сложноцветных (*Compositae*).

⁷⁷ Современное название — чабрец обыкновенный, богородская трава (*Thymus serpyllum* Linn.) из семейства губоцветных (*Labiatae*).

⁷⁸ Месяцеслов с наставлениями на 1780 г. О возможной принадлежности этой работы Лепехину см. С. М. Громбах. Русская медицинская литература, стр. 253.

⁷⁹ Месяцеслов с наставлениями на 1782 г., стр. 53—78; на 1783 г., стр. 102—138. Перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1792, ч. IX, стр. 335—385.

⁸⁰ Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1792, ч. IX, стр. 335.

большой прикрит⁸¹ («назван так по превосходству его целительной силы»). Эта трава, по наблюдениям Лепехина, хорошо переносит петербургский климат; «корень сей еще нигде не введен во врачебное употребление, но сибиряки увар одного пьют во всяких нечистях».

Всего в этой статье приведено, кроме названной сибирской травы, еще двенадцать народных средств от венерических болезней: горькая трава или якутка,⁸² чемерица,⁸³ истод трава,⁸⁴ песочная осока⁸⁵ и другие. Далее указано тринадцать средств от лихорадки: крушина,⁸⁶ придорожная иголка, большой чистяк, или красномолошник, или ластовичная трава,⁸⁷ молочай (*Euphorbia helioscopia*, *perplus*, *palustris*),⁸⁸ адамова голова,⁸⁹ конская грива, или коноплянка,⁹⁰ стародубка,⁹¹ горчанка,⁹² золототысячник,⁹³ бобровка, или вахта, или змеевик, или трилистник водяной,⁹⁴ полынь, или глистник⁹⁵ и другие.

⁸¹ Имеется в виду какалия копельстная (*Cacalia hastata* Linn.) из семейства сложноцветных (*Compositae*).

⁸² Современное название — серпуха (*Serratula* Linn.) из семейства сложноцветных (*Compositae*).

⁸³ Современное название — чемерица белая (*Veratrum album* Linn.) из семейства лилейных (*Liliaceae*).

⁸⁴ Современное название — истод обыкновенный (*Polygala vulgaris*) из семейства истодовых (*Polygalaceae*).

⁸⁵ Современное название — осока песчаная (*Carex arenaria* Linn.) из семейства осоковых (*Cyperaceae*).

⁸⁶ Современное название — крушинник ломкий (*Frangula alnus* Mill. — *Rhamnus frangula* Linn.) из семейства крушиновых (*Rhamnaceae*).

⁸⁷ Современное название — чистотел большой (*Chelidonium majus* Linn.) из семейства маковых (*Papaveraceae*).

⁸⁸ Современные названия — молочай солнцегляд (*Euphorbia helioscopia* Linn.), молочай садовый (*Euphorbia perplus* Linn.), молочай болотный (*Euphorbia palustris* Linn.) из семейства молочайных (*Euphorbiaceae*).

⁸⁹ Современное название — мандрагора (*Mandragora officinarum* Linn. — *Atropa mandragora* Linn.) из семейства пасленовых (*Solanaceae*).

⁹⁰ Современное название — посконник коноплевый, седаш (*Eupatorium cannabinum* Linn.) из семейства сложноцветных (*Compositae*).

⁹¹ Современное название — горечавка полевая (*Gentiana campestris* Linn.) из семейства горечавковых (*Gentianaceae*).

⁹² Современное название — горечавка желтая (*Gentiana lutea* Linn.) из семейства горечавковых (*Gentianaceae*).

⁹³ *Sentaurium* Hill. из семейства горечавковых (*Gentianaceae*).

⁹⁴ Современное название — вахта трехлистная (*Menyanthes trifoliata* Linn.) из семейства горечавковых (*Gentianaceae*).

⁹⁵ Современное название — полынь горькая (*Artemisia absinthium* Linn.) из семейства сложноцветных (*Compositae*).

В заключение Лепехин замечает, что «многие из этих трав только облегчают действия природы. Но сего для простолюдина довольно. Чего врачи в телах нежного состава различными лекарственными средствами достигнуть стараются, то в крепких семенах труд, сопряженный с сильным телодвижением, дополняет».

К мысли о необходимости применять отечественные лекарственные травы ученый возвратился в следующей своей работе, напечатанной отдельным изданием: «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений» (СПб., 1783).⁹⁶

Особый интерес представляет вводная часть работы, в которой характеризуется природа Земли в целом. Лепехин высказывает здесь оригинальные и новые для науки XVIII в. мысли о взаимодействии природных явлений. Он доказывает, что климатические условия, фауна и флора тесно связаны между собой, приводит примеры распределения животных по земному шару, обусловленного климатом и растительностью. В этой работе он развивает и характерные для науки того времени мысли о целесообразности всех проходящих в природе процессов, о целесообразном, с точки зрения полезности для человека, распределении растительности на Земле, о чем уже упоминалось выше. Заканчивая статью, Лепехин горячо призывает врачей смелее использовать местные средства для лечения и по возможности заменять ими дорогие лекарства, выписываемые из-за границы: «Не недостатку в природных растениях, лечебную силою снабденных, но нашему предрассуждению приписывать должно, что, оставляя втуне собственные произрастения, ищем в отдаленных странах, выращиваем их у себя, причём они часто теряют много лекарственной силы. . .

Коликий новый озарил бы свет врачебное искусство, когда бы мы со временем, усугубив свое рачение, всех своих произрастений силы и действия соответственно их природному месту познали».⁹⁷

---

⁹⁶ Повторено во французском переводе: *Reflexions sur la nécessité d'étudier la vertu des plantes indigènes.* — *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae* ad annum 1783, t. I, 1787, стр. 83—110. — В этот вариант работы Лепехин внес некоторые стилистические изменения и одно добавление об употреблении отвара калинового куста при лечении золотухи.

⁹⁷ Там же, стр. 28—29.

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О НУЖДѢ
ИСПЫТЫВАТЬ ЛѢКАРСТВЕННУЮ СИЛУ
СОБСТВЕННЫХЪ ПРОИЗРАСТВЕНІЙ,
въ собраніи
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ

1783 года, Марша 11 дня

предложенныя

ИВАНОМЪ ЛЕПЕХИНЫМЪ,

Издворнымъ Совѣтникомъ, Докторомъ Медицины, Профессо-
ромъ Естественной исторіи, Академіи Наукъ, вольнаго
С. П. Экономическаго, Берлинскаго друзей испытателей и
Гессенгобургскаго патріотическаго общества членомъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ
1783 года.

Титульный лист сочинения И. И. Лепехина «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений».

Некоторые работы академика были посвящены случаям из его врачебной практики. К сожалению, они не сохранились. Упоминание об одной из таких работ имеется в «Протоколах Конференции», где отмечено, что 3 апреля 1783 г. Лепехин в Академическом собрании прочитал на латинском языке свою работу под заглавием: «Causa aegroti colicam ventriculi mentiens et a deglutita squama ossea acipenseris ortus» [Случай ошибочного диагноза: колика желудка; на самом деле больной подавился костяной чешуйкой осетра].⁹⁸

Путешествуя, Лепехин много внимания уделял болезням рогатого скота. Причины падежа животных, способы лечения часто рассматриваются в «Дневных записках». Эти проблемы интересовали его и по возвращении в Петербург, где он продолжал свои наблюдения над домашними животными. Незадолго до смерти он выпустил в свет популярную брошюру на русском языке: «Способы к отвращению в рогатом скоте падежа и средства, к излечению сея болезни служащие».

В предисловии к этой книге Лепехин писал:

«Стараясь быть полезным любителям скотоводства и сообщить им мои рассуждения и средства к предупреждению и исцелению скотской, часто к разорительному несчастию, в стадах рогатого скота случающейся болезни под названием падежа или повала известной, выводил я мои заключения не токмо из трупоразъятия павшего скота, но изо многих примечаний, деланных мною во время моего путешествия и разных домашних опытов. Сверх сего тщился употребить слог простой и внятный и приводил в свидетельство такие писания, каковые всяк на природном языке читать и по оным справки свои делать может».⁹⁹

Исследователь произвел вскрытие павших якобы от чумы животных и установил, что причина их смерти не чума, как утверждали некоторые, а «гнилая горячка». Он подробно описывает ее признаки. По его наблюдениям, скот заболевает во время прогона гуртов. В целях предотвращения заболевания он предлагает выделить для прогоняемого скота пастбища, водопой и купанье. В работе использованы материалы, собранные во время путешествий, и многолетний опыт ветеринарной практики Лепе-

⁹⁸ Протоколы Конференции, т. III, стр. 666.

⁹⁹ Способы к отвращению в рогатом скоте падежа и средства, к излечению сея болезни служащие. СПб., 1800, стр. 3.

хина в Петербурге. В качестве предупредительных мер он рекомендует перегонять гурты не по мостам, а вброд, а для водопоя там, где нет рек, выкопать пруды с проточной водою, не пасти скот ночью, когда бывает роса и много пауков, не выгонять скот на пастбища в апреле, когда он наедается короткой травы, покрытой песком и илом, и когда преобладают ядовитые травы: чемерица, одурь и другие.¹⁰⁰

Интересны указания Лепехина на нездоровые пастбища в окрестностях Петербурга:

«Почитаю довольным доказательством всеми нами известное Охтенское селение, в коем паче других мест чаще таковое несчастье жители испытывать принуждены бывают, что и неудивительно, когда мы представим себе паствы около сей слободы болотные, где скот в топких местах жажду свою утолять должен стоячею водою, преисполненною зародышами водяных червей и насекомых, да и самую реку Охту, содержащую в себе болотную и затхлую во время летнее воду, в коей порчу усугубляет на самом берегу находящееся кладбище».¹⁰¹

Для лечения заболевших животных он рекомендует применять отвары следующих трав: мыльной травы,¹⁰² львовой лапы,¹⁰³ лебеды собачьей, или маралки,¹⁰⁴ медвежьего уха¹⁰⁵ и многих других, с указанием, какое действие они производят. Упоминаются также и средства, предложенные другими учеными и проверенные Лепехиным на практике:

«В сочинениях Вольного экономического собрания предложен был, как спасительное средство, взвар табаку, которое я в бывшем за десять перед сим лет на рогатой скот повале не оставил без испытания, как над собственной моею захворавшею коровою, которая при прочем рачительном за нею обиходе оправилась, так и над другими коровами моих знакомых».

---

¹⁰⁰ Там же, стр. 14.

¹⁰¹ Там же, стр. 23.

¹⁰² Современное название — мыльнянка аптечная (*Saponaria officinalis* Linn.) из семейства гвоздичных (*Caryophyllaceae*).

¹⁰³ Современное название — манжетка обыкновенная (*Alchimilla vulgaris* Linn.) из семейства розоцветных (*Rosaceae*).

¹⁰⁴ Современное название — марь Доброго Генриха (*Chaenopodium Bonus Henricus* Linn.) из семейства маревых (*Chaenopodiaceae*).

¹⁰⁵ Современное название — коровяк медвежье ухо (*Verbascum thapsus* Linn.) из семейства норичниковых (*Scrophulariaceae*).

Лепехин опубликовал несколько работ, посвященных разрешению различных практических задач сельского хозяйства и промышленности. К числу их относится статья «О рже, или медяной росе».¹⁰⁶ В ней он рассматривает причины болезней злаков, в частности, описывает вредную росу, которую крестьяне называют медяной росой или ржой: «в болотистых местах от минеральных испарений роса приобретает вязкость и ржавый цвет, попадая на растение, она передает стебли, листья и колос, закупоривает сосуды растений и вызывает болезнь, называемую спорина».¹⁰⁷

Лепехин несколько раз подчеркнул, что он не производил опытов и не работал с микроскопом. Он поставил себе чисто практическую задачу: научить крестьян бороться с этим губительным для хлебов явлением. «Если бы нужда требовала, — писал он, — то нетрудно было бы доказать рождение ржи от болотин на опытах, но в сих тонких изысках крестьянин нужды не имеет, с него довольно знать, каким образом вредит ржа и какие средства противу сего вреда употребить можно».¹⁰⁸ Для борьбы со ржой он рекомендовал следующее средство:

«Чтобы истребить ржу, надо иссушить болота, но по множеству в наших странах болотистых мест об этом помышлять нельзя. Итак, в сем случае надлежит подражать правилам врачей, которые когда не могут первостатейную искоренить причину, болезнь рождающую, стараются остановить ее отпрыски. Должно стараться примечать действия природы, старающейся везде сохранять равновесие. Она нередко отвращает вред, могущий хлебу от ржи воспоследовать, когда до солнечного восходу возбуждает спасительные хлебу ветры, которые, приводя в движение обремененные ржою колосы и стебли и взаимное друг о друга причиняя ударение, навислые медяной росы капли обивают, а укрепившуюся или огустевшую ржу через дождевую влагу разводя омывают. Дождь искусственный сделать дорого, а действие ветров произвести крестьянин может, когда до солнечного восхода про-

¹⁰⁶ И. Л. О рже, или медяной росе. Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. 1771 г. ч. XVII, стр. 96—105.

¹⁰⁷ Имеется в виду ржавчина — грибковое заболевание хлебных злаков. См. Н. А. Наумов [сост.]. Ржавчина хлебных злаков в СССР. М.—Л., 1939.

¹⁰⁸ И. Л. О рже, или медяной росе. Ук. соч., стр. 99.

тянув нетолстую бечевку поперек своего загону и ведя ее с помощью другого вдоль по оному, обобьет медяной росы капли. Можно для этого употреблять лошадей. Может быть, кто скажет, что невозможное дело для крестьянина каждый день осматривать свой хлеб и примечать, не пала ли на него ржа, но лучше употребить временный за хлебом присмотр, нежели часто совсем лишаться его, так как от ржи целые уезды опустошены бывають».¹⁰⁹

Лепехин интересовался такой важной отраслью хозяйства, как шелководство. В 1798 г. он издал сочинение о шелководстве.¹¹⁰ Во введении к этой книге излагается история развития шелкоделия на родине шелковой промышленности — в Китае, затем в Персии, Индии, Турции, Италии, Греции, Испании, Франции, Германии, Австрии, Дании, Швеции. В Россию шелк издавна ввозился из Персии и Китая. Лепехин описывает виденные им на левой стороне Волги, выше Царицына, на притоке Волги Ахтубе первые в России насаждения тутовых деревьев, произведенные, как он полагает, волжскими болгарами.

Книга состоит из трех частей и разделена на 32 главы.

В 17-й главе рассматриваются виды тутовых деревьев: черная шелковица (*morus nigra*), белая итальянская, испанская, красная татарская. По мнению Лепехина, у нас лучше всего разводить на Украине красную шелковицу, улучшив ее прививками испанской и итальянской.

Во 2-й главе говорится о разведении шелковичных насаждений в России. Лепехин замечает, что на влажных местах шелковица плохо растет, поэтому «невыгодно у нас было заведение для шелку на Ахтубе, где река Волга с Ахтубою составляет поемный остров. Когда лист собирать надобно, деревья стоят в воде, лист бывает сырой. Подошедшая же к правому берегу Ахтубы Яицкая степь, хотя довольно возвышена и весенним разлитием вод не поднимается, однако для сухости своей и солончаков к разведению шелковиц неудобна. Лучше развести

---

¹⁰⁹ Там же, стр. 100. — В современной агротехнике для борьбы с ржавчиной применяются авиаопыливание полей химическими препаратами, токсичными для ржавчинных грибов, отбор для посева устойчивых против ржавчины сортов и другие мероприятия.

¹¹⁰ Краткое руководство к разведению шелка в России, сочиненное И. Л. Издано по печению экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства. В Санкт-Петербурге при губернском правлении 1798 г.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
КЪ
РАЗВЕДЕНИЮ ШЕЛКА
ВЪ
РОССИИ.

Сочиненное

И. Л.

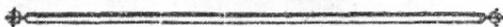

Отдѣленіе первое.

[Лепехин]

Издано попеченіемъ Экспедиціи Государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

При Губернскомъ Правленіи
1798 года.

Титульный лист сочинения И. И. Лепехина «Краткое руководство к разведению шелка в России»,

тутовые деревья на нагорном берегу Волги, где тучная земля».¹¹¹

В 1—9-й главах говорится о размножении шелковичных червей, об уходе за вылупившимися червями, о питании и содержании их. II часть книги (главы 10—27) посвящена организации производства шелка. Подробно разбираются способы свития шелка с коконов, рассматриваются методы улучшения породы шелковичных червей.

Говоря о процессе сматывания ниток с коконов, Лепехин с сожалением отмечает, что при этом работницы постоянно обжигают себе руки:

«На заводах к сей работе всегда женский пол употребляется. Впрочем, сколь труд сей ни легок кажется, однако немалой болезни стоит обрабатывающейся около котла; ибо не можно избежать, чтобы не обмакивать рук беспрестанно почти в кипящей воде; посему и видим мы, что предприемлющие таковую работу всегда имеют обваренные персты; и хотя есть у них некоторые от сего предохранительные лекарства, но мало сим себя облегчают, умеренность же награды не может удовлетворить всем их нуждам. Какое печальное размышление для чувствительного любомудрца! Намазывание же рук жирным чистоте шелка весьма предосудительно, и всевозможными способами от сего злоупотребления удержаться тщатся».¹¹²

Далее подробно описывается устройство пьемонтской мотальной машины.

В III части книги говорится о качестве шелковой пряжи, упоминается о методах обработки шелковых ниток, введенных главным правителем шелковых заведений на Ахтубе и на Украине Н. Рычковым. Высказывается пожелание, чтобы наши миссионеры в Пекине узнали секрет очистки шелка от прилипшей камеди, что поможет усовершенствовать производство шелка в России. В заключительных главах трактуются проблемы окончательной отделки шелковых ниток. На вопрос: «не делает ли мыло, для вымывания шелку употребляемое, каких худых впечатлений на оный», Лепехин отвечает отрицательно: «Напротив, мыло открывает все добрые в шелке качества, не унижая изящества в оном». Он подчеркивает влияние качества воды на шелк и рекомендует «испытывать все

---

¹¹¹ Там же, стр. 22—23.

¹¹² Там же, стр. 109—110.

воды, близ шелкового завода находящиеся, какая из них наиболее удобна для обихода с шелком».

В двух работах говорится о рыбных и китобойных промыслах в северных морях. В одной из них: «Описание сельдяного ходу, когда и где сельдей ловят, каким образом приготавливают и солят и где оными отправляется торг»,¹¹³ указывается, что способ солить сельдей открыл брабантский житель Вильгельм Бейкель. Лепехин в шутку называет его благодетелем человеческого рода и сообщает, что Карл V через 150 лет после смерти Бейкеля, чтобы почтить его, съел на его могиле сельдь. Описываются способы ловли и соления сельдей в Голландии, Голштинии, Пруссии; «Россия, — пишет в заключение Лепехин, — подобным образом может великую пользу приобретать от лову сельдей на Белом море и по берегам Северного океана, если правительству Архангелогородскому угодно будет поморян и других в сих промыслах искусившихся надлежащим образом к сему приохотить».

В работе под названием «Об удобности китового промысла в России»¹¹⁴ рассматриваются способы ловли китов в Исландии, на Чукотке, в Америке, Дании, Швеции, Голландии, говорится об употреблении китового жира, китового уса, о снаряжении китоловных судов, о вытапливании китового сала французскими и голландскими промышленниками. Далее разбираются способы добычи морских животных, применяемые российскими поморами. Лепехин рекомендует вытапливать китовое сало непосредственно после поимки кита, на кораблях среди моря.¹¹⁵ В статье подчеркивается, что Россия для китовых промыслов имеет большие преимущества перед другими странами в отношении природных условий: «если мы сравним все те пространства, каковые другие народы переплывать должны для сего лова, то сии выгоды сами по себе станут ясны». Исследователь предлагает использовать для китового промысла за полярным кругом поселок Кольский острог, откуда во все времена года есть свободный выход в океан. «Самое удобное у нас место, — пишет он, — Кольский

¹¹³ Новые ежемесячные сочинения, 1787, февраль—март, ч. VIII, стр. 28—56, ч. IX, стр. 30—46.

¹¹⁴ Академические сочинения, выбранные из первого тома «Nova Acta», ч. I, 1801, стр. 217—255. (Некоторые статьи, помещенные в этом издании, в том числе и эта работа Лепехина, в «Nova Acta» включены не были).

¹¹⁵ Там же, стр. 240.

острог, откуда промышляют треску и палтусину. Острог или городок сей, ныне почти запустелый, стоит того, чтобы правительство удостоило его своего воззрения. Он лежит на пространной и далеко в материк простирающейся равнине, окруженной горами, между втечением в губу рек Туломы и Колы близ Ледовитого океана, при заливе, называемом Кольским, который очень глубок. В нем есть удобная гавань для судов, защищенная Екатерининским островом. На этом острове были выстроены деревянные казармы для приюта морским служителям во время разных предприятий с Российской стороны путешествий, но строение это совсем развалилось».

По мнению Лепехина, эта незамерзающая гавань имеет большое промышленное значение. В ней водится множество рыбы: пинагор, разные породы камбал, зубатки, треска, пикша, акулы, сельди, киты, а также и тюлени. Сам он не был в Коле, но посылал туда своих спутников. Они сообщили ему, что в губу заходят не настоящие гренландские киты, а «норд-каперы», а также небольшие акулы. Одну из акул, пойманных в Коле, ученый прислал через Архангельск в Кунсткамеру. Он рекомендует восстановить поселок Кольский острог, который некогда был в цветущем состоянии. Сенатор Петр Иванович Шувалов, имевший откуп на рыбные промыслы, нанимал поморов для ловли семги, трески и морских животных. Многие поморы селились в Коле. В Колу приходили иностранные торговые корабли. С окончанием срока шуваловских откупов, по словам Лепехина, все здесь пришло в упадок. Немного поддерживает еще промыслы Кольская солдатская рота, но и она переведена в Архангельск.

Далее автор останавливается на способах ловли и обработки трески, советует организовать более быструю засолку, наладить добывание трескового жира и изготовление клея из плавательных пузырей. Он сообщает интересные сведения о восстановлении тресковых промыслов в Коле вологодским губернатором Алексеем Петровичем Мельгуновым. «Он, объезжая Архангельскую губернию, для сих промыслов уволил из Архангелогородского гарнизона некоторых солдат, кольских уроженцев, которые ревностно принялись за отцовские промыслы и до того оные довели, что бывший у меня в гребцах во время путешествия по Белому морю солдат Петр Турчасов, тогдашний кольский ратман, построил и снарядил корабль на

общее иждивение с товарищем своим Иваном Горюшковым, бывшим потом кольским бургомистром, и, нагрузив оный лабарданом (трескою, — Т. Л.), соленою палтусиною и морошкою, приехал в Петербург для продажи кольских произведений. Но не имея подпоры ниоткуда, а препятствий отовсюду довольно, разорившись здесь, в Санкт-Петербурге, кончил дни свои. Ивана Горюшкова тот же постиг жребий в Коле, и так полезное сие начинание пропало втуне». ¹¹⁶

Статья заканчивается обращением к правительству развивать и укреплять китовый промысел в Кольском остроге:

«Мне скажут, что в столь суровом климате это трудно, но и все берега Белого моря сему недостатку подвержены. К сему надо употребить людей, бывалых на промыслах белуги и моржей, так как киты требуют в уловлении себя проворства и смелости. Для начала можно упражняться в Кольской губе на норд-каперах. Некоторым поморам известен путь к Гренландии. Для такового промысла нужна помощь правительства, одному человеку не справиться со снаряжением судна, а если на море приключится несчастье, то он разорится. Лды нашим промышленникам не страшны, они к ним привыкли во время промысла на Новой Земле и Никулкине носе». ¹¹⁷

Из работ Лепехина по географии наибольший интерес представляет описание присоединенных к России Белорусской и Могилевской губерний, составленное им в связи с посещением этих мест Екатериной II. ¹¹⁸

Книга издана очень изящно, со многими гравированными виньетками и рисунками, в виде расширенного путевода по местам, посещенным императрицей. Лепехин

---

¹¹⁶ Там же, стр. 251.

¹¹⁷ Там же, стр. 254.

¹¹⁸ Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее императорского величества в Белорусские наместничества. СПб., 1780, при Императорской Академии наук. — В работе над книгой принимали также участие академики Паллас, Крафт, Гильденштедт, Иноходцев, ассессор Бакмейстер и адъютант Зуев, но в значительно меньшей степени, чем Лепехин. Это видно из того, что все они получили за эту работу по одному экземпляру книги, а Лепехин — десять экземпляров. Книга была издана без его фамилии. Авторство Лепехина установлено по архивным данным. См. В. П. Семеников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II, на основании документов Архива конференции имп. Академии наук. Пгр., 1915, стр. 60.

описал Красное Село, Ямбург, Нарву, Псков, Полоцк, Смоленск и другие города, горы, реки, леса, озера, привел данные о торговле, промышленности, сельском хозяйстве, рыбной ловле, полезных ископаемых, флоре и фауне новых губерний, краткие исторические сведения. Поскольку Лепехин сам побывал восемь лет тому назад в этих местах, то при составлении этой книги он мог воспользоваться материалами своей Белорусской экспедиции, что он, несомненно, и сделал. Многие страницы «Топографических примечаний» по манере изложения напоминают его «Дневные записки путешествия». В конце книги даны таблицы: «Широты и долготы мест между Санкт-Петербургом и Могилевом» и «Восхождение и захождение солнца в сих местах в мае—июне месяцах». Как известно, дневник Белорусской экспедиции Лепехина не сохранился, поэтому «Топографические примечания», отчасти восполняющие этот пробел, представляют особую ценность.

В 1787 г. ученый опубликовал без подписи две небольшие заметки в «Историческом и географическом месяцеслове», издававшемся Академией. Поводом к написанию статей явилось образование в декабре 1780 г. нового Симбирского наместничества. О принадлежности этих двух работ Лепехину можно заключить на том основании, что в ноябре 1787 г., после выхода в свет «Исторического географического месяцеслова на 1787 г.», академиком, поместившим там свои сочинения, было выдано по решению Канцелярии каждому по 6 экземпляров «Месяцеслова». Поскольку авторы остальных помещенных там статей известны, представляется очевидным, что две неподписанные работы принадлежат Лепехину. Одна из них озаглавлена: «Краткое известие о Симбирском наместничестве».¹¹⁹ В ней описывается географическое положение вновь учрежденного наместничества, определяются его границы с севера, юга, востока и запада, приводятся данные о входящих в него уездах и селах. Лепехин посетил эти места в 1768 г., поэтому он очень живо, по личным воспоминаниям, описал и реки нового наместничества, и большой черный лес на берегах р. Суры, и виденные им фабрики и заводы. Многие из этих материалов были использованы в «Дневных записках». Ново по сравнению

---

¹¹⁹ Месяцеслов исторический и географический на 1787 г., СПб., при императорской Академии наук, стр. 63—74.

с «Записками» подробное описание гербов, принадлежащих Симбирску, Сенгилю и другим городам, входящим в наместничество. Вторая работа — «Расстояние городов, сел и деревень, где наиболее перемена подвод бывает, по дороге от Симбирска до Кизляра»,¹²⁰ представляет собою выписку из неопубликованного путевого дневника Лепехина, вернее из его начальной части, относящейся к 1768 г.¹²¹ В ней перечисляются населенные пункты на тракте от Симбирска до Кизляра общей протяженностью в 1421 в., где самому Лепехину во время его путешествия приходилось менять лошадей, с указанием расстояния от одного до другого пункта. К этому краткому перечню присоединено указание, что от Саратова до Камышина можно ехать по двум дорогам, из которых одна проходит по берегу близ Волги, а другая — нагорная, называемая станишник.

По всей вероятности, Лепехину принадлежит еще одно географическое сочинение в том же Месяцеслове: «Описание городов Нижегородского наместничества». Стиль ее очень близок манере письма Лепехина. В ней кратко излагается история Нижнего Новгорода, перечисляются главные здания, промыслы.¹²²

Среди работ Лепехина особняком стоит небольшая статья о языке и письменности зырян.¹²³ В томе «Nova Acta» ей предшествует публикация письма корреспондента Академии хирурга майора Якова де Фриза из Устюга Великого от 17 июля 1788 г. на французском языке. Де Фриз сообщает, что когда он был в Яренске, губернский казначей Попов показал ему надпись на зырянском языке в 40 верстах от Яренска, на правом берегу Вычегды, в деревне Вошемский погост. Надпись сделана на иконе в древней церкви, построенной в XIV в. Заметка начинается биографией Стефана, епископа пермского, создателя зырянской письменности. Далее приводятся све-

¹²⁰ Там же, стр. 75—79.

¹²¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 10, лл. 11—61.

¹²² Месяцеслов исторический и географический на 1787 г., СПб., при Императорской Академии наук, стр. 42—63.

¹²³ Notice historique sur la langue et ecriture syrainique, communiqué par M. le Cons. de Cour Lepechin à l'occasion de l'inscription ancienne en cette langue deterrée par M. Fries. [Историческая заметка о языке и письменности зырян, сообщенная господином надворным советником Лепехиным по случаю открытия господином Фризом древней надписи на этом языке]. — «Nova Acta», t. VI, 1790, стр. 32—34.

дения о церкви, в которой найдена надпись, и дается комментарий к зырянской надписи (копию надписи Фриз доставил в Петербург). К статье приложена копия надписи.

Мы рассмотрели научные труды Лепехина. Большая часть его работ, как мы видели, посвящена вопросам естествознания. Во время путешествий он собрал богатые материалы по ботанике и зоологии, открыл много новых видов животных и растений. Однако он никогда не искал славы «первооткрывателя». Его интересовало прежде всего практическое применение естественно-научных знаний, и он постоянно подчеркивал это в своих трудах. Лепехин, пожалуй, был единственным русским академиком, уделявшим в то время много внимания делу широкого внедрения отечественных лекарственных средств, задачам сельского хозяйства, развитию легкой и пищевой промышленности в России.

Глава 7

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АКАДЕМИЧЕСКОМ СОБРАНИИ (1774—1802)

По возвращении из второго своего путешествия Лепехин более не выезжал из Петербурга.¹ Тем не менее он постоянно интересовался экспедициями других ученых, редактировал путевые дневники, присылаемые в Академию, составлял проекты новых экспедиций и инструкции для них, вел переписку с путешественниками.

В 1774 г. в Академию обратился с предложением своих услуг некий майор Мордвинов, имевший намерение отправиться из Портсмута на о. Ямайку. Академическое собрание поручило Лепехину составить для Мордвинова список различных растений и других объектов естественной истории, на которые тому следовало обратить внимание на Ямайке. Тогда же Лепехину были переданы на отзыв присланные Палласом из Царицына путевые журналы студента Н. Соколова, совершившего в 1772 г. путешествие по горам Даурии. Лепехин отозвался о них с большой похвалой.²

В августе 1776 г. в Академическом собрании обсуждались проекты новых путешествий в малоизвестные

¹ Имеются в виду поездки с научной целью. В отпуск Лепехин ездил за всю жизнь только один раз — с 7 по 30 июня 1788 г. в Лодейнопольский уезд Олонецкого наместничества «для собственных нужд». Полученное им разрешение поехать туда в июне 1777 г. он не использовал, так как был очень занят по службе. — Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 358, л. 249; № 367, лл. 274—278; № 559, л. 253; № 560, л. 302 об; 323 и об. Протоколы Конференции, т. IV, стр. 134.

² Протоколы Конференции, т. III, стр. 129—130, 136—137.

области России.³ К этому вопросу академики вновь вернулись в 1779 г. по рекомендации Домашнева, предложившего разработать план и инструкцию для новой экспедиции, намеченной на весну 1780 г. Гильденштедт и Георги предлагали послать экспедицию в Архангельскую губернию и на Новую Землю, Лепехин рекомендовал исследовать Лапландию.⁴ Напомнив о том, что отдаленные губернии уже были изучены им самим и Палласом, Лепехин указал, что Ингерманландия и Финляндия еще не исследованы учеными-путешественниками.

Домашневу, однако, более интересным представлялся юг России. В 1781 г. он решил отправить адъютанта Зуева в южную экспедицию, а Палласу и Лепехину поручил составить инструкцию.⁵ Лепехин проявлял большой интерес к поездке Зуева и впоследствии вместе с Румовским редактировал его «Путешественные записки».⁶

В 1782 г. в Академическом собрании вновь был поставлен вопрос о необходимости послать экспедицию на север для собирания морских редкостей; академики решили, что такая экспедиция не окупит расходов и что лучше написать жителям Колы, чтобы они присылали редкости в Академию. Лепехин взял это на себя.⁷ В 1784 г. ученый вел переписку с академиком Иноходцевым, который в то время путешествовал по России и производил астрономические наблюдения с целью определения географического положения различных городов.⁸

В Академическом собрании Лепехину часто приходилось выступать в качестве рецензента. В феврале 1773 г. в Академию было прислано шесть каталогов монет, минералов, раковин, предметов искусства. Каталоги были переданы Штелину, Лаксману и Лепехину.⁹ Последний рассмотрел раздел о раковинах и представил о нем следующий письменный отзыв:

«По приказанию Императорской Академии наук Каталог о раковинах прочел и следующее о нем донести имею.

«1) Число всех раковин, кроме сделанных из оных разных фигур, простирается до 1700, из которых большая

³ Там же, стр. 405.

⁴ Там же, стр. 442 и 445.

⁵ Там же, стр. 529.

⁶ Там же, стр. 716.

⁷ Там же, стр. 593.

⁸ Там же, стр. 737.

⁹ Там же, стр. 81—82.

часть сложены попарно. В сем числе около 300 пар дублетов, с лишком 100 без всякого описания и названия.

«2) Но как каталог сделан по тому порядку, где какая лежит раковина, то он разделен непорядочно и только на самые главные отделения. Редкие раковины названы именами, у писателей употребляемыми, но большею частью описаны по цветам. Впрочем, много есть изрядных и несколько редких раковин; но как изящество раковин зависит от совершенного их росту, высоких цветов, надлежащего приуготовления и совершенной целости, то сего из каталога ничего не видно и, следовательно, в сем пункте точного сведения дать не можно».¹⁰

В сентябре 1776 г. Лепехин прочитал работу студента Озерецковского о мхах,¹¹ присланную из Страсбурга, и дал о ней положительный отзыв.¹²

По поручению Академического собрания в 1793 г. он просмотрел труд Филиппа Андреаса Немниха, посвященный общим проблемам естествознания.¹³

В 1799 г. в Академию представил свои труды в области ботаники Фридрих Маршалл фон Биберштейн. Он родился в Штутгарте, занимался ботаникой и зоологией; служил в русской армии и, находясь по служебным делам в Крыму и на Кавказе, изучал флору этих мест; составил описание растений Кавказа,¹⁴ которое было передано на отзыв Лепехину. Последний отметил, что оно заслуживает внимания ботаников и рекомендовал напечатать этот труд. Поскольку многие растения Биберштейн не зарисовал, Лепехин предложил сделать зарисовки экземпляров, выращенных в академическом Ботаническом саду из семян, которые были присланы ему с Кавказа.¹⁵

Помимо работ, посвященных проблемам естествознания, Лепехину передавались, как правило, все присланные в Академию труды, касавшиеся вопросов физиологии и медицины. Так, в июле 1776 г. врач военного госпиталя в Монпелье доктор Анри Фуке, избранный иностранным

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2—1773, февр. 18.

¹¹ Specimen botanicum de muscis, ubi contrariae de eorum generatione sententiae exponuntur. [Ботаническое сочинение о мхах, в котором излагаются противоречивые мнения об их происхождении].

¹² Протоколы Конференции, т. III, стр. 259.

¹³ Там же, т. IV, стр. 346.

¹⁴ Было опубликовано в 1808 г. Flora Taurico-Caucasica. Харьков, 1808.

¹⁵ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 735.

членом Петербургской Академии, прислал в Академию свои сочинения об оспе и некоторые другие работы. Лепехин ознакомился с сочинениями Фуке и доложил о них Академическому собранию.¹⁶

В конце 1777 г. в Академию прислал свои сочинения врач Жан-Эмануэль Жильбер. Он учился медицине в Монпелье, в 1763 г. получил там докторскую степень. Его научные интересы были близки интересам Лепехина. Он увлекался ботаникой и так же, как Лепехин, пропагандировал употребление растений в лечебных целях. Лепехин, Паллас и Гильденштедт ознакомились с трудами Жильбера и рекомендовали опубликовать их.¹⁷ Резюме их, составленное Палласом, было помещено в «Acta».¹⁸ В нем рассматривались растения, обладающие послабляющим действием, как например вид *Euphorbia Cyparissias*,¹⁹ европейские заменители американского растения ипекакуаны — *Asarum*²⁰ и *Eupatorium Cannabinum*,²¹ травы, употреблявшиеся Жильбером для лечения горячки: *Clematis recta*²² и *Ranunculus aeris*²³ и пр. В 1778 г. Лепехину была дана на отзыв присланная петербургским и новгородским архиепископом Гавриилом диссертация новгородского студента Мины Исаева: Tentamen medicum de generalibus in sexu foemineo a graviditate oriundis mutationibus, etc. [Медицинское исследование об общих изменениях, возникающих в женском организме под влиянием беременности...].²⁴

¹⁶ Там же, т. III, стр. 246—247.

¹⁷ Там же, т. III, стр. 321 и 324.

¹⁸ Jean Emanuel Gilibert. Observations sur les vertus médicinales de quelques plantes indigènes, dont les modernes ont ou méconnu, ou négligé l'utilité. [Замечания о лечебных свойствах некоторых отечественных растений, из которых самые новые или неизвестны, или полезностью их до сих пор пренебрегали]. — «Acta Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae» pro anno 1777, t. I, стр. 11. Petropoli, 1780, стр. 39—46.

¹⁹ Современное название — молочай кипарисовый (*Euphorbia cyparissias* L.) из семейства молочайноцветных (*Euphorbiales*).

²⁰ Современное название — копытень европейский (*Asarum europaeum* L.) из семейства кирказоновых (*Aristolochiaceae*).

²¹ Современное название — посконник коноплевый (*Eupatorium cannabinum*) из семейства сложноцветных (*Compositae*); и в наше время известно как лекарственное растение.

²² Современное название — ломонос прямой (*Clematis recta*) из семейства лютиковых (*Ranunculaceae*).

²³ Современное название — лютик едкий (*Ranunculus acer*) из семейства лютиковых (*Ranunculaceae*). В наше время применяется для лечения некоторых кожных заболеваний.

²⁴ Протоколы Конференции, т. III, стр. 348.

В 1796 г. Лепехин и Озерецковский по поручению Академического собрания ознакомились с рукописью врача из Амстердама, анатома и химика А. Ипея (Уреу) «Memoires sur la respiration» [Заметки о дыхании].²⁵

Как географ и путешественник, Лепехин рецензировал также труды по географии, исторические и географические обзоры различных губерний России, присылаемые в Академию ее корреспондентами. Здесь прежде всего следует упомянуть о его связях с архангельскими купцами Александром Ивановичем Фоминым и Василием Васильевичем Крестининым, с которыми он познакомился во время Северной экспедиции. Под влиянием работ Лепехина Фомин и Крестинин начали собирать географические и исторические сведения об Архангельской губернии, написали ряд ценных статей, и были впоследствии избраны корреспондентами Академии. Лепехин представил в Академическое собрание сочинение Крестинина «Исторические заметки о двинском народе».²⁶ По его рекомендации содержательная работа Крестинина была напечатана. Позднее, рассматривая статью Фомина под названием «Описание Белого моря», Лепехин предложил внести в нее некоторые поправки и напечатать по частям в «Новых ежемесячных сочинениях», что и было сделано.²⁷ В 1785 г. Лепехин доложил в Академическом собрании о присланной в Академию работе путешественника Германа: «Краткое описание Тобольской губернии».²⁸

Особый интерес представляет отзыв Лепехина о книге М. И. Антоновского, изданной под названием «Новейшее повествовательное землеописание».²⁹ Эта книга была издана книгопродавцем Иваном Глазуновым без указания фамилии составителя М. И. Антоновского. Антонов-

²⁵ Там же, т. IV, стр. 500.

²⁶ Там же, стр. 440 и 442.

²⁷ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 335, л. 26.

²⁸ Протоколы Конференции, т. III, стр. 820—821; т. IV, стр. 33. Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2—1786, август. Опубликовано: Месяцеслов исторический и географический. СПб., при Императорской Академии наук. 1786, стр. 45—102; 1787, стр. 1—18.

²⁹ Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего и учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не было. Сочинено и почерпнуто из вернейших источников новейших лучших писателей, учеными россиянами. СПб., при Императорской академии наук, 1795.

ский — ученый литератор, переводчик, издатель двух журналов: «Беседующий гражданин» и «Вечерняя заря». В предисловии к «Землеописанию» он указывал, что, по его наблюдениям, в русском народе сильно развит интерес к отечественной и иноземной географии. Это и побудило его выпустить книгу, рассчитанную на широкие слои учащейся молодежи. «И самое низкое сословие соотечественников наших, — говорилось в предисловии к книге, — с удовольствием примет сие усердное наше всему российскому юношеству приношение».

Труд Антоновского состоял из пяти частей: 1) Начальное основание для малолетних детей чтения о землеописании, 2) О землеописании и Европе вообще, также статистическое описание Российской империи, 3) Повествовательное землеописание Швеции, Дании, Польши, Пруссии, Германии, Голландии, Англии, Франции, Швейцарии, Венгрии, Европейской Турции, Италии, Испании, Португалии, 4) Повествовательное землеописание Азии, Африки, Америки, 5) Землеописание древних владений и обиталищ тогдашних народов; в конце — учение о сфере. В составлении книги, как указано на титульном листе, приняли участие неизвестные «ученые россияне». К первой части книги должен был быть приложен «эстамп, представляющий издателей», однако это не было осуществлено, и авторы остались нам неизвестными, кроме одного, о котором издатели сообщают в конце V части:

«Долгом нашим поставляем объявить чрез сие благодарному читателю, буде нашел он сие издание наше удовлетворительным обещанию нашему и желанию своему, то сим должен он наиболее потрудившемуся между нами секретарю Адмиралтейской коллегии майорского чина Николаю Дмитриевичу Жулковскому».

Представляется несомненным, что Антоновский и его помощники находились под влиянием идей великой французской революции и сумели внести ее дух в разделы книги, посвященные характеристике общественного строя России и других государств. Особенно подробно излагают авторы историю Франции, волновавшей в то время умы всего человечества, откровенно говорят о недостатках правления французских королей:

«В правление Людовика XIV от низости его ласкателей деспотизм взшел на высочайшую ступень. Людовик XV наследовал всю неограниченную власть своего

предшественника и предался величайшим распутствам, оставя правление своим министрам и любовницам; подданные его начали скучать таковым поносным игом, которое в правление Людовика XIV частью сами на себя возложили. Философы при свете разума открыли права человека и гражданина и доставили всему народу новый оборот в умах. Американская война, в которой Людовик XIV скоро принял участие, показала подданным его на самом деле те новые правила, кои проповедовали им те философы, и возбудила в них величайшее желание вольности и основанного на правоте постановления». ³⁰

Естественно, что в правящих кругах эти и подобные места книги были встречены с неодобрением. Генерал-прокурор Самойлов распорядился изъять книгу из продажи и прислал в Академию указ императрицы, предписывающий исключить из книги статью о Франции, а также «изменить все остальное, что еще найдется в ней противного законному правлению и благопристойности». ³¹ Администрация Академии поручила Румовскому внести в книгу изменения по его усмотрению, но последний заявил, что один он не решается изменять в ней что-либо. Тогда по приказанию директора Академии Бакунина был образован для просмотра книги комитет из академиков русского происхождения. Как член этого комитета, Лепехин представил в Академическое собрание обширный отзыв, в котором подробно разобрал книгу «Повествовательное землеописание», изданную, как он указывает, «неизвестным сочинителем». В отзыве Лепехина отмечены многочисленные фактические ошибки, допущенные в книге: неверно показано число жителей в Европе, неправильно определена естественная граница между Азией и Европой, в перечислении островов Белого моря пропущены некоторые важнейшие острова, неудовлетворительно характеризованы полезные ископаемые, флора и фауна России, много ложных сведений приведено в главе о древней истории России. ³² В своем отзыве Лепехин, однако, совершенно умолчал о вызвавших негодование властей свободолобивых высказываниях авторов книги в разде-

³⁰ Протоколы Конференции, т. III, стр. 243.

³¹ Там же, т. IV, стр. 525—526.

³² Там же, стр. 534. Отзыв Лепехина напечатан в книге М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. II, СПб., 1875, стр. 235—243.

лах, посвященных характеристике политического строя Франции.

В дальнейшем Академическое собрание не раз возвращалось к судьбе злополучной книги, хотя академики отказывались ею заниматься. Исполняющий обязанности директора Академии Бакунин в октябре 1796 г. приказал, чтобы назначенный для просмотра книги комитет прекратил свои выступления против ее переиздания и занялся ее изменением и исправлением, причем Котельникову была поручена политическая часть, Румовскому — все, что касалось математики и астрономии, Лепехину — естественная история.³³ В 1799 г. академики представили исправленный ими экземпляр книги, но заявили, что, несмотря на все поправки, «Землеписание» все равно остается неудовлетворительным.³⁴ Администрация Академии решила не переиздавать «Землеписание», поэтому экземпляры книги, изданные в 1795 г., являются большой библиографической редкостью.

В 1798 г. Лепехин рецензировал сочинение, присланное корреспондентом Академии Я. Фризом из Вологды: «*Mathematische, Pysische, Oeconomische und Medizinsche Resultate gezogen aus mehreren Sammlungen und Beobachtungen über die physische Topographie des Gouvernement Wollogda, avec une carte médico-physicale de ce gouvernement* [Математические, физические, экономические и медицинские выводы, извлеченные из многочисленных собраний и наблюдений, касающихся физической топографии Вологодской губернии, с медико-физической картой этой губернии].³⁵ В своем выступлении, посвященном разбору этой работы, Лепехин сравнил сочинение Фриза с «Описанием Вологодской губернии», опубликованным в 1790—1792 гг. Иноходцевым, отметил самостоятельность работы Фриза и указал некоторые сомнительные места, требующие проверки. С мнением Лепехина согласился Георги, которому также была дана на отзыв рукопись Фриза.

---

³³ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 536—537.

³⁴ Там же, стр. 724—725.

³⁵ Сочинение Фриза было опубликовано под названием: «Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии, сообщенные Императорской Академии наук бывшим оныя корреспондентом Яковом Фризом. С гравированной на меди картою». — Технологический журнал, т. III, ч. 1 (1806), стр. 2—34.

Автору были сообщены замечания Лепехина, и в работу были внесены необходимые поправки.³⁶

Наряду с трудами по медицине, естествознанию и географии Лепехин рассматривал работы, касающиеся сельского хозяйства. В январе 1779 г. он составил заключение о способах возделывания двух сортов украинского табака под названием «тютюн» и «бакун».³⁷ Приходилось ему заниматься и вопросами прикладной химии: в 1781 г. вместе с адъюнктом Георги он дал отзыв о мемуаре Ладыгина, содержащем описание двух изобретенных автором аппаратов для очищения воды.³⁸

В отдельных случаях Лепехин вместе с другими академиками участвовал в просмотре сочинений, посвященных проблемам физики. Так, в 1793 г. он читал рукопись жителя Нарвы Шарля Августа Рюдингера «Изис, или действия электрического флюида». Работа получила отрицательную оценку.³⁹

При объявлении Академией конкурсов на лучшее решение предложенной научной проблемы или задачи Лепехин обычно участвовал в присуждении премии; так, например, в 1776 г. была предложена тема о кроветворении,⁴⁰ в 1785 г. — по минералогии,⁴¹ в 1786 г. — о питании,⁴² в 1788 г. — по химии⁴³ и т. д.

Академическое собрание иногда поручало Лепехину экзаменовать студентов и элевов (воспитанников) Академии. В 1774 г. Лаксман и Лепехин в присутствии всех академиков экзаменовали по естественной истории и другим наукам бывших участников Оренбургской и Лифляндской экспедиций студентов Озерецковского и Мальгина. Им были заданы различные вопросы, на которые они ответили достаточно хорошо; затем экзаменаторы вручили им несколько экспонатов кунсткамеры с тем, чтобы они составили краткие характеристики этих предметов. В следующем Академическом собрании Лепехин и Лаксман заявили, что работы, представленные студентами, их

³⁶ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 692, 695—696, 698—703.

³⁷ Там же, т. III, стр. 399.

³⁸ Там же, стр. 540.

³⁹ Там же, т. IV, стр. 354, 357—359.

⁴⁰ Там же, т. III, стр. 242, 245, 255, 257.

⁴¹ Там же, стр. 849; Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2—1785,

№ 12, л. 10.

⁴² Протоколы Конференции, т. IV, стр. 31, 51.

⁴³ Там же, стр. 155.

вполне удовлетворяют, и дали письменное заключение об успехах в учении Озерецковского и Мальгина.⁴⁴ В 1779 г. Паллас, Лепехин и Лаксман предложили экзаменационные темы из различных областей естествознания элевам Академии, вернувшимся из-за границы.⁴⁵ Тогда же Лепехин вместе с Палласом, Крафтом и Гильденшtedтом участвовал в организованном Академией обследовании петербургских частных пансионов и школ,⁴⁶ экзаменовал элева Соколова, прибывшего из Страсбурга, где тот получил степень доктора медицины.⁴⁷ В 1785 г. участвовал в составлении инструкции для четырех элевов, посланных по распоряжению директора Академии Е. Р. Дашковой в Геттингенский университет для усовершенствования в науках;⁴⁸ через 9 лет вместе с другими академиками экзаменовал студентов Кононова, Севергина и Сахарова, вернувшихся из Геттингена. Знания студентов были оценены положительно.⁴⁹

По поручению Академического собрания Лепехину приходилось заниматься изучением наследия умерших членов Академии. В 1774 г. он разбирал рукописи, пакеты семян, различные коллекции и заметки профессора Фалька, который покончил жизнь самоубийством. Им был составлен каталог семян, собранных Фальком. Аптекарь Георги прислал в Академию коллекции минералов, растений и животных, найденные у Фалька, которые были для обработки переданы Лепехину.⁵⁰ Он рассматривал также каталог растений, составленный Гмелином в Астрахани,⁵¹ разбирал путевые заметки Фалька и Гмелина,⁵² вместе с Палласом и Зуевым изучал руклиси, оставшиеся после смерти Гильденшtedта.⁵³

В 1783 г. Академия приобрела коллекцию цветных рисунков (23 тома), ранее принадлежавшую покойному доктору Фотергилю — зарисовки растений, насекомых и

---

⁴⁴ Там же, т. III, стр. 115—117, 121.

⁴⁵ Там же, стр. 412.

⁴⁶ Там же, т. IV, стр. 460.

⁴⁷ Там же, т. III, стр. 490.

⁴⁸ Там же, стр. 808, 819.

⁴⁹ Там же, т. IV, стр. 175, 177, 194, 197.

⁵⁰ Там же, т. III, стр. 145, 147, 157—158.

⁵¹ Там же, стр. 215.

⁵² Там же, стр. 405.

⁵³ Там же, стр. 525.

птиц. Палласу, Лепехину и Георги было поручено разобрать всю коллекцию и составить каталог.⁵⁴

Вместе с Румовским и Озерецковским Лепехин готовил к печати рукописи Ломоносова, которые должны были составить второй и следующие тома нового издания сочинений ученого, и приводил в порядок его архив;⁵⁵ вел переговоры с внуком Ломоносова советником Константиновым о передаче портрета его деда для зала заседаний Академии.⁵⁶ После смерти академика Зуева разбирал его архив и опубликовал описание одного растения из его коллекции.⁵⁷

Академическое собрание в 1796 г. поручило ему рассмотреть архив покойного академика Протасова и отредактировать последние номера издававшегося им журнала «Новые ежемесячные сочинения». Лепехин отредактировал майскую книжку. 15 декабря 1796 г. он представил ее на утверждение Академического собрания, остальные же материалы передал в собрание для будущего редактора журнала.⁵⁸

Лепехину приходилось выступать с речами, предназначенными для широкой публики. Одна из таких речей — «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений» была произнесена им на русском языке в торжественном Академическом собрании 11 марта 1783 г. Аудитория была смешанная, поэтому Дашкова попросила Лепехина и второго оратора — Лексея — построить свои выступления так, чтобы не утомить слушателей.⁵⁹ Речь Лепехина имела успех. По приказанию Дашковой 24 марта 1783 г. она была отпечатана в ака-

---

⁵⁴ Там же, стр. 654.

⁵⁵ Там же, стр. 759—760. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 342, л. 143.

⁵⁶ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 65.

⁵⁷ *Cheiranthus Taugicus*. См. выше, стр. 96.

⁵⁸ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 513—514, 521—522, 544—546. Начиная с 1786 г., когда вышла первая книжка журнала, Лепехин участвовал в его издании. К сожалению, нельзя установить, какие именно из неподписанных статей принадлежат ему, но известно, что он был одним из самых деятельных сотрудников. Это видно из того, что он получал по 3 экз. выходявших номеров журнала, в то время как другие сотрудники — по одному. — В. П. Семенов. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II, на основании документов Архива конференции имп. Академии наук. Пгр., 1915, стр. 30.

⁵⁹ Протоколы Конференции, т. III, стр. 650—655. См. выше, стр. 100.

демической типографии в количестве 394 экземпляров и продавалась в книжной лавке по 17 коп. Лепехину было выдано бесплатно 10 экземпляров.⁶⁰

Другие сообщения Лепехина имели более специальный характер. Они относились по большей части к медицине. Например, в 1790 г. он рассказал о своей переписке с бригадиром Нагаткиным из окрестностей Симбирска. Нагаткин, по его словам, чувствовал «скопление электричества в ногах», особенно в сырую погоду. Он написал об этом в Академию, как об удивительном и необыкновенном явлении. Лепехин ему ответил, что этот случай весьма примечателен, но он не нов, так как аналогичные явления уже наблюдались ранее.⁶¹

Протоколы Академического собрания до некоторой степени отражают взаимоотношения Лепехина с его товарищами — академиками и адъюнктами и с администрацией Академии, Мы знаем, например, что отношения его с Палласом во время Оренбургской экспедиции не были дружескими. После возвращения в Петербург он принял участие в конфликте академиков с Палласом, возникшем из-за того, что Паллас отправлял за границу собранные им коллекции. В 1774 г. администрация Академии задержала его очередную посылку в Голландию. Лепехину, Вольфу, Лаксману и Протасову было предписано вскрыть доставленный в Академию ящик в присутствии голландских купцов, которым Паллас поручил переправить ящик в Голландию. В ящике оказалась прекрасная коллекция насекомых, причем некоторые из этих насекомых в академических коллекциях отсутствовали; остальные же сохранились лучше, чем бывшие в Кунсткамере. Лепехин и другие академики были возмущены поступком Палласа и резко осудили его в Академическом собрании.⁶²

Лепехин всячески старался отстаивать интересы молодых русских ученых и не боялся вступать при этом в открытые конфликты со своими противниками. В том же 1774 г., когда решался вопрос о возобновлении договора с химиком Георги, Лепехин вместе с Протасовым, Лаксманом, Румовским и Котельниковым протестовал против присвоения Георги звания адъюнкта Академии. Лепехин и Румовский подали отдельно письменное мнение, в кото-

⁶⁰ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1. № 331, л. 321 и об.

⁶¹ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 242.

⁶² Там же, т. III, стр. 127—128.

ром указывали, что: 1) Георги как иностранец не может быть адъюнктом Академии; 2) у Академии много воспитанников учиться за границей, надо сохранить вакантное место адъюнкта до их возвращения; 3) Георги не представил своей научной работы, что было необходимо для получения звания адъюнкта. Леонард Эйлер на это заметил, что «не наше дело сейчас экзаменовать его, надо только решить, достоин он быть адъюнктом или нет». Вопрос был решен в пользу Георги, так как на стороне Эйлера было большинство — его сын И.-А. Эйлер, Лексель, Штелин, Крафт и Вольф. В этом же собрании разбиралось предложение Л. Эйлера о приглашении Фуса и о служебном продвижении Головина. Предлагалось обоим утвердить адъюнктами, но Лаксман, Паллас и Вольф предлагали, чтобы адъюнктом был назначен один Фус. Однако Лепехин, Протасов и Котельников вступились за Головина и добились присвоения ему звания адъюнкта.⁶³

В 1782 г., когда был отстранен от должности директора Кунсткамеры Котельников, Академическое собрание образовало комиссию в составе Лепехина, И.-А. Эйлера, Фуса и Озерецковского, которая должна была вступить в переговоры с Домашневым об отмене этого распоряжения. В экстраординарном Академическом собрании члены комиссии обратились с официальной претензией к директору, защищая академика Котельникова.⁶⁴

Таким образом, мы видим, что деятельность Лепехина в Академическом собрании была весьма многообразной. Его прежде всего интересовали путешествия по России, в подготовке и проведении которых он принимал постоянное участие. На протяжении более чем 25 лет он рецензировал труды по естественным наукам, географии, медицине и другим областям знания, присылавшиеся в Академию отечественными и иностранными учеными, а также работы, поступавшие на периодически объявляемые Академией конкурсы. Неоднократно приходилось ему экзаменовывать студентов, разбирать архивы умерших ученых и участвовать во многих других академических делах.

Лепехин предстает перед нами как человек редкого трудолюбия, энергичный, прямой, разносторонне образованный, горячо откликнувшийся на большие и малые события академической жизни.

⁶³ Там же, стр. 162.

⁶⁴ Там же, стр. 590 и 592.

Г л а в а 8

УПРАВЛЕНИЕ БОТАНИЧЕСКИМ САДОМ АКАДЕМИИ НАУК (1774—1802)

Академия наук в XVIII в. снимала для своих слушателей дом генерала Бона на 2-й линии Васильевского острова. Профессор ботаники Амман в 1735 г. разбил при этом доме сад; участок оказался удобным, так как был расположен на высоком, недоступном для наводнений месте.

Вскоре Бон подарил этот дом своему сыну, генералу фон Бреверну, который в 1739 г. продал его Академии. Перед этим Академия обратилась в Сенат с просьбой разрешить ей купить дом. Просьба была мотивирована тем, «что Академии Ботанический сад необходимо надобен для заводу, севу и рассаживания из многих европейских краев, а особливо из Казани, из Астрахани, из Сибири и из Китая в Академию наук присланных семян ... также и ради обучения молодых людей ботанике».¹

Основатель Сада Амман много потрудился, чтобы привести его в хорошее состояние, и вскоре дом, приобретенный Академией у Бреверна, стали называть «ботанический дом, ботанический двор».

После смерти Аммана Садам с 1742 по 1759 г. последовательно заведовали ботаники И.-Г. Сигезбек, И. Гмелин, С. П. Крашенинников, И.-Х. Гебенштрейт.²

---

¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 48, лл. 68—70.

² См. В. Л. Некрасова. К истории Ботанического сада Академии наук. «Советская ботаника», 1945, т. XIII, № 2, стр. 13—37.

В 1759 г. Гебенштрейт уехал из Петербурга, и Сад поступил в ведение адъюнкта ботаники И.-Т. Кельрейтера, который ведал им до 1761 г. После этого в течение шести лет при Саде не было профессора ботаники, и только с 1767 г. по 1768 г. за Садам наблюдал ботаник С.-Г. Гмелин. В 1769 г. Академическая Комиссия поручила смотрение за Садам профессору Гертнеру.³ При Гертнере для Сада был арендован на десять лет соседний участок, принадлежавший московскому митрополиту Амвросию.⁴

Гертнер уехал в 1770 г., и Сад следующие три года находился под присмотром анатома К. Вольфа. 30 апреля 1774 г. управляющий Академией граф В. Г. Орлов приказал: «Преподавание ботанических лекций для гимназистов, которые к слушанию оных способность и охоту имеют, поручить господину академику Лепехину. А как оные лекции должно необходимо преподавать в самом Ботаническом саду да и господин академик Вольф, в смотрение которого поручен был оный Сад на время до возвращения которого-либо из путешествующих господ профессоров натуральной истории, сверх надлежащей его должности по Анатомическому театру, довольно также упражнен надзиранием при Кунсткамере над анатомическими и другими натуральными вещами, то отдать оной Сад в полное и непосредственное смотрение его же, господина академика Лепехина, с тем чтоб он, рассмотрев немедля тот Сад, в каком оной найдет состоянии и какие средства к поправлению и приведению оного в надлежащий порядок признает за лучшие, представил бы о том комиссии. А потому как принадлежавший к оному Саду семинариум иметь ему, господину Лепехину, единственно в его смотрении, так садовнику Коде и прочим садовым служителям быть у его же, господина Лепехина, в послушании; и вследствие того господину академику Вольфу о сдаче помянутого Сада с принадлежащими к содержанию оного деньгами, а господину Лепехину о принятии оного в свое смотрение, также и садовнику Коде о бытии у его, господина Лепехина, в послушании, сообщить с сей резолюции копии. Что же касается до установления часов, в которые бы ему, господину Лепехину, преподавать его лекции помянутым гимназистам без помешательства их

---

³ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 319, л. 279.

⁴ Там же, № 320, л. 142.

в других их упражнениях, то в рассуждении оных снести ему, господину Лепехину, с инспектором гимназии господином Бакмейстером».⁵

С этого времени до самой смерти Лепехин был бесшумным директором Ботанического сада Академии наук. Помимо научных проблем, он занимался и хозяйственными, и финансовыми вопросами. На содержание Сада в течение 20 лет ему регулярно выдавалась небольшая сумма, которая колебалась от 100 до 400 руб. в год. На эти деньги он нанимал трех или четырех садовых работников, ремонтировал парники и оранжереи. Незменным помощником его был садовник Иван Коде, работавший в Саду с 1757 г. Кроме Коде, ему помогали рисовальщик Пецольд и садовый ученик Филипп Федотьев. Жил директор при Саде, в Боновом доме, где занимал две комнаты.

При Лепехине в Сад начали поступать многочисленные посылки с семенами и черенками растений от участников академических экспедиций.

Летом 1774 г. в Петербург были присланы семена, найденные в Казани при разборе материалов покойного профессора Фалька, который в 1768—73 гг. путешествовал по югу России и в Западной Сибири. Тогда же Лепехин получил черенки редких растений от Палласа.⁶ В последующие годы Паллас регулярно пополнял коллекции Петербургского Ботанического сада, присылая семена и растения, собранные по берегам Волги и Дона, на Кавказе, в Крыму, а также полученные им для Академии от разных лиц, как например от корреспондента Академии М.-Л. Патрена из Западной Сибири, от Прокопия Демидова, владельца ботанического сада в Москве, от генерал-прокурора А. А. Вяземского с Камчатки, приславшего семена трех камчатских растений, употреблявшихся в народной медицине под названиями «медвежий корень», «кутагаряик» и «камчига», от капитана Биллингса из окрестностей Охотска и Колымы, и т. д.⁷ В 1775 г. ученый получил коллекции семян от академика Гильденштедта с юга России и от С. Гмелина, который путешествовал по Персии и трагически погиб там, в 1782 г. — от адъютанта В. Ф. Зуева

---

⁵ Там же, № 545, л. 126.

⁶ Протоколы Конференции, т. III, стр. 141, 143, 168.

⁷ Там же, стр. 348, 357, 511, 644; т. IV, стр. 178.

из Херсона. В 1783 г., возвратившись из экспедиции, Зуев передал Лепехину все собранные им семена.⁸

Много редких и неизвестных ранее растений прислал академик Э. Лаксман, путешествовавший по Алтаю и Восточной Сибири в 1784 г. Так, например, в 1785 г. от него был получен целый ящик с корнями растений, находившийся в пути около четырех месяцев. 11 апреля 1785 г. Лепехин доложил в Академическом собрании, что ящик Лаксмана получен и что корни уже начали подсыхать, поэтому он принужден был скорее их посадить в землю, не дожидаясь собрания, где можно было бы их показать академикам.⁹ Поселившись в 1785 г. в Иркутске, Лаксман ежегодно в течение десяти последующих лет доставлял Лепехину множество семян, собранных в лесных долинах между Иркутском и Байкалом, в окрестностях Охотска и др.¹⁰ Директор Петербургского ботанического сада переписывался с путешественниками и любителями природы, присылавшими ему семена растений: казаком Аргуновым из Якутска, переводчиком Иеригом из Монголии, полковым врачом Гильдебрандом с Урала, Музиным-Пушкиным с Кавказа и другими.¹¹ Постоянные связи поддерживал он с корреспондентом Академии К. И. Габлицем, смотрителем Астраханского Аптекарского сада.¹²

Габлиц прислал ему в 1775 г. каталог растений, которые он мог бы передать Петербургскому Ботаническому саду. По предложению Лепехина, из Астрахани было выписано 16 экземпляров цветущих и декоративных растений: китайский сассапариль, паслен, флорентийский ирис, шафран и др. Аптекарю предписывалось «уоставить горшки с растениями с крайней бережливостью в ящик, и, заперев и обвязав оный, вручить тем, кому велено будет привезть их в Петербург. А как останется у него еще несколько горшков самых сих растений, то пускай он хранит их у себя до тех пор, пока ему Академия знать даст, что посланные в Санкт-Петербург привезены во всякой це-

---

⁸ Там же, т. III, стр. 180, 194, 596, 653.

⁹ Там же, стр. 811.

¹⁰ В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890, стр. 208, 250, 291, 305.

¹¹ Протоколы Конференции, т. III, стр. 248—249, 373, 569, 600, 637; т. IV, стр. 882.

¹² Там же, стр. 215, 387, 401, 441, 481, 506.

лости».¹³ Габлиц просил прислать ему семена растения *Sophora tinctoria*¹⁴ и других. Лепехин ответил, что в Петербурге этих семян нет и что их следует выписать из Голландии.¹⁵ Позднее Габлиц прислал для Сада (через Гильденштедта) семена растения *Nymphaea Nelumbo*,¹⁶ а также еще 38 различных редких растений. В 1780 г. он дважды, в июле и в декабре, прислал (также через Гильденштедта) семена и цветочные луковицы растений *Tulipae biflorae*,¹⁷ *Crini caspii*¹⁸ и др.

Большой заслугой Лепехина следует считать расширение и укрепление связей с зарубежными ботаниками, среди которых прежде всего назовем его учителя профессора Я.-Р. Шпильмана, приславшего в Петербург пятьсот различных растений из Страсбургского Ботанического сада.¹⁹ Для Петербургского сада прислал семена экзотических растений И. Бурман, директор Медицинского сада в Амстердаме, профессор Аллиони — семена и черенки плодовых деревьев из Турина. По вопросам пополнения коллекций Сада велась переписка с директором Копенгагенского ботанического сада Ротбёлом, директором Ботанического сада в Павии профессором Скополи, португальским дворянином И.-Г. Магелланом, жившим в Лондоне, с доктором медицины П.-Г.-Г. Мёрингом из Иеверна, с ботаниками из Любека и Амстердама.²⁰ В свою очередь из Петербурга регулярно посылались семена и черенки растений, главным образом сибирских, для пополнения других ботанических садов, как отечественных, так и иностранных: в Астраханский Аптекарский сад, в Страсбургский Ботанический сад, в Карлсруэ для почетного члена Петербургской Академии Кельрейтера — семена растения

---

¹³ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 14, № 31, л. 2.

¹⁴ Современное название — софора (*Sophora*) — растение семейства мотыльковых.

¹⁵ Протоколы Конференции, т. III, стр. 293.

¹⁶ Современное название — лотос каспийский (*Nelumbium caspicum*) семейства кувшинковых.

¹⁷ Современное название — тюльпан двуцветковый (*Tulipa biflora* Pall.) семейства лилейных.

¹⁸ Современное название — кринум каспийский (*Crinum caspium*) семейства амариллисовых.

¹⁹ Протоколы Конференции, т. III, стр. 449, 535, 539.

²⁰ Там же, стр. 307—397, 452, 455, 466; Архив АН СССР, ф. 3, оп. 14, № 49, лл. 1—3.

*Robinia ferox*²¹ и других, в Иеверн — орехи сибирского кедра для Меринга.²²

При Лепехине в Ботаническом Саду Академии впервые стали проводиться научные исследования. Он выражал неизвестные до сих пор растения и составлял их описания, давая новым видам имена путешественников, приславших в Петербург семена этих растений. Так он увековечил имена Гильденштедта, Патрена, Лаксмана.²³

Научные работы, написанные Лепехиным на материалах Сада, немногочисленны. Это объясняется тем, что у него много времени отнимали всякие организационные вопросы, ремонт помещений, постройка оранжерей, заборов и пр. Сад поступил в ведение ученого 10 мая 1774 г., как видно из рапорта, поданного им в Комиссию:

«По ордеру, полученному мною сего мая 6 дня из Комиссии Академии наук, принял я от господина академика Вольфа Ботанический сад, шнурованную книгу и остальных наличных денег 21 р. 92 к.; в оном же ордере мне предписано было, чтобы представить Комиссии о состоянии Сада и что нужно к его поправлению. На что имею честь представить, что о состоянии Сада по рассмотрении всех в нем находящихся растений точное сведение и описание Комиссии Академии наук представляю, как скоро возможно будет. За нужнейшую ныне поправку почитаю обветшалой вокруг забор, который требует скорейшего поновления, дабы падением своим не причинил вреда близ его растущим травам. Если Комиссии угодно будет сие поправление мне поручить, то я принимаюсь охотно и ожидаю на сие приказания. Охотникам упражняться ботаники (sic!) начну преподавать мои наставления с будущей недели».²⁴

Летом 1774 г. Лепехин отремонтировал забор, окружавший Сад, оконные рамы каменной оранжереи и перестроил деревянную оранжерею. Тогда же, узнав, что его рабочие получают меньшее жалованье, чем в других садах, он подал в Комиссию следующий рапорт:

«Малая плата противу других садов Ботанического сада работникам нередко делает остановку в садовых ра-

---

²¹ Современное название — робиния (*Robinia*) семейства мотыльковых.

²² Протоколы Конференции, т. III, стр. 293, 300, 406, 508.

²³ См. выше, стр. 92 и 94.

²⁴ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 14, № 29, л. 3.

бочих, ибо иногда по два человека вдруг отходят; да и ныне двое просятся прочь; не соблаговолено ли будет двум работникам приказать платить по 4 рубля на месяц и для избежания впредь остановок в работах определить двух солдат на место ныне отходящих двух мужиков».²⁵ После этого рабочим была назначена плата по 4 руб. в месяц.

В 1775 г. были отремонтированы каменная и деревянная оранжерея, а также теплица.

В августе 1777 г. Лепехин обратился в Комиссию с просьбой принять меры к получению нового места для Сада; в своем рапорте он писал:

«Время заключенному договору о месте, принадлежащем Московскому подворью, занятому под Ботанический сад, уже исходит, а собственное ниже место для Сада, приходящего ежегодно чрез присылаемые семена из разных ботанических европейских садов в большее приращение, не только мало, но и совсем неспособно; почему считаю себе за долг просить Комиссию о исходатайствовании другого способнейшего под Сад места и предлагаю при сем план пустыря, находящегося на Васильевском острове, который от полиции безденежно получить можно, предоставляя в прочем выборе других к тому способнейших мест самой Комиссии».²⁶

К своему рапорту Лепехин приложил нарисованный им самим план, из которого видно, что он хотел получить для Сада поле на Васильевском острове, за Малым проспектом, между одиннадцатой и пятнадцатой линиями, вместе с лесом, начинающимся за Черной речкой. Академия обращалась в Главную полицмейстерскую канцелярию с просьбой об отводе под Сад этого места, но безрезультатно.

В сентябре 1777 г. в Петербурге было сильное наводнение, во время которого пострадал и Академический ботанический сад. 12 сентября Лепехин подал в Комиссию следующий рапорт:

«Во время наводнения при Ботаническом Саде людям и скоту никакой гибели, слава Богу, не приключилось; сколь велик должен быть урон в рассуждении растений, заподлинно сказать не могу, потому что еще посейчас

---

²⁵ Там же, л. 5.

²⁶ Там же, № 35, л. 5.

в Саду воды свыше аршина, в строении знатного урону не видно, кроме того, что оранжерейные трубы, кои и по сие время еще водою потоплены, уповательно размыло и печи несколько повредило».²⁷

Комиссия отпустила средства на ремонт, и ученому много пришлось потрудиться, чтобы исправить повреждения, нанесенные наводнением.²⁸

К 1778 г. Академический сад сильно разросся, на прежнем месте ему было тесно. Лепехин предложил администрации на выбор два места, куда можно было бы его перенести,²⁹ но это предложение было оставлено без внимания.

В 1780 г. граф Н. И. Панин согласился присоединить к академическому ботаническому саду небольшой участок, принадлежавший казенному оспопрививательному дому,³⁰ но данных об использовании этого участка нет.

Академия располагала очень умеренными средствами для содержания Сада, поэтому Лепехин отвел часть земли под плодовые деревья. Осенью Коде собирал урожай и продавал его. Так, в 1782 г. он продал плодов на 27 р. 50 к.; эти деньги, вместе с ежегодной субсидией, получаемой от Академии, пошли на оплату садовых работников.³¹

Между тем из-за недостатка места не было никакой возможности расширить посевы. Положение осложнялось тем, что новый директор Академии княгиня Е. Р. Дашкова, женщина крайне бережливая, в 1783 г. сочла излишним расход на аренду участка, прилегающего к Ботаническому саду. Академия арендовала огород на Васильевском острове у московского митрополита еще в 1769 г., теперь же Дашкова приказала Лепехину «сделать такое распоряжение, чтоб с нанимаемой к Ботаническому саду земли все насаженные растения перенесены были в самый Академический сад, поелику она земля отныне впредь нанимаема не будет».³²

В 1786 г. Лепехин по поручению Дашковой экзаменовал петербургских садовников. Он остался доволен их

²⁷ Там же, л. 8.

²⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, № 548, л. 279.

²⁹ Протоколы Конференции, т. III, стр. 366.

³⁰ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 14, № 40, л. 1 и об.

³¹ Там же, оп. 1, № 553, л. 251 об.

³² Там же, № 555, л. 62—62 об.

знаниями и выдал им свидетельства в том, что «в их искусстве они являются опытными людьми».³³

К этому времени, наконец, появилась возможность расширения Ботанического сада Академии: Екатерина II подарила Петербургской и Российской Академиям 26 000 руб. на покупку участка для Ботанического сада и дома для собраний Российской Академии. Директор обеих академий княгиня Дашкова распорядилась купить дом коллежского советника А. И. Татаринова, находившийся на левом берегу Фонтанки, за Обуховым мостом, принадлежавший прежде барону Ашу. Пространное место позади дома было предназначено для Ботанического сада.³⁴ При этом Дашкова приказала ликвидировать часть Сада на Васильевском острове и освободившуюся землю сдала в наем огородникам за 300 руб. в год.³⁵

Участок, предназначенный для Сада, имел в длину 170, а в ширину 50 сажен. Он примыкал к слободе Семеновского полка. В 1787 г. на нем началось строительство каменных оранжерей. Энергичная и деловая Дашкова сама руководила работами и заключала соглашения с поставщиками.

Летом 1788 г. за Обуховым мостом из доставленных материалов были построены две каменные оранжереи, два каменных забора на фундаменте и столбах. Столбы были толщиной в два с половиной кирпича, а сам забор — в полтора кирпича, точно такой же, как вокруг дома Российской Академии, к которому примыкал участок, предназначенный для нового Ботанического сада. В обоих заборах было сделано 3 звена с арками и оставлено по 6 сажен свободного места для двух флигелей, которые надлежало построить в Саду.

В строительство оранжерей и заборов для Ботанического сада были вложены большие по тем временам средства. Только в 1788 г. на покупку строительных материалов было израсходовано 4000 руб. На эти деньги были приобретены, помимо досок и бревен, 492 бочки «тосенской» (лучшего сорта) извести, 6 кубических сажен

---

³³ Экзамен сдавали семь мастеров: И. Дерусси, И. Шрамм, К. Розенкранц, И. Гердес, Ф. Гейнц, А. Литцманн, И. Унгер. — Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2—1786, № 1, л. 7; Протоколы Конференции, т. IV, стр. 3—4.

³⁴ Архив АН СССР, ф. 8, оп. 1, № 1, л. 85 и об.

³⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 559, л. 107.

невского песку, 2 пуда смолы, кирпич трех видов: железный с красным — 70 000 шт., алый — 8000 шт., белый — 25 250 шт.

Осенью 1788 г. каменщик Федор Петров возвел на территории Ботанического сада по Измайловской улице два флигеля длиною в 8, а шириною в 6 сажен, ворота и ледник, все из кирпича.³⁶ В это же время во вновь построенных оранжереях были вставлены стекла (в 132 переплета), поставлены печи, сделана тепличка на 14 оконных переплетов, длиною в 10 сажен и шириною в 2 сажени, и два парника длиной по 4 сажени каждый. Крыши оранжерей были покрыты листовым железом, двери и оконные переплеты выкрашены масляной краской под дуб, пол выстлан лещадками (каменными плитками, — Т. Л.). Работами руководил академический архитектор Петр Гинц.³⁷

С наступлением холодов работы по благоустройству нового Ботанического сада были временно прекращены.

30 апреля 1789 г. Лепехин подал Дашковой рапорт, в котором подробно говорилось о состоянии и нуждах Сада, о предполагаемом найме нового садовника и о заслугах Коде:

«Очистившиеся ото льда каналы и чрез то очистившееся свободное по оным сообщению, также подтаявшая довольно земля заставляет меня всепокорнейше просить ваше сиятельство, чтобы вы благоволили приказать нарядить гребцов с большим шерботом для перевезения дерев, кустов и кореньев трав, которые росли на наемном месте в старом Ботаническом саду и которые все уже выкопаны; для скорейшего же приуготовления земли и рассадки помянутых произрастений позволить нанять шесть человек поденщиков по крайней мере на неделю, ибо с тремя работниками, при Ботаническом саде находящимися, ничего успешного на новом месте предпринять не можно; для расплаты с поденщиками и обыкновенными работниками выдать сто рублей денег, поелику принятые мною 50 руб. на содержание Ботанического сада все в расходе.

«Что касается до пунктов, предложенных садовником Дерусси, порученных мне от Вашего сиятельства на рассмотрение, имею честь донести, что первый пункт, отно-

---

³⁶ Там же, лл. 347 и об., 374 об.—375.

³⁷ Там же, лл. 396—397, 401—403, 413 об.—414, 468.

сящийся к требуемому им жалованью, единственно от воли Вашего сиятельства зависит. Во втором пункте нужно точное определение меры дров и цены свеч. По третьему пункту требует он особливго человека для собственных его услуг, что мне кажется делом новым и в Академии небывалым, ибо Академия такого рода людей не имеет, а наемный человек по нынешнему времени около ста рублей в год стоить будет. Четвертый пункт, которым требует он, чтобы позволено было ему свободно торговать деревьями, цветами, семенами и содержать оные, весьма тягостным быть кажется как для самой Академии, так наипаче для управляющего Ботаническим садом; ибо если ему сие позволить, то он может сделаться властелином строения, для сохранения различных произрастений единственно определенного, и займет оное деревьями, цветами и прочим такого рода, которые бы ему больше приносили прибыли, а, во-вторых, обращая наипаче свое старание и внимание на оные, яко на свое собственное, не будет он столько радеть о сохранении и размножении тех произрастений, которые предмет, цену и красоту сада Ботанического составляют. Прочие из сего требования могущие произойти неудобности представляют прозорливости Вашего сиятельства.

«Наконец, долг мой требует отдать справедливость находящемуся многие годы при Ботаническом саде садовнику Коде, о котором не обинуюсь сказать могу, что все те садовники, которых я звание за два года перед сим по приказанию Вашему свидетельствовал, в числе коих и Дерусси находился, не могут стать с ним в сравнение в рассуждении сада Ботанического, ибо он чрез многие годы обращался с различными произрастениями и, находясь при разных господах профессорах, управлявших Ботаническим садом, как при покойном профессоре Крашенинникове, Гебенштрейте, Кельрейтере, Гмелине, Гертнере да и при мне... большой получил навык и знание обходиться с различными произрастениями, нежели можно требовать от всякого другого садовника, при таком деле не бывшего. Правда, что преклонность его века не позволяет ему быть столь проворным и расторопным, однако привычка его всегда корпеть в Саду и помышлять более о пользе оного, нежели о каких-либо частных своих выгодах, удобно оное наградить могут. Почему и осмеливаюсь Вашему сиятельству покорнейше представить, не угодно ли

будет Вам, оставя прежнего садовника, придать ему в помощь из художнических воспитанников или принять со стороны годного к тому молодого человека, который Академии не столь дорого будет стоить, как содержание двух садовников, ибо Ваше сиятельство за долговременную службу садовнику Коде прежнее производить жалованье милостиво обещать изволили, и который, научась всему тому, что для содержания Сада нужно, может со временем занять его место».³⁸

Дашкова приказала перевезти в большом шверботе все деревья, кусты и травы за Обухов мост, куда в течение месяца должен был переехать садовник Коде на постоянное жительство. Лепехин получил на расходы по переезду 100 рублей. В дополнение к прежним работникам ему было разрешено нанять на неделю шестерых поденщиков.

Перевод части растений Ботанического сада на новое место был произведен 1 мая 1789 г. Вскоре после этого за Обуховым мостом возобновились строительные работы. Прежде всего пришлось заняться исправлением ущерба, нанесенного новым постройкам осенним разливом рек: осенью 1788 г. печи в оранжереях размыло водою. В мае 1789 г. три печи с фундаментами были разобраны и сделаны заново, в тепличке сделаны две новые печи, в жилых покоях, предназначенных для садовников и профессора ботаники, исправлено пять печей. Летом продолжались отделочные работы в двух флигелях. Были сделаны полы, потолки, слуховые окна, ставни, укреплены стропила, лестницы на чердак, проведены желоба для стока воды с крыши, переделан размытый водой забор, выкрашены крыши, ворота, двери, оконные рамы.³⁹

Работы были закончены к октябрю 1789 г. На территории Ботанического сада в это время жили директор, Коде, два сторожа и четверо наемных людей. Как видно из рапорта Лепехина, поданного Дашковой, «в 1789 г. на разведение на новом месте Ботанического сада» он израсходовал 283 р. 21 к., присоединив к этой сумме 20 руб., полученных от механика Фелтнера в уплату за купленную последним в старом Ботаническом саду за 40 руб. деревянную оранжерею.⁴⁰

³⁸ Там же, № 372, лл. 116—117 об.

³⁹ Там же, № 561, лл. 256 и об., 278—279, 371.

⁴⁰ Там же, № 382, л. 110.

Зимой 1790 г. в Саду был выкопан искусственный пруд. Наемные рабочие для этого ломами разбивали мерзлую землю. За эту тяжелую работу они получали по 7 руб. в месяц. Желая улучшить почву, Лепехин договорился с соседними кучерами, чтобы они за плату собирали для Сада конский навоз.

С наступлением весны были перевезены парниковые рамы и немногие оставшиеся на прежнем месте деревья и травы.

Чтобы до некоторой степени компенсировать средства, затраченные Академией на новый Ботанический сад, один из построенных флигелей с октября 1790 г. был отдан в наем отставному коллежскому ассесору Дмитрию Горихвостову за 12 руб. в месяц, а в 1791 г. крепостному графа В. Г. Орлова крестьянину А. Г. Маслову была сдана в аренду на четыре года под огород часть территории прежнего Ботанического сада за 325 руб. в год.⁴¹

Между тем в новом Саду продолжались работы по благоустройству. Летом 1791 г. были выкрашены масляной краской все крыши, вычищен и углублен (с предварительным спуском воды) пруд, копанием которого руководил сам директор. Пруд получился не совсем удачный, один из берегов его мог осыпаться; поэтому Лепехин перед окончанием работы просил Дашкову «приказать осмотреть сию работу, кто в оной посмысленнее меня, ибо мне кажется, что в одном месте непременно должно утвердить берег дощаным оплотом».⁴²

В 1792 г. в одном из каменных флигелей в Ботаническом саду были поселены академические живописцы, однако в следующем 1793 г. флигель был передан академику Петру Иноходцову, а для астрономических наблюдений в Саду была построена небольшая обсерватория.⁴³

В конце 1793 г. Сад понес большую потерю: скончался трудолюбивый и заботливый садовник Коде. Его жене Анне Ивановне Коде, по представлению Лепехина, за долговременную и ревностную мужа ее службу Академия установила пожизненную пенсию в 60 руб. в год.⁴⁴

После смерти Коде Лепехин стал подыскивать нового садовника. Это оказалось нелегким делом, и не раз при-

⁴¹ Там же, № 562, лл. 379 об.—380; № 563, лл. 212—213.

⁴² Там же, № 395, лл. 85, 87.

⁴³ Там же, № 564, л. 351 об.; № 565, л. 229 об.

⁴⁴ Там же, № 566, л. 73 об.; оп. 14, № 77, лл. 3—7.

шлось ему пожалеть о своем верном и нетребовательном помощнике. Претенденты на место садовника предъявляли Академии требования, на которые экономная Дашкова не могла согласиться. Но наступила весна, садовник был необходим, и пришлось принять условия Иоганна Кашпара Драве, хотя они во многом напоминали требования Дерусси, отвергнутые Дашковой пять лет тому назад по совету Лепехина. Драве был предоставлен в личное пользование земельный участок, ему было разрешено торговать его собственными цветочными луковицами, розами, семенами, держать в Саду принадлежащие ему деревья. Оклад ему был установлен в 300 руб. в год. Драве же обязался «сколь возможно, сад исправить и возвысить выгоды казны».⁴⁵

Несмотря на предоставленные Драве льготы, он недолго оставался в Саду и в 1796 г. был по его просьбе уволен,⁴⁶ после чего администрация Академии попросила Лепехина составить «начертание», на каких условиях должен быть при Ботаническом саде садовник. Лепехин ответил следующее: «...к обыкновенным условиям, на каких заключаемы были Академиею с прежними садовниками договоры и с коих подлинники хранятся в Канцелярии, ничего присовокупить не имею, кроме сего, чтобы садовник, состоя в повиновении определенного над садом ботаника, обязан был присягою всеми мерами пешиись о сохранении и размножении произрастений, собственно к травоведству относящихся, во-вторых, чтобы не упускал из виду и той пользы, каковой от всякого сада ожидать должно, а именно: чтобы по удобности к тому случаев старался разводить всякого рода цветы, к украшению служащие, также плодоносные и другие деревья на продажу, с тем чтобы выручаемые из того деньги обращать на пользу и содержание сада; а ему за сей труд сверх определяемого жалованья и других выгод назначить условленные проценты, дабы тем вяще его к тому приохотить, ибо всякой садовник, вступая в сие звание, спрашивать будет позволения держать несколько цветов и дерев в теплицах для своей пользы. Но как при таком позволении известных пределов поставить невозможно, то он, пользуясь оным, главное свое внимание будет обращать на

⁴⁵ Там же, оп. 1, л. 118; ф. 3, оп. 14, № 75, лл. 2—5.

⁴⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, № 568, л. 381, 418 об.; оп. 14, № 75, лл. 7—8.

свою собственность с упущением в прямом своем звании, что к прискорбию моему я должен был испытать на самом деле».⁴⁷

В феврале 1797 г. на должность садовника был принят Карл Фейерейзен, до этого пятнадцать лет проработавший при королевских садоводствах в Герренгаузене.⁴⁸ При нем Сад стал постепенно утрачивать свое научное значение. На первый план выдвинулись коммерческие задачи. Фейерейзен не только сам выращивал на продажу луковицы и семена, подобно своему предшественнику, но стал делать это и от имени Академии: продавал розы, левкой, фиалки, выращенные на территории Сада, получая за это пятую долю прибыли. По контракту ему разрешалось брать учеников с оплатой из казны по 2 р. 50 к. Воспользовавшись этим, он устроил в Сад учеником своего сына Карла Пуля. Держал себя Фейерейзен заносчиво, игнорировал Лепехина, обращаясь по делам Сада непосредственно к академическому начальству. Специальным решением Канцелярии ему было предписано «просить о всех потребностях» Сада не самому, а через Лепехина.⁴⁹

Проработав год, Фейерейзен попросил прибавить ему жалованье или уволить его, так как получаемых денег ему с большим его семейством не хватает на жизнь. Решено было уволить его, и Лепехин стал искать нового садовника.⁵⁰ Весной и летом 1798 г. сделать это не удалось, и надзор за садом директор временно взял на себя. При этом выяснилось, что хозяйничанье Драве и Фейерейзена очень плохо отразилось на состоянии Сада. Кроме того, не в порядке были садовые постройки. В каменных оранжереях, строившихся при Дашковой, оказалось много дефектов, особенно в устройстве печей. Преемник Дашковой Бакунин сократил средства, ассигнованные на Сад, и приказал из экономии возводить деревянные оранжереи, строительство же, начатое до него, так и не было завершено.

В мае 1798 г. Лепехин выступил в Академическом собрании с речью, подробно осветил состояние Сада и внес ряд предложений по его благоустройству.⁵¹

---

⁴⁷ Там же, л. и об.

⁴⁸ Там же, № 81, лл. 1—7.

⁴⁹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 569, лл. 56 об., 60 об., 67.

⁵⁰ Там же, № 570, л. 304 об., 338 и об.

⁵¹ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 652. Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2, 1798, май, § 138, лл. 1—4.

По приказу президента Николаи в Саду были возобновлены работы по достройке и окончательной отделке деревянных оранжерей. Тем временем Лепехину удалось найти нового садовника.

13 августа 1798 г. он сообщил Николаи следующее:

«Всякому обращающемуся в воспитывании и сбережении произрастений известно, что сии, из разных климатов перенесенные или воспитываемые в другом климате, особого требуют за ними обихода и присмотра, чему наипаче опытами научаемся. Посему и неудивительно, что каждый садовник, из другого места приезжий, прежде в точности все исполнить может, как приобретши таковое познание навыком и рачительным замечанием.

«По определению Канцелярии и начальствовавшего в Академии господина Директора, его превосходительства Павла Петровича Бакунина, от 9 апреля 1798 г. утверждено по истечении полугодичного времени, как в договоре означено, садовника Фейерейзена по его настоянию отпустить, а на меня возложено другого способного приискать на его место.

«Чтобы не ошибиться в выборе, наведывался я под рукою о разных находящихся здесь садовниках, и по разным изведываниям нашел я Николая Иванова, служащего на воле в ботаническом отделении, находящемся при Аптекарском саде, подмастерьем. Оный по природе садовников сын и по упражнению при ботаническом саде слишком чрез 11 лет, равным образом и по наставлениям, преподаваемым господами профессорами Тереховским и Соболевским, столько приобрел знаний, что может с пользою заступить место лучшего садовника; при том поведении похвального и подчиненность, яко душа всякого правления, наипаче ему известна; знание же его латинского языка, сколько ботаническому садовнику нужно, по испытаниям моим, достаточно. Сверх сего можно его согласить на умеренное жалованье и вверить ему садовых воспитанников, могущих со временем быть преемниками садового мастера, коих надлежащим образом приготова, Академия не будет иметь нужды хлопотать о прииске и приеме посторонних садовников».⁵²

Канцелярия решила принять Иванова. Таким образом, Лепехин получил возможность избавиться от Фейерейзена,

⁵² Архив АН СССР, ф. 3, оп. 14, № 56, л. 24 и об.; оп. 1, № 571, лл. 163—164.

который еще с весны выразил желание покинуть Ботанический сад, найдя себе место в Государственном лесоводстве. Он медлил переходить туда, выпрашивая себе в Академии всякие льготы (дрова, возможность жить при Ботаническом саде и пр.). Кроме того, он задолжал Лепехину и другим лицам, приходилось удерживать часть жалованья в пользу его кредиторов. Наконец, с 1 октября 1798 г. он перешел в Лесоводство, определив предварительно трех своих сыновей учениками в живописную мастерскую Академии.⁵³ На должность садового мастера был принят Иванов с жалованьем 250 руб. в год. Лепехин был им очень доволен. В мае 1799 г. он просил «утвердить его в звании настоящего при Ботаническом саде садовника, так как он ведет себя не токмо добропорядочно, но и всегда трезв, к должности рачителен, довольно в садовом искусстве знающ и к начальству послушен».⁵⁴ После этого Иванов получил звание садовника.

Иванов не занимался коммерческим садоводством, как два его предшественника, но заботился об увеличении коллекции экзотических растений сада. При нем в теплицах и в холодном помещении Ботанического сада содержалось в горшках более 300 растений.⁵⁵

Между тем ремонт и достройка оранжерей, начатые в 1798 г. по приказу Николаи, так и не были завершены, и летом 1799 г. Лепехин вынужден был сообщить Канцелярии: «Четыре парника в Академическом ботаническом саду, построенные еще при начале заведения на сем месте Ботанического сада, из коих два из досок барочных, совсем сгнили и к будущей весне неспособны, да и оконничные на них рамы также погнили; другая половина теплички равным образом спереди развалилась, стекла в рамах перебиты и переплеты погнили, также каналы в оных и печи совсем к топленю негодны. Другая половина оранжерей деревянных, вновь господином Бакуиным построенная, совсем отделана, надобно в ней скласть новые каналы и печи и в оконничные переплеты вставить стекла; ибо каменные оранжереи непременно нужно вновь переправить, основания их поднять выше и убить глиною для избежания в нынешнем их состоянии неудобоотврати-

⁵³ Там же, № 570, л. 424 об.; № 571, л. 197 и об.; л. 319 об.

⁵⁴ Там же, № 572, л. 515 об.; № 574, л. 828 об.; оп. 14, № 76, л. 1а.

⁵⁵ Там же, ф. 1, оп. 2—1799, № 5.

мой сырости, да и потолки в них местами обвалились, местами же угрожают падением; но все сие исправить немалого иждивения стоит, и если деревянные оранжереи, из которых и в готовой нужно починить оконницы, поправить каналы и осмотреть хорошенько печи, будут приведены в хорошее состояние, то переправку каменных оранжерей можно будет оставить до времени. Сверх сего в занимаемых покоях садовником оконничные переплеты гнилы и требуют новых».⁵⁶

Николаи приказал архитекторскому помощнику Кайгородову осмотреть и отремонтировать деревянную оранжерею, каменные же так и были оставлены без ремонта.

В феврале 1801 г. Лепехин сообщил Канцелярии, что садовник Иванов «не только оказывает рачение к своей должности, но и с успехом исправляет случающиеся по содержанию того Сада письменные дела». В награду за это Иванову дали звание канцеляриста и стали числить его «при исправлении садовничьей должности и при письменных делах академика ботаники».⁵⁷ Иванов, вероятно, надеялся, что ему увеличат жалованье хотя бы до 300 руб., как получали Драве и Фейерезен, работавшие не так добросовестно, как он, но это не было сделано, поэтому в апреле 1801 г. он перешел на прежнюю службу в ботанический сад при Медицинской коллегии.

Была дана публикация в газеты, что Петербургской Академии наук нужен садовник. Из явившихся претендентов на эту должность Лепехин выбрал коллежского подканцеляриста Василия Никитича Чернихина. Новый садовник происходил из отпущенных на волю крепостных, был копиистом в Юстиц-коллегии, позднее в течение десяти лет работал садовым мастером в помещичьих усадьбах Симбирской и Санкт-Петербургской губерний.⁵⁸

Между тем, стало очевидным, что отведенный под Ботанический сад участок на берегу Фонтанки оказался еще менее подходящим, чем прежний, так как растения в нем постоянно страдали от сырости. Пытаясь исправить положение, Лепехин обратился к А. Л. Николаи со следующим письмом:

«Несмотря на нынешнюю довольно ведреную и сухую осень, от малых дождей вода поднялась в канале, прове-

⁵⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, № 572, лл. 699 об.—700.

⁵⁷ Там же, № 576, л. 240; оп. 14, № 76, лл. 5—6.

⁵⁸ Там же, лл. 13—20.

денном мимо флигелей, принадлежащих к Ботаническому саду, и из берегов прокопанных в саду рвов местами выступила; в весеннее же время, когда дружно сходит снег, вода так сильно возрастает, что, разливаясь по двору, подходит к самому жилью, отчего оному причиняется вред, рождается болезненное влияние, от сырости происходящее, в живущих в оных флигелях, да и самый Ботанический сад немалый оттого терпит вред, ибо намокшая в нем почва по долговременному стоянию воды надлежащим образом прочахнуть не может, и корни посаженных в оную произрастений согнивают, отчего погибло много таких прозябаемых, которых вновь развести требуется и время, и к получению оных удобный случай, да и в самых оранжереях всегдашняя держится сырость. Все же сие зло происходит от того, что проведенный ров мимо военного сиротского училища по большой Царско-сельской дороге засорен и препятствует стоку воды, а наипаче пред строением, отдаваемым от сего училища в наймы под питейный дом, винный погреб, харчевню и пр., хотя я неоднократно посылал просить сего училища начальников приказать прочистить ров и дать воде сток, что по множеству при сем доме служителей и присылаемых из полиции в работу винных (т. е. провинившихся, — Т. Л.) сделать нетрудно бы было, и искал помощи от полицейских в нашей части г. приставов, но все старание мое до сего дня оставалось тщетным, почему и прошу покорнейше Ваше превосходительство препоручить Канцелярии наук принять с ее стороны сильнейшие меры».⁵⁹

Началась переписка с администрацией Военно-сиротского дома, утверждавшей, что она по недостатку служителей ничего сделать не может, и все осталось без изменений.

В декабре 1801 г. Лепехин вновь обратил внимание Канцелярии на неудовлетворительное состояние оранжерей. Он сообщал, что «деревянные оранжереи, построенные господином Бакуниным на стойках в намерении со временем подвести каменное основание, но так и оставленные, требовали великого поправления, ибо они осели и в стенах поделались великие скважины, почему и нужно было срубить верхи у подставок и все стены законопатить

---

⁵⁹ Там же, № 64, л. 2 и об.

вновь, натолкать в оранжереи земли и снаружи поделать завалины. Притом весьма многие стекла по непомерной длине оконниц перелопались, и замазка почти везде отстала и обвалилась, поелику подрядный его оконничник вместо мелу употреблял известку. Хотя все сие исправил он, господин академик, садовыми работниками, но конопати пошло 8 пудов, а замазки 7 пудов, стекол же по нужде набрал он старых; почему в остатке у него 6 р. 50 к., но как настает время запастись свежий навоз для парников, то и просит позволить ему купить недорогую лошадь для возки оного и коры, поелику всем заpastись чрез наемных возчиков, по нынешнему времени, станет очень дорого, а когда будет лошадь, то все сие могут исправить садовые работники, садовник же обещается все выручить на плодах с лихвою. Сим побуждаем будучи, просит выдать столько, чтобы он мог удовлетворить работников за нынешний год, купить недорогую лошадь и запастись для нее корму на зимнее время, весной же лошадь можно продать без ущерба в цене». ⁶⁰

Николаи приказал выдать Лепехину 200 руб. на покупку и прокорм лошади с тем, чтобы весной ее продать.

Это было последнее донесение Лепехина о делах Ботанического сада, так как вскоре он умер. В течение нескольких месяцев Садам управляла вдова Лепехина с помощью академика Иноходцева, а в конце 1802 г. он был передан в ведение адъютанта Т. А. Смеловского. Последний нашел, что подканцелярист Чернихин ничего не понимает в садовом деле, и рекомендовал принять садовником иностранца Призинга. Чернихин был уволен, и на его место принят Призинг с жалованьем 350 руб. в год. ⁶¹

28 июня 1811 г. министр народного просвещения А. К. Разумовский прислал в Комитет правления Академии наук следующее предложение: «Находя, что принадлежащий Академии наук Ботанический сад в настоящем положении требует больших издержек и не приносит почти никакой пользы, а притом и вовсе не нужен никому, что при Академии нет никакого училища, я испросил высочайшего повеления на продажу оного. Вследствие того предлагаю Комитету сделать Ботаническому саду подроб-

⁶⁰ Там же, № 577, л. 471 и об.

⁶¹ Там же, № 579 об.—510 об.

ную опись». ⁶² Академик Смеловский составил опись и предложил отпечатать ее в нескольких экземплярах, «чтобы народу было известно, какие растения были в Саду в последнее время его существования». ⁶³

По этой описи в Саду значилось 2184 растения. Вскоре Академический ботанический сад за Обуховым мостом навсегда прекратил свое существование. В дальнейшем Академия наук не имела своего Ботанического сада более ста лет; при советской власти в ее ведение был передан Государственный ботанический сад на Аптекарском острове. ⁶⁴

Проследив историю Ботанического сада Академии наук начиная с 1736 г., необходимо отметить, что ботаники Академии наук при основании Сада имели в виду научные задачи — разведение и изучение редких и экзотических растений, доставленных из отдаленных и малоисследованных областей страны. Коммерческого значения Сад не имел и только при академике Гертнере была устроена единовременная продажа населению ягодных кустов и оранжерейных растений.

При передаче Сада в ведение Лепехина в 1774 г. администрация Академии подчеркнула, что Сад имеет научное и учебное значение и что следует проводить в нем практические занятия с академическими студентами и гимназистами.

Постоянная занятость хозяйственными делами мешала ученому превратить Ботанический сад Академии в подлинно научное учреждение. Но если попытаться дать оценку деятельности Лепехина как заведующего Садам, то едва ли следует представлять ее в невыгодном свете, как это сделал академик Ф. И. Рупрехт в своей статье, посвященной истории Ботанического музея Академии наук. Рупрехт не только не отметил заслуг Лепехина как ботаника, но и подверг его резкой и не совсем справедли-

---

⁶² Там же, ф. 1, оп. 2 — 1811, § 270, л. 3. Мнение министра о «ненужности» Сада вызвано, очевидно, тем, что в то время Академический университет и Академическая гимназия уже не существовали, следовательно, для практических нужд преподавания ботаники Академии Сад не требовался.

⁶³ Там же, оп. 1а, № 22, § 317, 1811 августа 14.

⁶⁴ В настоящее время — Ботанический сад Ботанического института АН СССР.

вой критике.⁶⁵ Последний действительно за множеством текущих дел не имел возможности заняться обработкой гербариев, присланных путешественниками, хотя администрация Академии специально обращала на это внимание. В 1794 г. Дашкова оставила о гербариях собственноручную запись в журнале Канцелярии: «Как за неимением места и времени господа академики не могли еще гербарий и ботанические препараты описать и расположить по системе и порядочно, а ныне верхняя комната очищена, то я тщусь, что будущим летом оное драгоценное собрание также в порядок приведено будет».⁶⁶

По этой записи видно, что до 1794 г. для работы над гербариями не было даже помещения. Следовательно, упрек Рупрехта по адресу Лепехина может быть принят только в отношении последних шести лет его жизни, но тогда он был уже стар, болен и занят другими делами, поэтому ценные ботанические материалы, поступившие в Кунсткамеру от Аммана, Гмелина, Стеллера и других ученых, не были своевременно обработаны и пролежали в связках на чердаке Кунсткамеры до 1823 г., т. е. до того времени, когда ими занялся академик Триниус.

Однако это не умаляет положительной роли Лепехина как заведующего Ботаническим садом Академии, так как он регулярно, в течение многих лет поддерживал научные связи с русскими и зарубежными ботаниками и осуществил в трудных условиях устройство Сада на совершенно новом месте.

---

⁶⁵ Ф. И. Рупрехт. Очерк истории Ботанического музея. Записки императорской Академии наук, т. V, 1864, стр. 139—162; цитир. стр. 141.

⁶⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 566, л. 264 об.

Глава 9

ЗАВЕДОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИЕЙ (1777—1794)

В Академической гимназии, находившейся в течение многих лет в ведении Ломоносова и осиротевшей после его смерти, с 1765 г. стал распоряжаться правитель Канцелярии Тауберт, который постепенно начал отменять порядки, установленные Ломоносовым, произвольно менять учителей и пр. Он увольнял русских учителей и служащих Гимназии, заменяя их немцами, не всегда имевшими нужные знания и опыт: инспектор С. К. Котельников был заменен Л. Бакмейстером, конректор Н. Герасимов — И.-Г. Штриттером, только что приехавшими из Германии. Главным инспектором был назначен профессор Фишер, который ввел в Гимназии слишком суровый режим. Гимназисты бунтовали и не хотели слушаться надзирателей. Дело дошло до того, что в 1777 г. они побили конrektора Штриттера.

Директор Академии С. Г. Домашнев назначил комитет из академиков Румовского, Лепехина и Протасова для расследования этого случая и для проверки состояния Гимназии вообще.¹ Выяснилось, что за 12 лет, прошедших после смерти Ломоносова, дела Гимназии пришли в упадок. Чтобы выправить создавшееся положение, Домашнев принял следующее решение: «По способности и усердию господина академика Лепехина препоручаю ему смотрение над Гимназиею, надеясь твердо, что она его рачением выйдет из сего жалостного и развратного состояния, в како-

---

¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 548, л. 291 об.

вом она находится. По текущим надобностям имеет он подавать записки в Комиссию, а в каких-либо новых учреждениях требует непосредственно от меня наставления».²

При вступлении Лепехина на должность инспектора Гимназии конректором был Штриттер, в старших классах немецкий язык преподавал И. Шульц, французский — Шарпантье, арифметику и геометрию — выпускник Академического университета Семен Антонов, рисование — Николай Любецкой, катехизис — священник Василий Григорьев; в младших классах русский язык преподавал Иван Карякин, немецкий — Кин. В штате гимназии состояли также доктор Карл Эйлер, лекарь Евсей Иберкампф, лекарский ученик Иван Малышев, кустос (сторож) Польман.³ При Гимназии была группа малолетних гимназистов, за которыми смотрела надзирательница Виктория Новак.

В 1778 г. Домашнев, видя, что Лепехин успешно руководит Гимназией, поручил ему и эту группу. При этом в журнале Канцелярии было записано:

«Его превосходительство, будучи доволен распоряжением Гимназии, сделанным чрез господина академика Лепехина, препоручает ему, господину академику, распоряжение и малолетних гимназистов, поелику для общей пользы всей Гимназии нужно благовременнее провидеть их способности и свойства, чрез что ему, господину академику, самому облегчится будущее оными управление в их возрасте, а притом почти все они вышли уже из младенческих лет и способны воспринять основательные начатки учения у учителей».⁴

До назначения Лепехина инспектором хозяйственные дела Гимназии находились в полном беспорядке. Экономы секунд-майор Хвостов и Франц Новак обкрадывали детей и всячески злоупотребляли своим положением. Так, Новак поселил в Строгановом доме, где помещалась Гимназия, 22 неизвестных человека, не имевших никакого отношения к Академии. При Лепехине эти люди были выселены, провинившиеся экономы уволены; ученики гравировальной палаты с их смотрителем рисовальщиком Михайлой Шалауровым, участником экспедиций Лепе-

² Там же, л. 402.

³ Там же, № 549, лл. 167 об.—168.

⁴ Там же, л. 377.

хина, были переведены в Строганов дом. Экономом был назначен Шалауров, надзирателем — учитель русского языка Карякин.

В Гимназии тогда на казенном содержании было только 10 взрослых гимназистов и 17 малолетних. Лепехин контролировал учителей, заботился о питании и одежде гимназистов, об учебных пособиях. По поручению Академии ему довольно часто приходилось экзаменовать при Гимназии лиц, которые желали получить звание учителя.⁵

Лепехин с исключительной добросовестностью относился к порученному ему делу, часто обращался к начальству с просьбами об удовлетворении различных нужд Гимназии. Это не понравилось своенравному Домашневу, и в ответ на одну из просьб ученого он упрекнул его в том, что тот якобы не сообщал директору о положении Гимназии. Огорченный этим упреком, Лепехин представил в Академическое собрание объяснительную записку, в которой подробно писал о своей работе в Гимназии. В заключение он просил уволить его, что, несомненно, было вызвано несправедливым отношением к нему Домашнева.⁶

Отставка Лепехина не была принята. Домашнев же вскоре был сам освобожден от должности, а сменившая его княгиня Дашкова всегда относилась к Лепехину благожелательно и очень интересовалась делами Гимназии. Одним из первых ее распоряжений было «о бытии студентам при ее сиятельстве дежурными по понедельно по одному и о сообщении об этом Лепехину, чтоб я чрез то могла узнать каждого способности и поведение: являться ко мне в восемь часов поутру и быть упражнену в письме или в переводе, как я прикажу, до двух часов, да от четырех до семи приказанные мною ордера рассылать с востовым и пешись, донесены ли оные в следующие к исполнению по оным руки, а ордеров копии вносить ко мне самой».⁷

По приказанию Дашковой в сентябре 1783 г. в Гимназии был устроен экзамен в присутствии академиков Румовского, Протасова, Фуса и Крафта. Лепехину было объявлено, «чтобы он для отличившихся в переводах

⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 552, лл. 151 об.; 182 об.—183.

⁶ Протоколы Конференции, т. III, стр. 627—628.

⁷ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 554, л. 61.

с латинского и немецкого языков на русский и с одного немецкого на русский язык казенных гимназистов избрал и назначил в прејсы (т. е. в премию, — Т. Л.) книги обоих родов по достоинству».⁸ В дальнейшем ежегодно в сентябре производились в присутствии академиков выпускные экзамены, после чего гимназистов зачисляли в студенты.⁹ Лекции для студентов читались по специальным планам, составленным Лепехиным: академик Г.-В. Крафт вел курс физики, И.-Г. Буссе читал логику и всеобщую историю и т. д.¹⁰ Дашкова обращала особое внимание на то, чтобы гимназисты приобретали навыки перевода и выполняли переводы не только учебного характера, но и такие, которые предназначались для печати. Так, например, они под руководством Лепехина переводили с немецкого языка IV часть «Путешествия» Гмелина.¹¹ Намного улучшились при Лепехине бытовые условия гимназистов, в чем ему большую помощь оказал Шалауров. В 1783 г. по представлению Лепехина ему был дан чин регистратора.¹²

По представлению Лепехина Дашкова прибавила жалование многим учителям, в том числе старому преподавателю геометрии и тригонометрии Семену Антонову, который получал такую прибавку уже вторично.¹³

Лепехин добился значительного увеличения числа гимназистов, принятых на казенное содержание. При нем были приняты в Гимназию на казенный счет сын вдовы подканцеляриста Михаил Жуков восьми лет, «вольный человек» Петр Буланов тринадцати лет (вероятно, сирота, так как прошение о приеме написано от его имени), сын «муншенского» помощника¹⁴ Степан Гвоздев одиннадцати лет и другие.¹⁵

Многие состоятельные люди устраивали в Гимназию детей и платили за их содержание 120 руб. в год. Своих сыновей определили сюда статский советник Поленов — Федора и Василия (в будущем — управляющий архивами

⁸ Там же, л. 137 и об.; № 555, л. 191.

⁹ Там же, № 557, л. 334 об.

¹⁰ Там же, № 361, лл. 235, 239.

¹¹ Там же, № 555, л. 191 и об.

¹² Там же, л. 236 об.

¹³ Там же, № 356, л. 146.

¹⁴ Мундшенк — придворный служитель, заведующий напитками.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 342, лл. 295, 312; № 389, л. 14.

Министерства иностранных дел), кабинетский ассессор Кондратьев, придворный музыкант Пашкевич, придворный танцор Коломбус, купец Пастухов, артиллерийский полковник Страхов, синодский эзекутор;¹⁶ академик К.-Ф. Вольф прислал своего сына Карла,¹⁷ академик Н. Я. Озерецковский — брата Платона.¹⁸ Зачисление в Гимназию производилось по приказу Дашковой, выписка об этом посылалась Лепехину. «Своекоштные» гимназисты приносили с собой серебряную ложку, постельные принадлежности, платье и белье.

К 1786 г. в Гимназии было 69 гимназистов на казенном содержании и 13 пансионеров. На питание первых отпускалось по 10 коп., вторых — по 12 коп. в день.¹⁹ Эти деньги получал Шалауров и расходовал бесконтрольно, так как Лепехин, помня о прежних его заслугах, вполне ему доверял. В этом случае мягкосердечие и доверчивость Лепехина принесли некоторый вред, так как постепенно Шалауров стал злоупотреблять своим положением и присваивать часть денег, представляя в Канцелярию ложные отчеты о якобы купленных для Гимназии вещах. Например, однажды он заявил, что нужно приобрести пуд мыла, 30 метел, 100 пар веников для бани, для держания квасу одну бочку и пр. и что он уже купил на свои деньги мыло, полудил три медных котла и набил на бочку обручи. Эти траты показались Дашковой подозрительными, и она велела отнести их на счет Шалаурова.²⁰

Летом 1787 г. в Гимназии произошло несчастье: взрослый гимназист Федор Дейнека попросил разрешения у конректора Буссе пойти к приятелям, а студент Гаврилов и еще три гимназиста — к родителям, но вместо этого они пошли купаться на кронверк, где Дейнека утонул. Дашковой, находившейся в Москве, был послан рапорт о случившемся. Она ответила: «Я полагаюсь в установлении порядка на господина надворного советника Лепехина, впрочем же я скоро буду, то и не премину сделать хорошее сама установление. Взятые же меры господином

---

¹⁶ Там же, л. 22.

¹⁷ Там же, № 549, л. 161 об.

¹⁸ Там же, № 550, лл. 94 об.—95.

¹⁹ Там же, № 557, л. 463; № 356, л. 4.

²⁰ Там же, № 557, л. 343 об.

Лепехиным я, конечно, одобряю, о чем в Гимназию дать знать».²¹

Между тем бесчинства Шалаурова продолжались. Зимой 1788 г. он не отпустил адъютанту Шуберту полагавшихся ему дров и нагрубил ему, за что был оштрафован на 10 руб.²² Наконец, в 1789 г. Дашкова приказала Шалаурову «объявить, что по известным его неисправностям Академия иметь его более не может и никакой в нем надобности не находит; почему и определено его, Шалаурова, с 1 марта от Академии отпустить, а на место его принять сухопутного поручика Генриха Торстензона, находившегося уже в такой должности при Императорской академии художеств и при корпусе ея императорского величества малолетних певчих. Съестных припасов выдавать на 56 студентов и гимназистов, на каждого по 10 коп. в день; 14 пансионеров по 12 коп. в день, наемных людей — 14 чел. — по 2 руб. в месяц».²³ С приходом Торстензона беспорядки прекратились и питание гимназистов значительно улучшилось, но, к сожалению, через 2 года Торстензон умер.

В 1791 г. в Гимназии было четыре студента: Ф. Сенковский, Алексей Клевецкий, Карл Ридель, Михаил Судаков — и 55 гимназистов: Николай Дементьев, Иван Протопопов, Николай Ивашев, Филимон Байбаков, Лев Гинц, Егор Гинц, Анатолий Федоров, Федор Черный, Михаил Михайлов, Семен Петров, Дмитрий Величковский, Андрей Унгебауэр, Николай Федоров, Глеб Мальгин, Петр Демин, Антон Павлов, Фридрих Дидрих, Иван Соколов, Павел Григорьев, Павел Макеев, Михаил Жуков, Василий Угрюмов, Николай Куприянов, Николай Михайлов, Карл Шмидт, Василий Маслаковский, Иоган Янсон, Андрей Мерлин, Густав Мерлин, Иван Артемьев, Алексей Малышев, Киприян Шипунов, Константин Григорьев, Павел Петров, Григорий Летюхин, Николай Исаев, Василий Егоров, Антон Полянский, Григорий Никифоров, Андреян Герасимов, Иван Кесарев, Александр Красовский, Петр Деодат, Василий Бухвостов, Василий Красовский, Иван Сидоровский, Григорий фон Боль, Константин Михайлов, Дмитрий Галченков, Николай Исленьев, Иван Арендс, Евграф Богдадский, Иван Кува-

²¹ Там же, л. 245.

²² Там же, № 560, л. 150.

²³ Там же, № 561, лл. 88—89.

кин, Семен Ян, Доримедонт Свистунов.²⁴ Многие из них впоследствии стали переводчиками при Академии или получили должности в других учреждениях. Аттестаты оканчивающим Гимназию составлял Лепехин. Приведем некоторые из них:

«На своем иждивении обучавшийся в Гимназии Академии наук Фридрих Гроссман чрез два года упражнялся в языках французском, немецком и аглинском с похвальным рачением и прилежанием, так что с российского на немецкий и французский, и с оных на российский язык с нарочитою исправностью переводить может, да и в английском языке оказал успехи, поведением же своим от всех заслуживал похвалу».

«Студент Стефан Васильев, обучавшийся в Гимназии Академии наук на своем содержании, упражнялся в языках латинском, немецком и французском с отличным прилежанием, так что может с оных достаточно переводить на язык российский, в истории древней, российской, равно как и в истории христинского закона и церкви, оказал похвальные успехи. Упражнялся в познании географии, арифметики и части геометрии с равным рачением. Кротостию нравов, благопристойным поведением и почтением к наставникам служил другим примером».²⁵

Интересен аттестат, выданный внуку академика Л. Эйлера:

«Леонгард Эйлер, обучавшийся на своем иждивении в Гимназии Академии наук, упражнялся в языках немецком, французском, аглинском и итальянском в верхних классах с отменным рачением и прилежанием, почему и приобрел в оных языках похвальные успехи, и наипаче в языке немецком, на коем он со всякою исправностию пишет и со всех помянутых языков на оный переводить может. Равное прилежание употребил к изучению по правилам грамматическим языка российского. Кротостию нравов, поведением, благовоспитанному юноше пристойным, послушанием и почтением к наставникам всеобщую заслуживал похвалу».²⁶

Лепехин добился того, что Академическая гимназия давала очень хорошее образование. Некоторое отставание было только в преподавании математических дисциплин,

²⁴ Там же, № 389, л. 194 об.

²⁵ Там же, л. 186.

²⁶ Там же, л. 189.

что было замечено на экзамене 1793 г. Поэтому в Академическом собрании специально обсуждалось, каким образом следует преподавать математику в Гимназии, чтобы добиться лучших успехов.²⁷ Преподавание же других предметов давало прекрасные результаты, поэтому в 1794 г. по ходатайству Лепехина было прибавлено жалование гимназическим учителям за прилежное исправление должностей: преподавателю латинского языка Дмитрию Соколову, русского языка — Петру Соколову, итальянского — Арнольду, английского — Иоганну Ромелю, немецкого и французского — Христиану Генриху Лампе, русской каллиграфии — Ивану Карякину, французской каллиграфии — Карлу Риделю, истории и географии — доктору философии Никите Новосильцеву.²⁸

Должность инспектора Гимназии очень обременяла престарелого Лепехина, на которого, кроме того, было возложено управление Ботаническим садом Академии и другие обязанности, поэтому он, узнав, что Дашкова собирается оставить Академию, обратился к ней со следующим письмом:

«Сиятельнейшая княгиня,
Милостивая государыня!

Из приуготовлений к пути и некоторых ваших отзывов ясно и не обинуясь могу сказать к общему нашему сожалению, видим, что Ваше сиятельство не преложное положили намерение оставить Академию. Сие заставляет меня всепокорнейше мою представить Вам просьбу. Уже 15 лет минуло, как я по доверенности ко мне начальников управлял Академическим училищем и, водим будучи единым усердием о пользе воспитываемого при Академии юношества, не щадил я ни трудов, ни времени, ниже искал какой-либо за сие награды, полагая оную единственно в успехах обучающегося юношества; а что труды мои с сей стороны не тщетны были, доказывает то одобрение Ваше успехов, воспитанниками оказываемых, и самые воспитанники, служащие отечеству в разных званиях и удостоившиеся получить и почести, и отличительные знаки. Возложенные на меня другие служения давно уже

²⁷ Там же, № 565, л. 69 и об.

²⁸ Там же, № 566, лл. 85 об.—86.

понуждали меня просить Ваше сиятельство об увольнении от надзирания за Гимназиею, но по сие время удерживали меня от сего единственно как старание делать Вам угодное, да и то благосклонное уважение, с каковым Ваше сиятельство всегда принимать изволили все мои представления, до сего училищ касающиеся. Ныне же преклонность лет моих, ослабевающее день ото дня здоровье, а паче притупленное зрение, не позволяющее мне с равным рачением руководствоваться юношеству в тех их упражнениях, в коих быть им путеводителем принимал я на себя добровольно, убеждает меня всепокорнейше просить Вас об увольнении от надзирания за Гимназиею. Снисхождением Вашим на сие мое прошение приумножите милости Ваши, каковыми я до сего времени имел щастие пользоваться. Июля 26 дня 1794 г.

И. Лепехин.²⁹

Дашкова решила принять отставку Лепехина, но просила его изложить письменно, в чем, по его мнению, состоят обязанности инспектора Гимназии, что он и сделал на небольшом листке, приложенном к письму:

«1) Главнейшее попечение Гимназии инспектора должно состоять в расположении учения, в порядке оного и в изобретении способов к удобнейшему преуспеянию обучающегося юношества, почему

«2) все наставники и учителя должны от него зависеть и в образе учения поступать по его предписаниям; и как

«3) и внутреннее благоустройство училища и домашние воспитанников упражнения наипаче споспешествуют к образованию юношества, то и приставленные к оному смотрители во всем должны сообразовать с предписанием инспектора, к нему отнести обо всем касающемся до училища и чрез него должны быть объявляемы в приказание управляющего Академиею, от коего инспектору единственно зависеть».³⁰

В журнале Канцелярии 28 июля 1794 г. было записано: «Княгиня Дашкова... к сожалению своему, усмотреть изволила, что господин Лепехин от должности инспектора Гимназии просит увольнения... и определила

²⁹ Там же, р. V, оп. Л—20, № 24, лл. 2—2 об.

³⁰ Там же, л. 3.

за таковое его господина Лепехина усердие, послужившее в честь и славу не только Академии, но и в пользу отечеству, в котором воспитанники по выпуске из Гимназии за оказанные ими в науках успехи продолжают службу в разных званиях с немалою для одного пользою и особливою похвалою, засвидетельствовать сим ему, господину Лепехину, признательную от Академии благодарность и, согласно с его просьбою в рассуждении прописанных им невозможностей, от управления должности инспектора Гимназии уволить, а вместо него сию должность препоручить академику Петру Иноходцеву».³¹

Вскоре Иноходцев вступил в должность инспектора Гимназии.

Лепехин руководил Академической гимназией в течение пятнадцати лет и многое сделал для того, чтобы выпускники ее смогли приносить пользу отечеству, и с искренней любовью и теплотой относился к своим питомцам.

---

³¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 566, л. 231.

Г л а в а 10

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1774—1802)

В 70-е годы XVIII в. в Петербурге существовало «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», деятельным членом которого с 1774 по 1783 г. был Лепехин. Под его руководством переводили греческих и римских классиков, различные научные труды, вышедшие за границы; в 1779 г., например, были переведены «Древности Иосифа Флавия», «Китайское уложение», «Разговоры Лукиана Самосатского», «Датская история» Маллэ. Переводы печатались в академической типографии, под наблюдением Лепехина, получавшего за это по 4 экземпляра напечатанных книг. Он редактировал переводы с немецкого языка дневников путешествовавших академиков, за что в 1779 г. ему было выдано 6 экземпляров его собственных «Дневных записок».¹

В то же время через руки Лепехина проходили переводы с французского языка всех материалов, которые поступали в Академическое собрание: программы конкурсов, объявляемых Академией, сочинение пастора Грасмана о сохранении корабельного леса, сведения о различных уродах, переданных Вольфу в анатомический кабинет, сочинение профессора Германа об обработке железа и пр.²

В 1784—1790 гг. Лепехин вместе с другими русскими академиками редактировал перевод десяти томного изда-

---

¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 550, л. 125 и об., л. 206 и об.

² Протоколы Конференции, т. III, стр. 428, 464, 598, 743, 833; т. IV, стр. 37.

ния под названием «Зрелище природы и художеств».³

Под его руководством студенты переводили в 1784—85 гг. с немецкого языка вторую и третью части путешествия Палласа 1768—69 г. и статью Георги о культуре бука,⁴ сам же он переводил с немецкого языка сочинения Германа «Топографическое описание Тобольской губернии» и Гакмана «История колоний на побережье Понта Эвксинского» (с латинского языка).⁵

В 1786 г. он переводил сочинение Альстремера «О породе овец, приносящих мягкую волну».⁶ В этом сочинении рассмотрена история овцеводства начиная с древнейших времен, а также затронут весьма интересовавший Лепехина, как биолога, вопрос о наследственности. Говоря о современном состоянии овцеводства, автор отмечал, что испанская шерсть нежнее английской и что качество шерсти определяется наследственностью. При этом он приводил пример из растительного мира, утверждая, что «когда растение мужского пола оплодотворяет растение женского пола, то происшедшие от сего новые произрастения в частях внутренних и перемене не подверженных сходствуют с растением женского рода, но наружными частями сходны с растением мужского рода».⁷ По мнению автора, то же самое происходит в животном мире. Он производил опыты, скрещивая различные породы овец и стараясь получить экземпляры с мягким руном, приспособленные к суровому северному климату. Альстремер утверждал, что «мягкая волна овец испанских, английских и немецких переведена на породу шведских овец, имевших жесткую шерсть, единственно чрез баранов, мягкое руно носящих». Отсюда Альстремер сделал вывод, что вообще «от самки простекают ум, склонности и рождение; самец же, на-

³ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 552, л. 53 и об. См. Т. А. Красоткина (Лукина). К истории научно-просветительных начинаний Петербургской Академии наук в XVIII в. Труды Инст. истор. естеств. и техн. АН СССР, 1962, т. 31, вып. 6, стр. 368—369.

⁴ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 556, л. 401.

⁵ Протоколы Конференции, т. III, стр. 826, 830, 839; т. IV, стр. 40—43. Оба перевода Лепехина были напечатаны в «Месяцеслове историческом и географическом на 1786 г.».

⁶ Новые ежемесячные сочинения, 1786, сентябрь, ч. III, стр. 24—65; 1787, июнь, ч. XII, стр. 39—51, июль, ч. XIII, стр. 33—46; август, ч. XIV, стр. 36—51; сентябрь, ч. XV, стр. 3—31.

⁷ Там же, 1787, июнь, ч. XII, стр. 39.

против того, образует жизненные части, т. е. те, которые служат к питанию и защищению себя с прочими зависящими от сего способностями».⁸

Лепехин сделал ряд примечаний к этому сочинению. В них он исправил неточности, которые допустил автор — овцевод-практик, не имевший специального биологического образования. Лепехин, по-видимому, не был согласен с Альстремером в том, что качество волны зависит не от климата и не от пищи, но только от породы (от самца). В примечании к этому месту он заметил, что «киргизские и калмыцкие овцы, пасомые на степях, солончаками обильных, довольно жесткое имеют руно».⁹ Тем самым он подчеркнул, что нельзя полностью отвергать влияние среды на качество шерсти, как сделано в работе Альстремера. Впрочем, эти исследования очень заинтересовали Лепехина, и он предложил провести аналогичные опыты в России. Комментируя высказывание Альстремера, что более нежную и густую шерсть можно получить, скрестив рослых баранов с малорослыми овцами, Лепехин пишет: «У нас опыт сему сделать удобно в Уфимском наместничестве, где рослых и дюжих киргизских баранов можно спустить с малорослыми русскими овцами».¹⁰

Он перевел в 1787 г. «Рассуждение о горах и вообще почвах, содержащих в себе металлических руды, удостоенное награждения от Мангеймской Академии в 1785 г. Сочинено господином Моннером, главным надзирателем горных заводов во Франции, членом Шведской Академии».¹¹ Автор поставил себе задачу ответить на вопрос: «можно ли по наружному виду гор, а наипаче по качеству камней, оные покрывающих, узнать, содержат ли они рудные жилы и слои»? В сочинении описаны многочисленные признаки присутствия руд, приведены различные примеры расположения рудных жил. В одном из примечаний Лепехин дополнил автора, вспомнив любопытные эпизоды из своего путешествия по Уралу: «На падах уральских большую часть медных руд открыли сурки, которые, роясь глубоко в землю (sic!) для составления себе логовищ, выбрасывают на поверхность и сих руд

---

⁸ Там же, август, ч. XIV, стр. 49.

⁹ Там же, сентябрь, ч. XV, стр. 14.

¹⁰ Там же, стр. 20.

¹¹ Там же, 1787, декабрь, ч. XVIII, стр. 50—72; 1788, март, ч. XXI, стр. 36—52; 1788, апрель, ч. XXII, стр. 79—99.

признаки. Наибогатейший же медный рудник в Верхотурском уезде открыл бык, вырвавший копытом богатой руды признак».¹²

Под руководством Лепехина было переведено с немецкого языка сочинение Германа «Описание пермских солевых варен». В Академическом собрании 12 июня 1788 г. Лепехин дал очень хороший отзыв об этом труде, сказав, что следует распространить его по всей России. В 1795—96 гг. он переводил для «Новых ежемесячных сочинений» «Описание средней орды киргиз-кайсаков» — статью этнографического характера.¹³ Ученый перевел (с примечаниями) главы из сочинения Палласа «Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften», ч. 1, под общим заглавием: «О разделении народов мунгальского поколения».¹⁴ 7 мая 1800 г. он представил свой перевод в Академическом собрании.¹⁵

В 1799 г. Лепехин перевел сочинение И.-Т. Кельрейтера о льне.¹⁶ В том же 1799 г. в Академию поступил запрос от советника Львова о месторождениях каменного угля в России. Из всех указанных мест более всего заинтересовала его деревня Сухорино в 70 верстах от Твери. По поручению Академического собрания Лепехин перевел для Львова главу из дневника покойного Гмелина, в которой говорилось об этой деревне.¹⁷

Делом последних лет жизни Лепехина был перевод и комментирование многотомной «Естественной истории» Бюффона. В этой энциклопедии научных знаний второй половины XVIII в. рассматривалась естественная история человека, животных, давалось описание истории земли и описание минералов. Во Франции первые тома «Естественной истории»¹⁸ появились еще в 1749 г., и петербургские академики задолго до выхода труда Бюффона на русском языке стали знакомить общество с отрывками из этого замечательного произведения. Интерес к Бюффону в России сильно возрос после академических экспедиций

¹² Там же, 1788, март, ч. XXI, стр. 50.

¹³ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 120, 124, 134.

¹⁴ Там же, стр. 429, 439, 467.

¹⁵ Там же, стр. 823, 887.

¹⁶ Там же, стр. 756.

¹⁷ Там же, стр. 780, 782, 784.

¹⁸ G.-L.-L. Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière. [Естественная история, всеобщая и частная]. 36 т. Paris, 1749—1788.

ВСЕОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ
ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ГРАФА де БЮФФОНА;

предложенная съ Французскаго языка на Россійской.

по

ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ЧАСТЬ I.

*Переведена Академиками Степано́мъ Румовскимъ и Иваномъ
Лепехинымъ.*

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
издана въ Императорской Академіи Наукъ
1789 года.

Титульный лист «Естественной истории» Бюффона,
переведенной И. И. Лепехиным.

1768—74 гг., привлечших внимание русских ученых к проблемам общего естествознания.

По поручению Дашковой Лепехин сообщил в 1787 г. в Академическом собрании об имеющемся предложении — всем академикам русского происхождения разделить между собой тома «Естественной истории» соответственно своим интересам и перевести их на русский язык. Это предложение было единодушно одобрено академиками, и через два года в 1789 г. Румовский и Лепехин представили в Академическом собрании свой перевод I тома, который вскоре был напечатан в количестве 358 экземпляров с гравюрами Майера.¹⁹ Переводчики сочли возможным сохранить в I томе противоречащую религии и осужденную Сорбонной «Историю Земли», что было очень смелым шагом для того времени.

В 1792 г. Лепехин представил выполненный им перевод V тома, который в том же году был опубликован. Однако в дальнейшей работе академики встретились со значительными трудностями и даже хотели совсем ее оставить, ограничившись переведенными пятью томами. Об их сомнениях, связанных главным образом с противоречиями, имевшимися у Бюффона по отношению к библейским рассказам, свидетельствует «донесение», поданное ими в Комиссию 2 июля 1795 г.,²⁰ на основании которого Академическая Комиссия постановила:

«В рассуждении каковых господами русскими академиками изъясненных трудностей и несообразностей, «Историю естественную» графа Бюффона по невозможности собрать все слова, вышесказанными людьми употребляемые, также феорию о простывании земного шара и прочих планет, основанную на произвольном и невероятном положении, и эпохи природы, кои совсем не согласуют с преданиями священного писания, предложением на отечественный наш язык оставить и о сем ученое собрание уведомить».²¹

¹⁹ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 106, 171. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 561, л. 249 об. Перевод первого тома «Естественной истории» вышел под заглавием: Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона, предложенная с французского языка на российский, ч. I. Переведена академиками Степаном Румовским и Иваном Лепехиным. СПб., 1789, стр. 1—374.

²⁰ М. И. Сухомятинов, История Российской Академии, вып. 2, стр. 216—218.

²¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 567, л. 305.

Отказ академиков от перевода Бюффона был вызван, конечно, не столько трудностями лингвистического характера, так как в то время в русском языке имелось достаточно философских и естественно-научных терминов, сколько изменившейся политической обстановкой — отрицательным отношением правящих кругов русского общества к французской революции и к ее идеям, нашедшим отражение в труде Бюффона, хотя сам автор умер еще до революции — в 1788 г.

Однако, несмотря на затруднения академиков и их намерение отказаться от перевода Бюффона, начатая ими работа не была прекращена, так как престарелый и больной Лепехин взял ее всю на себя и через 5 лет — в 1800 г. закончил перевод VI тома. Рукопись в течение нескольких дней прошла цензуру, получила одобрение и была передана в типографию.²²

В 1801 г. Лепехин представил в готовом виде (с приложением гравюр Майера) VII, VIII и IX тома, которые также были одобрены цензурой и переданы для напечатания, а в начале 1802 г. он закончил часть перевода X тома.²³

«Естественная история» на русском языке печаталась без задержек и быстро раскупалась, принося Академии немалые прибыли, поэтому президент Академии А. Л. Николаи решил премировать Лепехина. Специальным решением Канцелярии от 5 февраля 1802 г. Лепехину было назначено 500 руб., в воздаяние сего полезного для общества и выгодного для экономики академической труда.²⁴ Менее чем через месяц после этого, 3 марта 1802 г., Лепехин представил полную рукопись перевода X тома «Естественной истории», которая вскоре была передана в типографию.²⁵

Смерть помешала ученому закончить перевод XI тома. По этому поводу в журнале Канцелярии было записано:

²² Протоколы Конференции, т. IV, стр. 861, 862, 866. VI том вышел под заглавием: Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона, ч. VI. Перевод академика И. Лепехина. СПб., 1801, стр. 1—400.

²³ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 889, 900, 933, 936, 938, 943, 958, 965. Т. IX вышел только в 1806 г.: Перевод И. Лепехина. Часть сия издана экстраорд. акад. А. Севастьяновым. СПб., 1806, стр. 1—274.

²⁴ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 578, лл. 196 об.—197.

²⁵ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 976. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 578, л. 303.

«Оставшуюся после покойного академика Лепехина часть рукописи XI тома „Естественной истории“ Бюффона на 14 полулистах, которая представлена ныне в Канцелярию, хранить в оной на случай могущей представиться в ней надобности».²⁶ X том, так же как и IX, был издан академиком Севастьяновым,²⁷ который предпослал ему следующее введение:

«Поелику издаваемая ныне X часть Всеобщей и частной Естественной истории господина Бюффона есть последняя из тех, кои перевел покойный академик и кавалер Лепехин, то я почел не излишним для тех, кто любит славу мужей, служивших отечеству украшением, присокупить здесь краткое известие о жизни и трудах сего достойного мужа». Далее Севастьянов поместил биографию Лепехина.²⁸

После смерти последнего работа над переводом труда Бюффона прекратилась. Таким образом, Лепехину, более чем кому-либо из его товарищей, принадлежит заслуга перевода на русский язык и комментирования «Естественной истории». Академик прекрасно справился с трудностями перевода; работая над ним, он обогатил русский язык многими новыми научными терминами.

Перевод «Естественной истории» снабжен многочисленными примечаниями, большая часть которых составлена Лепехиным, причем очень немногие из них перекликаются с соответственными примечаниями к немецким переводам Бюффона. Как правило, они самостоятельны и основаны большей частью на материалах академических путешествий. Ученый-переводчик предстает перед нами в связи с этим как энтузиаст, любящий природу и восхищающийся многообразием ее форм. «Природа, — пишет он, — предлагает уму нашему непостижимое различие предметов, назначенных к нашему удовольствию и наставлению. Но свыше всякого прекословия делает наибольшее в нас впечатление неизмеримое количество жизни, коего вся исполнена вселенная. Коль великое множество творений разделяет с нами преимущества жизни, чувствования удовольствий и состоит совокупно с нами под покрови-

---

²⁶ Там же, л. 473.

²⁷ Всеобщая частная естественная история графа де Бюффона, т. X. Перевод И. Лепехина, изд. экстраорд. акад. А. Севастьяновым. СПб., 1808, стр. 1—270.

²⁸ Там же, т. X, 1808, стр. I—XVII.

тельством назидающего провидения; сколь различны суть их виды, сколь разнствуют их побуждения! Коликий жар в их темпераментах! Какая живость в их поступках! Какая поворотливость во всех их движениях! Но при всем том какая ненасытная алчба истреблять друг друга! Перемены их различны; несчастья их многочисленны, но какое равномерное содержание, какое единообразие пребывает всегда в числе оных! Жизнь животных может сравнена быть с огнем, который сам себя истребляет, но не исчезает».²⁹

Лепехин иногда касается и философских проблем в естествознании. Он не согласен с Бюффеном, отвергающим наличие целесообразности в природе, и высказывается в духе телеологического понимания природы.³⁰ Таким образом, в идеологическом отношении русский перевод Бюффона стоит много ниже подлинника. Трудно сказать, виноваты ли в этом русские цензурные условия или личные верования самого переводчика.

В своих примечаниях Лепехин утверждает пользу изучения естественных наук и в первую очередь таких, которые имеют прикладное значение. На замечание Бюффона, что науки делятся на историю гражданскую — удел политиков и историю природы — удел философов, Лепехин возразил, что естественные науки нужны всем без исключения, но «нам полезнее знать рыб, в наших реках ловимых, нежели раковин, в отдаленных морях находящихся; равным образом нужнее нам знать отечественную нашу историю, нежели историю о землях великого могола».³¹ В другом примечании он развивает мысль о том, что при изучении естественных наук следует отдавать предпочтение не редкостям, вызывающим наше любопытство, а предметам полезным: «Россиянин должен постыдиться, если он по пальцам может высказать подробно всю историю о льве, тигре и барсе, при вопросе же, что такое есть овца? запнуться должен; или который, любопытствуя о рыбах, к коим прикосновение производит удар, подобный электрическому, нимало не знает свойства тех рыб, которые во всегдашнем употреблении».³²

---

²⁹ Там же, т. VI, 1801, стр. 252—253.

³⁰ Там же, стр. 366.

³¹ Там же, т. I, 1789, стр. 28—29.

³² Там же, стр. 34—35.

Однако Лепехин далек от узко практического отношения к естественным наукам, как видно из следующего его примечания к I тому «Естественной истории»: «Вообще кажется мне, что недостаточные были бы мы философы, если бы все наши изыскания учреждать стали, смотря единственно на происходящую от того пользу. Неужели мы состоим из одного тела! И не может ли иная истина весьма быть полезна нашему духу, хотя она не питает, ни одевает нашего тела? Кто знает, могло ли бы прийти на мысль господину Бюффону предлагаемое им учение о рождении, если бы Трамблей не употребил более внимания на рассматривание совсем бесполезным кажущегося червя, полипом называемого?»³³

Касаюсь вопросов классификации в естественных науках, Лепехин спорит с Бюффоном, отвергающим все без исключения системы, предлагавшиеся в разное время естествоиспытателями. По этому поводу он замечает: «Системы и способы расположения неоспоримо должно почитать за облегчительные средства, вспомошествующие нам к объятию одним взором большей части природы, и к выгодному пособию нашей памяти; великие же господина Бюффона требования удобнее сделать, нежели исполнить... В прозябаемых и в животных различие взаимного отношения столь многообразно и столь сокрыто, что кажется невозможным при устройении общего порядка каждой вещи определить точное место по всем оным отношениям. Почему думаем, что бесполезно будет в начале приобретать познание о произведениях природы по явным признакам подобия, принятым в лучших расположениях, а потом распространять свои понятия непрерывным рассматриванием и наблюдением каждой вещи в особенности».³⁴

Бюффон, отвергая предложенное Линнеем рассмотрение различных областей природы как застывших, неизменных, раз и навсегда данных, отрицал и систематику Линнея, которая в свое время была необходима, так как она удовлетворяла насущные потребности в классификации естественно-научных материалов. Лепехин уважал Линнея, был убежденным сторонником его систематики, поэтому в своих примечаниях к «Естественной истории»

---

³³ Там же, стр. 57—58.

³⁴ Там же, стр. 23—24.

он неоднократно защищает Линнея от нападок Бюффона. Бюффон отвергает деление животных на шесть классов, предложенное Линнеем. Лепехин возражает, говоря, что «Бюффон... славного Линнея порочит тем, что ему наиболее чести приносит».³⁵

В другом месте Бюффон критикует Линнея за то, что он отнес к хищным (*Ferae*) летучих мышей, кротов, ежей, собак и кошек, и спрашивает, не оставлен ли здесь в пренебрежении здравый рассудок. Лепехин осуждает за это Бюффона: «Таковой укоризны, что славный Линней в сем месте поступил против здравого рассудка, от толь великого мужа, каков был господин Бюффон, не ожидали».³⁶ Термин же «*Ferae*», переведенный Бюффоном «терзающие», Лепехин предлагает переводить «плотоядные». Как известно, термин «плотоядные» сохранился до наших дней.

Бюффон считал, что между различными формами жизни существуют непрерывные переходы, поэтому он был против введения искусственной систематизации в естествознание. Но ему было трудно и почти невозможно ориентироваться в огромном естественно-научном материале без определенного принципа упорядочения этого материала, поэтому он был вынужден в «Естественной истории» применять те или иные подобию систем, основанных на самых случайных признаках. Так, например, Бюффон предложил после лошади в системе поставить не зебру, а собаку, «так как собака часто за оною бегаёт». Лепехин решительно отвергает, даже высмеивает эти его попытки и в примечании доказывает, что такая система никуда не годится. «Сколь изящны и подражания достойны описания животных господина Бюффона, столь произвольны нам кажутся распределения его»; И далее: «Порядок, между животными природою устроенный, еще не открыт, а Бюффионов таковым почестъ не можем».³⁷

Лепехин ясно высказывается против трансформизма у Бюффона, говоря, что отдельные виды не могут возникать друг от друга путем превращений: «Мы не можем привести себе на память ни одного по крайней мере систематического писателя, который бы или в животных вообще

³⁵ Там же, стр. 43.

³⁶ Там же, стр. 46. См. также примечание Лепехина на стр. 48, где он защищает Линнея.

³⁷ Там же, стр. 39—41.

отрицал сие всеобщее участие в сотворении, или утверждал об осле, что сей не что иное есть, как выродившаяся порода лошадей...».³⁸ По-видимому, Лепехин и в этом вопросе был сторонником Линнея.

Наибольшее внимание в своих примечаниях исследователь уделял вопросам зоологии. В каждом переведенном им томе Бюффона имеются многочисленные его дополнения и поправки, относящиеся к области зоологии. При этом он часто использует материалы, полученные во время Оренбургской и Северной экспедиций. Он объясняет, что упомянутые Бюффеном «каменные или окаменелые языки есть не что иное, как зубы огромной морской и хищной рыбы, акулою в Коле называемой».³⁹ В другом месте Бюффон пишет, что барсуки и ежи едят мясо. Лепехин уточняет: «Кроме сочных листьев и корней, любимую их пищу составляют черви, лягушки, птичьи яйца, молодые птицы и маленькие зверьки».⁴⁰

К разделу, где говорится о гибридах, Лепехин сделал следующее примечание: «В пользу некоторым читателям присокупим здесь несколько примечаний о так называемых межеемочных животных. Смесь в животных одной породы не есть великая редкость; по крайней мере производится она искусством, как скоро кто похочет приложить к оному труд свой. Так, например, рождаются выродки от совокупления щеглят, чижей, овсянок и пр. с канарейками, от совокупления карпов и карасей. Реже случается, чтобы от двух животных различной породы могло быть плодородное смешение».⁴¹

Там, где Бюффон говорит о поведении диких зверей в неволе, Лепехин в примечаниях приводит материалы своего Оренбургского и Северного путешествия: «В Урале на Белорецком заводе видел я двух волчонков и собачку, вместе содержимых; они были дружны, но всегда за кости дрались, и собачка, будучи старше их, всегда одерживала верх. Равным образом видел я старого волка на цепи в Екатеринбурге, который употреблен был для стражи у ворот вместо собаки и который такие же хозяину оказывал ласки и все приемы, как и собака».⁴²

³⁸ Там же, т. VI, 1801, стр. 212.

³⁹ Там же, т. I, 1789, стр. 278.

⁴⁰ Там же, т. VI, 1801, стр. 41.

⁴¹ Там же, стр. 221.

⁴² Там же, т. VII, 1802, стр. 27.

Лепехин часто дополняет и исправляет сведения, приводимые Бюффоном о диких и домашних животных. Бюффон утверждает, что северный олень не есть домашнее животное. Лепехин возражает: «У наших семоядов (самоёдов, совр. ненцев), лопарей (саами) и ленных чукчей северных оленей, от коих они главнейшее свое содержание имеют, получают одежду, дома и вместо тяглого скота употребляют, за домашний скот почитать должно».⁴³ Опроверг Лепехин и сообщение Бюффона о червях, будто бы зарождающихся под кожей оленей. «Удивительно, как господину Бюффону могла вселиться в голову такая странная мысль о зарождении червей, которые, когда из положенных яиц под кожу сих животных и согреваемые теплотою тела животного вылупаются, растут и потом целыми выходят насекомыми. Они не суть черви, но называются гусеницами насекомых».⁴⁴

В некоторых примечаниях Лепехин приводит интересные данные о животных по материалам своих экспедиций. Например, он рассказывает о своеобразном способе избавления от волков, которого ему нигде, кроме наших северных стран, видеть не случилось. «Молодых волчат ищут еще в их логовах и, изымав, делают круглый плот из досок, на котором прибивают волчат гвоздями в передние лапы и пускают с ними плот вниз по воде. Вой их, от боли происходящий, созывает волков и волчиц, которые, следуя по берегу за плотиком, выходят из округа разоряемого ими селения, причем охотники нередко и старых из ружей убивают». К приведенному Бюффоном описанию черного волка он поместил следующее дополнение: «На Невинском заводе в 1770 г. видел я двух молодых волков, черных, как смоль, и как они были еще малы и на цепях, то лютость их не во всей своей оказывалась силе и они, как щенята, ласкались. На Пинежском волоку в Архангелогородской губернии купил я шкуру черного волка, но по оной никаких дальних примечаний сделать не мог, кроме того, что шерсть казалась грубее и что такого цвета волки весьма редки».⁴⁵ В примечании к разделу о белках приводятся интересные данные о на-

⁴³ Там же, стр. 102.— В других примечаниях к этому тому Лепехин приводит названия самца и самки оленя на многих языках и литературу об олене. Там же, стр. 137.

⁴⁴ Там же, стр. 167—168.

⁴⁵ Там же, стр. 141.

блюдавшейся Лепехиным в 1770 г. миграции белок в Томской области.⁴⁶

Вопросам ветеринарии, которой академик-переводчик весьма интересовался, посвящено несколько примечаний. В одном из них он пишет о сапе:

«Лет тому с 15 как у меня осапела собственная моя лошадь, у коей текло много дряни из ноздрей и под горлом желвак был нарочитой величины; пора была летняя, и я пустил ее в табун съезжинской. В числе пасущих отставной драгун, бывший в полку коновалом, взялся ее вылечить за умеренную плату; он купил трав на рынке, сохраняя впрочем тайну своего лекарства, и, истопив оные в воде, лил в ноздри сей увар и довел шишку до величины ореха, наконец, повалив лошадь, вырезал остальную шишку и так совершенно кончил свое излечение; лошадь же до самой старости никогда не имела такого припадка. Сожалеть надобно, что люди сего рода, не поведав никому о тайне своего лечения, умирают с оною».⁴⁷

В своих примечаниях Лепехин поправляет ошибки Бюффона также в области географии России и других стран. Особенно многочисленны эти ошибки в разделе «Теория земли», так как ряд сведений о географии России Бюффон заимствовал из недостоверных источников. В местах, где говорится о границах Америки, Лепехин уточняет данные Бюффона по географической карте Российского государства, изданной при Петербургской Академии наук в 1776 г.⁴⁸

Ряд корректив внес ученый в сведения из области этнографии, сообщенные Бюффоном. У Бюффона упоминаются народы, якобы живущие на севере России — «земблинцы» и «борандинцы». Лепехин по этому поводу пишет: «Кого под именем земблинцев разумеет господин Бюффон, догадаться трудно: ежели разуместь новоземельцов, то всем известно, что на острове Новая Земля нет никаких жителей, а временем, и то по нужде, зимуют на оной мезенцы и другие поморы ... Господин Бюффон в названиях северных народов, в описании их образа жизни, в их происхождении и прочем весьма недостато-

---

⁴⁶ Там же, стр. 231.

⁴⁷ Там же, т. VI, 1801, стр. 145.

⁴⁸ Там же, т. IX, 1806, стр. 189, 196—197.

чен и почерпал известия из писателей, вероятно не заслуживающих». ⁴⁹

По утверждению Бюффона, лапландцы (лопари, ныне саами) пьют ворвань, предлагают проезжающим своих жен и дочерей, раскрашивают себе лица и т. д. Лепехин пишет: «Российские лапландцы все крещены и, конечно, не пьют ворвани, а воду или молоко ... О сих народах господин Бюффон странные рассказывает басни, приводя и имена таких народов, каковых нет на свете. Народы сии никаких древних памятников о прежнем образе их жизни не имеют, в настоящей же их жизни никто таковой странной податливости не приметил. Впрочем, наши лапландцы и не столь трусливы, как описывает их господин Бюффон. Их берут в морскую службу, в коей они с прочими наряду храбрствуют». ⁵⁰

Вступился ученый и за волжских татар, описанных Бюффоном: «Какую нелепую баснь сплетает господин Бюффон о волжских татарах! В то время, когда он сие писал, были они уже отчасти крещены, а прочие прилеплены к закону магометанскому и к женам своим ревнивы. Великие торги, казанскими татарами отправляемые, их рукоделия и прочее могли бы достаточно уверить господина Бюффона, что они мало на скотов походят, а доказывают во всем острый разум и искусство; домашнюю же их чистоту похвалил бы и щеголеватый француз». ⁵¹

О калмыках Бюффон написал, что у них две скважины вместо ноздрей, на что Лепехин заметил: «Между калмыками таких пугалов не бывает, как всякому у нас известно». ⁵² По утверждению Бюффона, калмыки будто бы живут в холстинных палатках. Лепехин пишет по этому поводу: «Всякому известно, что у калмыков совсем холста не бывает, даже не носят они и рубах, а особливо бедные, колыми паче не из чего сделать им палаток, в коих они перемерли бы в зимнее время». ⁵³

Отвергает Лепехин и анекдотические сведения, приводимые Бюффоном о других народах, как например его утверждение, будто близ Манилы существует порода хвостатых людей, принявших католическую веру. ⁵⁴

⁴⁹ Там же, т. V, 1792, стр. 68—69.

⁵⁰ Там же, стр. 72, 75.

⁵¹ Там же, стр. 77—78.

⁵² Там же, стр. 80.

⁵³ Там же, стр. 78—79.

⁵⁴ Там же, т. V, 1792, стр. 99.

Комментарии Лепехина к «Естественной истории» Бюффона дают некоторый материал для познания его естественнонаучных взглядов. Из этих комментариев видно, что он был сторонником Линнея, принимал его взгляд на неизменность вида. Интересны высказывания о пользе естественных наук, в первую очередь о пользе исследования местной, а не экзотической флоры и фауны. Вместе с тем он предостерегает от узкого практицизма в естествознании, приводя примеры, когда изучение казалось бы совсем бесполезных предметов приводило к ценным научным открытиям. Таким образом, разносторонняя эрудиция Лепехина и богатый опыт, приобретенный им во время путешествий, позволили ему сделать много дополнений к материалам Бюффона в области естествознания, а также исправить ошибки, допущенные последним в области географии, этнографии и других наук.

Многочисленные переводы, выполненные Лепехиным, оказали большое влияние на распространение и популяризацию естественнонаучных знаний в России в конце XVIII—начале XIX в.

Г л а в а 11

УЧАСТИЕ В ЖУРНАЛЕ «СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА»

(1783—1784)

В начале 1783 г. Е. Р. Дашкова, только что назначенная директором Петербургской академии, решила издавать литературный журнал, поставив себе две задачи: распространять просвещение в русском обществе и возвысить значение отечественной литературы. Журнал назывался «Собеседник любителей российского слова», печатался «иждивением Академии наук», его фактическими руководителями были Дашкова и Екатерина II, однако имена их держались в тайне и от читателей, и от многих сотрудников журнала. Журнал выходил с 1 мая 1783 г. по сентябрь 1784 г., всего вышло 16 книжек. В нем принимали участие многие литературные деятели того времени, из академиков — Румовский и Лепехин. От всех издававшихся прежде в России журналов «Собеседник» отличался тем, что в нем совершенно не печатались переводы, а только оригинальные сочинения на русском языке. Издавая «Собеседник», Дашкова объединила вокруг себя небольшой кружок литераторов и ученых, устраивавших у нее «беседы» на литературные и филологические темы, своего рода общество писателей, из которого в конце того же 1783 г. возникла «Российская Академия».

Лепехин, один из самых деятельных членов Российской Академии, был в числе первых сотрудников «Собеседника» и по свидетельству митрополита Евгения, «писал

в нем много».¹ Исследователи «Собеседника», однако, затруднялись решить, какие же статьи ему принадлежат. Между тем, если вспомнить о несколько витиеватой, многословной, с дактилическими окончаниями фраз манере письма Лепехина, то окажется несомненным, что по стилю ему очень близки статьи филологического характера, помещавшиеся почти в каждой книжке «Собеседника», иногда без подписи, иногда под псевдонимом «Любослов».²

По всей вероятности, Лепехину принадлежит в I книжке журнала небольшая заметка о правописании слова «драма»,³ во II книжке он поместил «Послание к господам издателям Собеседника от Любослова», содержащее филологические заметки о произведениях, помещенных в I книжке журнала.⁴

Позднее Державин, переиздавая свои стихотворения, внес в них поправки в соответствии с замечаниями Любослова, но при выходе в свет «Послание» вызвало бурю негодования. В последующих книжках журнала Богданович, Капнист и другие авторы, чьи произведения подвергались критике, поместили ответы Любослову, в которых заметно было оскорбленное самолюбие. Лепехин в своей педантичной критике затронул (вероятно, по незнанию) даже императрицу, плохо знавшую русскую грамматику, после чего она не раз в довольно ядовитых выражениях высмеивала мелочную придирчивость Любослова, а в ответе ему от издателей даже прямо заявила: «Один из издателей нижайше просит, чтобы дозволено ему было и не всегда исправные свои сочинения в „Со-

---

¹ М. Евгений (Е. Болховитинов). Словарь русских светских писателей, т. II, М., 1845, стр. 10.

² Во всяком случае, Л. Н. Майков с полным основанием приписывает Лепехину, хотя и в вопросительной форме, псевдоним «Любослов»: «Митрополит Евгений называется в числе сотрудников «Собеседника» акад. И. И. Лепехина, но что им здесь напечатано, неизвестно. Не ему ли — любознательному непремennomу секретарю Российской Академии — принадлежат в журнале Дашковой филологические заметки Любослова?» — Л. Н. Майков. Несколько данных для истории русской журналистики. СПб., 1876, стр. 38—39. См. И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. II, М., 1957, стр. 132. Псевдоним «Любослов» здесь также приписан Лепехину.

³ «Собеседник любителей русского слова», ч. I, стр. 109—111.

⁴ Там же, ч. II, стр. 106—117.

беседнике“ помещать, так как он ни терпения, ни времени не имеет свои сочинения поправлять».

В IV книжке журнала Лепехину принадлежат «Сумнительные предложения господам издателям Собеседника от одного невежды, желающего приобрести просвещение»,⁵ с критикой стихотворений Державина и Богдановича. По стилю «предложения» напоминают критику Любослова, а одно из них свидетельствует о медицинском образовании автора. Он цитирует стихи: «Когда действительность сердечку дал ты смерти...» и далее пишет: «Я так запутался в бездне моего невежества, что уже далее следовать не мог. Сердце имеет одно только действие, служащее для обращения крови: сжимание и разжимание, известные именем *систоля* и *диастоля*. В прочем же сумнительно, чтоб сердце какую действительность имело; вместо оной оно имеет страдание, получаемое от чувств и рассуждения, которые рождают в нем разные чувствования».⁶

Автором, сочетавшим медицинские познания с серьезной исследовательской работой в области языка, в то время мог быть только Лепехин.

Хотя выступление Любослова и не понравилось высокопоставленным редакторам, однако они попросили Лепехина написать для Собеседника еще что-нибудь; в VII книжке журнала он поместил «Письмо к почтенным господам издателям Собеседника любителей русского слова». В нем он писал:

«Примечая по отзыву вашему, что противоположения мои на сочинения ваши, в первой части периодического издания Вашего напечатанные, Вам были неугодны, должен изъясниться, что не желание получить название педанта принудило меня к начертанию их, но истинная любовь к чистоте русского слова. Исполняя желания Ваши видеть мои сочинения, прилагаю при сем начертание о российских сочинениях и русском языке».⁷

«Начертание» было помещено в той же книжке журнала. В нем заметно желание исправить произведенное критикой Любослова неприятное впечатление на издатель, имена которых, возможно, уже стали Лепехину из-

---

⁵ Там же, ч. IV, стр. 11—26.

⁶ Там же, стр. 24—25.

⁷ Там же, ч. VII, стр. 142.

вестными, так как «начертание» полно комплиментов по адресу Екатерины II и Дашковой. Лепехин указывает, что «сочинителю российскому наблюдать надлежит: 1) чтобы все периоды основаны были на грамматических правилах; 2) не терять достоинств описуемого вещества; 3) не нарушать свойств языка. Следуя оным правилам, хорошие мысли всегда изображены будут хорошими, вразумительными и соответственными предпристой манере словами. Одни ж звенящие и красивые слова, не заключающие в себе хороших мыслей, возбуждают пышностью своею внимание только малых душ.

«Совершенное сочинение только то назваться может, которое в изображении известной материи достаточно, приятным различием в предложении слов и мыслей украшено, сильными мыслями и словами обогащено и чисто в свойствах русского языка.

«...Что касается до преимуществ российского языка, то, не обинуясь, утверждать можно, что он изобилием, красотой и важностию превосходит все новейшие языки.

«...Российский язык не токмо ни одному европейскому достоинствами не уступает, но и многие превосходит, подобляясь и равняясь с древними изящными греческим и латинским».⁸

Далее приводится сравнение русского и латинского языков, причем устанавливается, что оба языка имеют много общих коренных слов (указывается более ста таких слов), что эти языки одного происхождения и одной древности.

Восхваляя родной язык, Лепехин высказывает сожаление, что русские, пренебрегая им, стараются говорить на иностранных языках. «До какого бы цветущего состояния, — восклицает он, — довели россияне свою литературу, если бы познали цену языка своего и старались бы на оном изображать свои мысли!»

Филологический трактат Лепехина с его длинными периодами был плохо принят кружком Дашковой, оказался слишком трудным, так как до сих пор ничего подобного на русском языке не издавалось. Сама Екатерина II под псевдонимом «Рыжий Фролка» подвергла его критике.⁹

---

⁸ Там же, стр. 144—150.

⁹ Там же, ч. IX, стр. 9.

Таким образом, и критические статьи Лепехина, и выступление в форме отвлеченного трактата были неблагосклонно встречены в «Собеседнике», но издательницы, вероятно, снова просили у него материал для журнала. Стремясь угодить им, он написал «Письмо к издателям Собеседника от Иоанна Приимкова»,¹⁰ в котором высмеивалось пристрастие к иностранным именам и французским модам. Письмо понравилось издателям, и в ответе, помещенном вслед за письмом Иоанна Приимкова, они просили «удостаивать почаще вашими письмами, замысловатое и веселое письмо ваше нас прельщает».¹¹ В ответе говорится, что Иоанн Приимков — не Приимков, а Пшеничкин — намек на фамилию Лепехина, позволяющий предположить его авторство.

Вероятно, Лепехину принадлежит своеобразное письмо от Архангелогородской кумы, помещенное в XII книжке, стилизованное под народную речь: «Я говорила попросту, а Ванюшка писал по словам моим».¹² В письме высмеивались дамы, имеющие пристрастие ко всему французскому (очевидно, имелись в виду какие-то фрейлины Екатерины II; может быть, письмо было написано по ее заказу).

В последней — XVI книжке журнала Лепехин поместил «Мнение о разделении согласных букв в рассуждении произношения перед ними „з“ и „с“ и о правописании по сему разделению»,¹³ где говорилось о правописании предлогов и согласные разделялись на мягкие, твердые и средние, или умеренные.

Авторство Лепехина устанавливается на основании того, что за несколько месяцев до опубликования XVI книжки — 1 июня 1784 г. он выступил в заседании уже существовавшей тогда Российской Академии с заявлением, в котором развивались основные положения трактата, помещенного в «Собеседнике». Касаясь спорных вопросов правописания, он предлагал разработать единые правила правописания, подробно рассматривал случаи употребления предлогов после согласных.¹⁴

---

¹⁰ Там же, ч. X, стр. 19—21.

¹¹ Там же, стр. 22—25.

¹² Там же, ч. XII, стр. 208—210.

¹³ Там же, ч. XVI, стр. 71—77.

¹⁴ М. И. Сухомятин. История Российской Академии, вып. II, СПб., 1875, стр. 282—283, 522.

Итак, Лепехину в «Собеседнике» принадлежит семь статей, из которых пять — филологического содержания, а две затрагивают морально-дидактические темы. Конечно, наибольший интерес из них представляют первые пять, показывающие, как смело, не взирая на лица, боролся Лепехин за чистоту русского языка. Не встречая в своих филологических изысканиях понимания и поддержки, часто высмеиваемый, обвиняемый в пуризме и педантизме, Лепехин не оставил своих занятий русским языком, впоследствии с блеском продолжив их в Российской Академии.

Г л а в а 12

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ (1783—1802)

Лепехин принимал непосредственное участие в организации нового научного учреждения — Российской Академии, основанной в Петербурге 21 октября 1783 г. под председательством княгини Е. Р. Дашковой. Российская Академия существовала независимо от Петербургской Академии наук до 1841 г., после чего она была присоединена к последней в качестве Отделения русского языка и словесности.

В 1783 г. Российская Академия состояла из 34 членов. Из них пятеро: Румовский, Лепехин, Котельников, Протасов и Озерецковский — были членами Петербургской Академии наук. Последний со студенческих лет и до конца жизни Лепехина был его неизменным другом и помощником в работе.

С самого основания Академии Лепехин был избран ее непререкаемым секретарем и исполнял эту должность до конца своей жизни. Работа эта была весьма трудоемкой, но он обходился без помощников и без переводчиков. Помимо секретарской работы, участвовал в подготовке коллективных трудов Российской Академии, и прежде всего в собирании материалов для Словаря Российской Академии.¹

---

¹ Словарь Академии Российской, чч. I—VI, СПб., 1789—1794. — В дальнейшем этот словарь будем называть «Словопроизводным» в отличие от изданного позднее «Азбучного словаря Академии Российской».

В одном из первых заседаний Академии — 11 ноября 1783 г. был создан организационный комитет по подготовке к изданию «Словопроизводного словаря», названный «Отделом для начертания правил и порядка в сочинении Российского словаря». В него вошли Лепехин, С. Я. Румовский, Д. И. Фонвизин, Н. В. Леонтьев и митрополит новгородский и санкт-петербургский Гавриил.²

Комитет установил принципы составления «Словопроизводного словаря» и подготовки лексического материала для него.

При распределении работ над словарем были созданы три отдела: «грамматикальный», «издательный» и «объяснительный». Последний отдел был наиболее деятельным и первое время заменял собою другие отделы. Председательницей его была Дашкова, членами — Румовский, Лепехин, Котельников, Озерецковский и Княжнин.

Лексический материал решено было располагать по корням слов. Румовский, Котельников, Лепехин и Протасов приняли на себя объяснения слов, относящихся к наукам, искусствам, ремеслам и промыслам.

Члены объяснительного отдела собирались еженедельно в доме Дашковой, рассматривали предварительные объяснения слов и передавали их Лепехину, который размещал их в листах, утверждаемых потом в общих собраниях Академии.

Работы по составлению словаря продолжались с 1784 по 1794 г. Об участии Лепехина в подготовке словаря сказано в предисловиях к отдельным томам. Так, в предисловии ко II тому сказано, что он «описывал произведения природы, кои в языке нашем имеют свои названия, с кратким показанием употребления оных произведений, также орудия и снасти, в рыбных и звериных промыслах употребляемые; участвовал во всех отделах, собранием Академии назначаемых, и сообщал свои примечания на листы, рассматриваемые в собраниях Академии».

Лепехин участвовал в подготовке всех шести томов «Словопроизводного словаря». Определяя слова, относящиеся к естественным наукам, описывал орудия, употреблявшиеся в различных промыслах. Он широко использо-

---

² А. И. Красовский. Опыт истории императорской Российской Академии с 1783 по 1840 г. ЖМНП, ч. LX, отд. III, 1848, стр. 13—116, цитир. стр. 24.

Портрет Н. Я. Озередковского.

вал народные названия, местные обороты речи, собранные им во время путешествий.

Приведем некоторые определения Лепехина, вошедшие в VI том «Словопроизводного словаря»:

«Табак, *Nicotiana tabacum*. Трава однолетняя, на полях сеемая, имеющая корень мочковатый, стебель вышиною в два фута и более, прямой, круглый, липко-вязкий, нераздельный. Листья большие, попеременно выходящие, величиною в фут и более, разверстые, овально-копьевидные, остроконечные, внизу суженные, сидячие, с обеих сторон гладкие, темно-зеленые, с выдавшимся ребром и жилками светло-зелеными, мшистыми; верхние по стеблю листья бывают меньше; верх стебля занимают цветки, метелкою расположенные; цветочная плюска овально-колокольчатая, вязким пушком одетая, пятиугольная, пятиразрезная, разрезы овально-острые. Цветок однолепестной, наподобие воронки устроенный, липкий; трубка нагбенная, бледно-зеленая, цилиндрическая, длинная, дорожчатая; край расширенный. Собственное отечество произрастения сего есть Америка. Истертый в порошок нюхают его, а изрезанный в лепестки курят. Имеет силу, закружающую голову, рвотную, проносную и чихательную».

«Толокнянка, *Arbutus, uva ursi*. Кустик небольшой, стелющийся по земле, на брусничный весьма схожий; листья у него кругловатые с загнутыми краями, жесткие, толстоватые, малосочные, всегда зеленеющие, сидячие, между коими выходят светло-красные, колокольчатые цветочки, приносящие круглые, мучнистые, безвкусные ягоды. Растет по соснякам северной умеренной части России, употребляется на дубление нежных кож; в врачевании же приписывают листам силу крепительную, гонящую мочу и пригодную для изгнания почечного камня. Ягоды употребляются на крашение».

По окончании в 1794 г. работ по составлению «Словопроизводного словаря» Российская Академия предприняла издание «Словаря, азбучным порядком расположенного». План издания его составил Лепехин. Он же вместе с Протасовым, Румовским, Иноходцевым и Озерецковским вошел в особый комитет по подготовке «Азбучного словаря». Издание было поручено Лепехину, Д. М. Соколову и П. И. Соколову.

К январю 1802 г. уже был подготовлен I том «Азбучного словаря». 18 января 1802 г. Лепехин сообщил в со-

брани Российской Академии, что президент Петербургской Академии наук Николай дал согласие на его печатание в академической типографии, но просит доставить в Канцелярию Академии наук рукопись первых листов для подбора шрифтов и для определения стоимости печатания.³ Однако издание словаря, в связи с болезнью Лепехина, задержалось: I том вышел в свет только в 1806 г.⁴

В 1784 г. Лепехин первым из членов Российской Академии получил золотую медаль, в дальнейшем присуждавшуюся ежегодно тому из академиков, кто «наиболее отличился трудом и пользой».

Много лет Лепехин трудился в Российской Академии бесплатно, но с 1799 г. по предложению Озерецковского ему было установлено жалованье в размере 800 руб. в год.⁵

В конце 1799 г. Лепехину пришлось немало поволноваться в связи с тем, что Павел I, отрицательно относившийся к Академии, решил отнять дом, в котором происходили ее собрания.

Как уже упоминалось выше, Российская Академия с 1786 г. помещалась на Фонтанке, в одноэтажном каменном здании с небольшими флигелями, подаренном ей императрицей. В 1799 г. в Академию был прислан запрос генерал-прокурора Беклешова, нужен ли Академии дом и не может ли он быть отдан генерал-аудитору князю Шаховскому, которому император Павел I обещал пожаловать дом и который избрал именно этот дом. Лепехин по поручению собрания составил ответ, в котором указывал, что в доме проходят собрания Академии, а флигеля сдаются в наем, чем Академия главным образом себя содержит.⁶ Однако это письмо не было принято во внимание, и 3 марта 1800 г. граф Пален сообщил Академии, что император отобрал у нее дом и приказал передать его Придворной конюшенной конторе, а флигель — Военно-сиротскому дому. В виде компенсации летом 1800 г.

³ Архив АН СССР, ф. 8, оп. 1, № 5, лл. 12 об.—13.

⁴ Словарь Академии Российской, азбучным порядком расположенный. СПб., ч. I, 1806; ч. II, 1809; ч. III, 1814; ч. IV, 1822.

⁵ Архив АН СССР, ф. 8, оп. 1, № 1, л. 86 и об.— Таким образом, была восстановлена прибавка к жалованью Лепехина по Петербургской Академии, назначенная ему Дашковой в 1795 г. и отмененная ее преемником на посту директора Академии Бакуниным.

⁶ Там же, № 3, л. 81 и об.

Академии было предоставлено место на Васильевском Острове, в здании, прежде принадлежавшем духовному ведомству. 27 октября 1800 г. состоялось первое собрание Российской Академии в этом новом доме.⁷

По предложению А. Ф. Севастьянова, в 1801 г. было решено поместить в зале академических собраний портрет Лепехина.

Уже в следующем году Лепехина не стало. Но и в последние месяцы своей жизни, тяжело больной, он продолжал посещать собрания Российской Академии и по мере сил участвовать в ее трудах. На посту секретаря в это время его часто заменял П. И. Соколов.

---

⁷ Там же, лл. 140, 149, 177, 214 и об.

Г л а в а 13

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1800—1802)

Последние два года своей жизни Лепехин был тяжело болен водянкой. Болезнь часто мешала ему посещать собрания Российской Академии и Академии наук. Оставаясь дома, он продолжал трудиться над переводом Бюффона и над составлением академических словарей.

Как уже упоминалось выше, ему было предоставлено помещение в доме Российской Академии. В 1800 г., после того как Академия лишилась этого дома, он переехал в небольшой флигель на территории Ботанического сада, специально назначенный для профессора ботаники. Это переселение очень огорчило и обеспокоило его. Оказалось, что при флигеле нет каретного сарая и «приюта для лошадей и прочего домашнего скота». Все это пришлось срочно строить частью за счет Академии, частью за счет самого Лепехина. Кроме того, печи во флигеле, по словам Лепехина, «худы, теплоты не держат и чрезвычайно толсты, пол в спальне худ и не был никогда переделыван».¹ По его просьбе во флигеле был сделан ремонт, побелены «закоптелые стены», вместо развалившегося надворного крыльца сделана «галерейка на трех саженьях». Но, несмотря на эти поправки, последнее жилище Лепехина было неудобным и тесным, и, конечно, он чувствовал себя в нем совсем иначе, чем в комфортабельном доме Российской Академии.

---

¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 574, лл. 481 об -482, 675 и об.

Это не мешало ему, однако, продолжать научную работу, которой он занимался буквально до самого последнего дня своей жизни.

7 апреля 1802 г. чрезвычайное собрание Российской Академии заслушало «печальное возвешение о кончине достойного члена и неперменного российской Академии секретаря, статского советника и кавалера Ивана Ивановича Лепехина, воспоследовавшей в 6-й день сего апреля, мужа, отличными своими познаниями и творениями великую пользу отечеству принесшего, в ученом свете увядаемую славу снискавшего, а добродетелями своими любовь и почтение от всех приобретшего, который, кроме обязанностей, со званием неперменного секретаря сопряженных, ревностно участвовал во всех упражнениях Академии и тем вспомоществовал к усовершенствованию общих ее трудов. Чувствуя всю цену и важность сей потери, все присутствующие господа члены почтили память его изъявлением сердечного своего прискорбия и сожаления».²

Президент Российской Академии А. А. Нартов объявил собравшимся, что он берет на себя хлопоты о назначении пенсии вдове Лепехина Варваре Степановне, оставшейся без всяких средств к существованию.

Вдове было выдано жалованье Лепехина по Российской Академии за два месяца. 11 апреля император Александр I назначил ей пожизненную пенсию в размере половинного жалованья ее мужа.³

21 апреля 1802 г. по предложению президента Академии наук Николаи было решено «в знак признательности Академии к покойному за отличные его, с пользою и честью ею сопряженные труды и за особую ревность, с коюю он разные проходил по Академии должности и многие годы без всякого возмездия управлял Академическою гимназиею, употребляя всевозможное старание к лучшему преуспению и образованию воспитывающегося юношества, выдать вдове из экономической суммы годовое его жалованье».⁴

Лепехина похоронили 8 апреля 1802 г. на Волковом кладбище. О родных его известно лишь немного. У него был сын Пармен. С 1792 г. он обучался в Академической

² Там же, ф. 8, оп. 1, № 5, лл. 79—80.

³ Там же, л. 87 об., л. 92.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, № 578, лл. 382 об.—383.

Иван Иванович отставной капитан
Александрович Тимуров в 1751 году. (не помню
его имени, но он участвовал в делах) по случаю чего
был уволен в отставку и находился:

17... в отставке в г. Идель

1762. в Армии. отслужив в г. Кавказе
уволен был.

1767. май 5. в отставке в г. Кавказе
уволен был в отставку.

В 1768. году в отставке в г. Кавказе
и в 1769. году в отставке в г. Кавказе
и в 1770. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1771. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1772. году отслужив в отставке в г. Кавказе

3) В 1772. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1773. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1774. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1775. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1776. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1777. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1778. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1779. году отслужив в отставке в г. Кавказе
и в 1780. году отслужив в отставке в г. Кавказе

гимназии, в 1795 г. оставил учение из-за какой-то продолжительной болезни.⁵ Совсем еще ребенком, двенадцати лет от роду, он опубликовал в «Новых ежемесячных сочинениях» за 1795 и 1796 гг. около десяти переводов с немецкого, французского и латинского языков. Многие из них имеют отношение к естественным наукам — «Разыскание К. Линнея о различном поле произрастений», «Об овечьей шерсти», «О шпанских мухах, в Сицилии собираемых», «О тюльпане»; другие — поучительного или философского содержания: «О препятствиях учености», «Напоминание о скоротечности времени». Нет сомнения, что отец помогал мальчику в выборе статей и поправлял его переводы.

Шестнадцать лет Пармен Лепехин перевел с французского языка книгу по античной мифологии.⁶ Этот «юношеский, но посильный труд», — как писал он в предисловии, — предназначался для учащихся. Книга была отпечатана в Академической типографии в количестве 610 экземпляров. Конечно, и в переводе этой книги ему помог отец, подаривший один экземпляр ее Российской Академии в октябре 1801 г. «для приумножения академического книгохранилища» вместе со своей книгой: «Способы к отвращению в рогатом скоте падежа».⁷

В дальнейшем столь удачно и рано начатая научная деятельность Пармена Лепехина прекратилась. Неизвестно, была ли тому причиной утрата отца, или собственная усилившаяся болезнь, но он более ничего не печатал, а поступил регистратором в Сенат и имел чин титулярного советника.

После смерти Лепехина друзья и ученики позаботились об увековечении его памяти. Был создан проект памятника, который хотели установить на его могиле. Н. Я. Озерецковский написал надгробную надпись в стихах⁸ и краткую биографию Лепехина, в которой писал: «Неблагодарен бы я был, стыдно бы мне было, когда бы

⁵ Там же, № 564, л. 56 об.; № 567, л. 133.

⁶ Мифология, или история языческих богов, полубогов и славнейших в языческой древности ироев, предложенная с французского языка Парменом Лепехиным. СПб., при императорской Академии наук, 1799, 111 стр.

⁷ Архив АН СССР, № 572, л. 641 и об.; № 573, л. 272 об.; № 575, л. 260; ф. 8, оп. 1, № 4, л. 167 и об.

⁸ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. II, СПб., 1875, стр. 298—299.

позабыл Лепехина, с которым одинакое нес бремя, видел труды его, имел в нем благодетеля и друга. Ему вместо памятника благодарности моей посвящаю сие краткое жизни его начертание».⁹

Благодаря жизнеописанию В. А. Поленова мы можем составить некоторое представление о характере и личных свойствах ученого: «Добрый семьянин, верный друг, Лепехин и в частной жизни пользовался общей любовью и уважением. В обхождении был приветлив, в разговорах скромнен; не чуждался приятельской беседы, но любил говорить больше о предметах ученых, смягчая кстати важность их веселыми рассказами о приключениях, которые случались с ним во время странствий...»¹⁰

Мы изучили деятельность И. И. Лепехина, крупного русского ученого и просветителя XVIII в. Велика его роль как неутомимого путешественника, объехавшего и исследовавшего огромные территории малоизвестных в то время окраин России, но не менее важны его заслуги в деле популяризации и практического применения научных познаний. Для него характерно стремление поставить науку на службу человечеству, и он с неизменным энтузиазмом старался это осуществлять в самых различных областях — и в медицине, и в ветеринарии, и в прикладной химии. Более, чем кто-либо другой из русских академиков того времени, интересовался он проблемами сельского хозяйства и промышленности. Вместе с тем этот разносторонне образованный человек был также и педагогом, литератором, переводчиком, лексикографом, издателем журналов.

Вся жизнь Лепехина была связана с Петербургской Академией наук. Он немало сделал для организации и укрепления различных ее учреждений. В XVIII в. он являлся одним из наиболее выдающихся и славных ее деятелей.

---

⁹ Н. Я. Озерецковский. Жизнь И. И. Лепехина. Журнал департамента народного просвещения, № VI, СПб., 1822, стр. 281—288.

¹⁰ В. А. Поленов. Краткое жизнеописание И. И. Лепехина. Труды Российской Академии, СПб., 1840, стр. 212.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРУДОВ

Список сочинений И. И. Лепехина печатается впервые. В нем, кроме печатных работ, учтены рукописи и такие работы, местонахождение которых до настоящего времени установить не удалось. Принадлежность последних Лепехину установлена по архивным данным. Учитывая особенный характер переводов XVIII в., а именно то, что они часто являются как бы переложением подлинников с присоединением собственных высказываний переводчика, переводы, выполненные Лепехиным, здесь не отделяются от его собственных сочинений.

Конечно, этот список нельзя считать исчерпывающим, так как многие свои труды, особенно в «Новых ежемесячных сочинениях» и других русских журналах, Лепехин публиковал без подписи, и авторство его в ряде случаев установить невозможно.

Печатные работы помещены в хронологическом порядке под теми годами, когда они были опубликованы, хотя некоторые из них были выполнены и представлены в Академию раньше. Рукописные сочинения помещены под теми датами, когда они были представлены в Академию.

По объему наш список значительно превышает списки трудов Лепехина в библиографических указателях Академии наук (В. П. Шемиота) 1872 и 1875 гг., в «Исторических разысканиях о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» А. Н. Неустроева, а также в работах современных авторов; он содержит 61 название.

1765

1. *Plantae Alsaticae, quae in flora Ingrica non inveniuntur.* [Эльзасские растения, которые отсутствуют во флоре Ингрии].

Рукопись. Хранится в Архиве АН СССР (ф. 1, оп. 2 — 1765, № 6). Написана в феврале 1765 г. Представлена Академическому Собранию 13 июня 1765 г.

1766

2. *Specimen de acetificatione.* [Сочинение о производстве уксуса]. Argentorati, 1766.

Докторская диссертация И. И. Лепехина, напечатанная в Страсбурге.

1768

3. [Лечебник]. Рукопись, содержащая описание 29 растений, применяемых в народной медицине. 1768—1772. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 30, № 4, лл. 1—7 об.

1770

4. *Descriptio quorundam animalium*. [Описание некоторых животных]. «*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. XIV, 1770, ч. 1, стр. 498—511, summ. стр. 44—45.

Представлено Академическому собранию 15 марта 1770 г.

Описание животных, открытых Лепехиным во время путешествия.

1771

5. [Материалы к «Флоре Урала»].

Рукопись. 1771 г. Архив АН СССР, р. IV, оп. 1, № 796, лл. 1—6. Перечень 235 уральских растений с краткими примечаниями.

6. О рже, или медяной росе. «Труды Вольного экономического общества, к поощрению в России земледелия и домостроительства», 1771, ч. XVII, стр. 96—105.

Подпись: «И. Л.».

7. *Descriptiones avium*. [Описания птиц].

«*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. XV, 1771, ч. 1, стр. 485—493. Summ. стр. 138—139.

Представлено Академическому собранию 12 ноября 1770. Описано два вида птиц.

8. Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768, 1769, 1770, 1771, и 1772 гг.

4 части. СПб., 1771—1805 с таблицами и картами.

Ч. I. 1768 и 1769. 1771. с 23 гравир. таблицами. Вторым тиснением. 1795.

Ч. II. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. 1772 с 11 гравированными таблицами. Вторым тиснением. 1802.

Ч. III. Продолжение записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 г. 1814. VI + 376 стр. с 18 гравир. таблицами.

Ч. IV. Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 г. 1805. 458 стр. с 3 гравир. картами (изд. Н. Я. Озерецковского).

Переведено на немецкий язык пастором Х. — Г. Газе под заглавием: *Herrn Ivan Lepetchin der Arzneikunst Doctor und der Akademie der Wissenschaften zu Petersbourg Adjunctus Tagebuch der Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches*. [Господина Ивана Лепехина, доктора медицины и адъюнкта Петербургской Академии наук Дневник путешествия по различным областям русского государства. Т. 1—3, Альтенбург, 1774—1783.

В выдержках опубликовано в Швейцарии на французском языке с иллюстрациями: «*Histoire des decouvertes faites par divers savans*

voyageurs dans plusieurs contrées de la Russie et de la Perse relativement à l'Histoire civile et naturelle, à l'Economie rurale, au commerce etc». [История открытий, сделанных различными учеными путешественниками во многих областях России и Персии, в отношении истории гражданской и натуральной, сельского хозяйства, торговли и т. д.]. Тт. 1—2, Лозанна, 1784.

1772

9. De Hermaphrodito ad sexum virilem pertinente. [О гермафродите, относящемся к мужскому полу]. «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. XVI, 1772, стр. 525—530. Summ. стр. 44—45.

Описание гермафродита, обнаруженного во время рекрутского набора в Верховажском уезде Архангельской губернии.

1773

10. Plantae circa Wytepscum crescentes [Растения, растущие около Витебска]. Список растений, растущих около Витебска, посланный Лепехиным в Академию наук из Риги 28 авг. 1773 г. Хранится в Архиве АН СССР. Опубликовано В. П. Тарановичем: Экспедиции И. И. Лепехина в Белоруссию в 1773 г. Архив истории науки и техники, вып. 5, 1935, стр. 561—565. Содержит 412 названий.

1774

11. Cyclopterus lineatus. «Novi Commentarii Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae», стр. 522—525. Summ. стр. 48.

Описание рыбы, открытой Лепехиным в Белом море.

12. Descriptio piscis, e gadorum genere, Russis Saida dicti. [Описание рыбы из рода *Gadi*, называемой по-русски «сайда»]. «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. XVIII, 1774, стр. 512—521. Summ. стр. 48.

Описание рыбы, открытой Лепехиным в Белом море.

1775

13. Quattuor fucorum species. [Четыре вида водорослей]. «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. XIX, 1775, стр. 476—481. Summ. стр. 56. Описание четырех пород туры, или морской капусты, найденной в Кандалакшской губе.

1778

14. Phocarum species. [Виды тюленей]. «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. I, ч. I, 1778, стр. 257—266.

Описание двух видов тюленей, которые встречаются в Белом море.

1780

15. Подтверждение лекарственных сил сибирской травы.

Месяцеслов с наставлениями на 1780 г.

Без подписи. Авторство Лепехина установлено С. М. Громбахом.

16. Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее Императорского величества в Белорусские наместничества. СПб., 1780.

Без подписи. Авторство Лепехина установлено В. П. Семенниковым.

17. Tres oniscorum species. [Три вида мокриц]. «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. II, ч. I, 1780, стр. 247—250.

Описание трех видов ракообразных, которые встречаются в Белом море.

1781

18. Novae pennatulae et sertulatoriae species. [Новые виды Pennatula и sertularia]. «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», ч. II, 1781, стр. 136—138.

1782

19. О домашних средствах, простым народом в болезнях употребляемых. Месяцеслов с наставлениями на 1782 г., стр. 53—78; на 1783 г., стр. 102—138. Перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1792, ч. IX, стр. 335—385.

20. Общее землеописание Империи. Совместно с Румовским, Палласом, Георги.

Рукопись представлена Лепехиным Академическому собранию в 1782 г. Местонахождение рукописи неизвестно.

1783

21. Sertulariae species duae determinatae. [Описание двух видов Sertularia]. «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», ч. I, 1783, стр. 223—225. Описание двух видов гидроидных полипов.

22. Casus aegroti colicam ventriculi mentiens et a deglutita squama ossea acipenseris ortus. [Случай ошибочного диагноза: колика желудка; на самом деле больной подавился костяной чешуйкой осетра]. Представлено Академическому собранию 3 апреля 1783.

23. Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений в Собрании Санкт-Петербургской Имп. Академии наук 1783 г. 11 марта предложенные Иваном Лепехиным. СПб., 1783, 30 стр. 11 изд.: «Новые ежемесячные сочинения», ч. CVII, 1795, май, стр. 23—66.

То же на французском языке: Peflexions sur la nécessité d'étudier la vertu des plantes indigènes. «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. I, 1787, стр. 83—110.

24. О правописании слова «Драма». «Собеседник любителей российского слова», ч. I, 1783, стр. 109—111.

25. Послание к господам издателям «Собеседника» от Любова слова.

Там же, ч. II, стр. 106—117.

26. Сумнительные предложения господам издателям «Собеседника» от одного невежды, желающего приобрести просвещение.

Там же, ч. IV, стр. 11—26.

27. Начертание о российских сочинениях и российском языке. Там же, ч. VII, стр. 142—150.

28. Письмо к издателям «Собеседника» от Иоанна Приимкова. Там же, ч. X, стр. 19—21.

1784

29. Письмо к издателям «Собеседника» от Архангелогородской кумы. Там же, ч. XII, 1784, стр. 208—210.

30. Мнение о разделении согласных букв в рассуждении произношения перед ними «з» и «с» и о правописании по сему разделению. Там же, ч. XVI, стр. 71—77.

31. *Iris Güldenstaediana*. «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», ч. I, 1785, стр. 292—294.

Описание растения, выращенного в Академическом ботаническом саду.

1786

32. И.-Ф. Га к м а н. Повествование о селениях греческих, лежащих по берегам Черного моря. Месяцеслов исторический и географический на 1786 г., стр. 17—44.

Перевод с немецкого И. И. Лепехина.

33. К. Г е р м а н. Краткое описание Тобольского наместничества. Месяцеслов исторический и географический на 1786 г., стр. 45—102; на 1787 г., стр. 1—17. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов, СПб., 1790, ч. VI.

Перевод И. И. Лепехина.

34. Д ж. А л ь с т р е м е р. О породе овец, приносящих мягкую волну. Перевод И. И. Лепехина. (Из Актов Стокгольмской академии). «Новые ежемесячные сочинения», 1786, ч. III, сентябрь, стр. 24—65; 1787, июнь, ч. XII, стр. 39—51; 1787, ч. XIII, июль, стр. 33—46; ч. XIV, август, стр. 36—51; 1787, ч. XV, сентябрь, стр. 3—31.

35. Описание сельдяного ходу, как и когда сельдей ловят; каким образом приготавливают и солят, и где оными отправляется торг. — «Новые ежемесячные сочинения», 1787, ч. VIII, февраль, стр. 28—56; 1787, ч. IX, март, стр. 30—46.

36. *Nova species mentae* [Новый вид мяты]. «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», 1783, т. I, 1787, стр. 336—338.

В переработанном и расширенном виде опубликовано на русском языке: Мята Патреинова. Академические сочинения, выбранные из I т. Деяний Императорской Академии наук. ч. I. СПб., 1801, стр. 62—66.

37. Описание городов Нижегородского наместничества. Месяцеслов исторический и географический на 1787 г., стр. 42—63.

38. Краткое известие о Симбирском наместничестве. Месяцеслов исторический и географический на 1787 г., стр. 63—74.

39. Расстояния городов, сел и деревень по дороге от Симбирска до Кизляра. Месяцеслов исторический и географический на 1787 г., стр. 75—79.

40. А.-Г. М о н н е. Рассуждение о горах и вообще о почвах, содержащих в себе металлические руды, удостоенное награждения от Мангеймской Академии в 1785 г. Перевод И. И. Лепехина. —

«Новые ежемесячные сочинения», 1787, ч. XVIII, декабрь, стр. 50—72; 1788, ч. XXI, март, стр. 36—52; 1788, ч. XXII, апрель, стр. 79—99.

1789

41. Словарь Академии Российской, чч. I—VI. СПб., 1789—1794. Лепехину в этом словаре принадлежат все определения слов, относящихся к естественным наукам.

42. Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона, преложенная с французского языка на русский. СПб., 1789—1808, т. I, пер. И. Лепехина и С. Румовского. СПб., 1789; т. VI, 1792, пер. и прим. И. И. Лепехина; т. VI, 1801, пер. и прим. И. И. Лепехина; т. VII, 1802, пер. и прим. И. И. Лепехина; т. VIII, 1804, пер. и прим. И. И. Лепехина, изд. А. Севастьянова; т. IX, 1806, пер. и прим. И. И. Лепехина, изд. А. Севастьянова; т. X, 1808, пер. и прим. И. И. Лепехина, изд. А. Севастьянова.

1790

43. Описание Акулы. «Новые ежемесячные сочинения», 1790, ч. XLVII, май, стр. 31—47.

44. Notice historique sur la langue et écriture syrainique, communiqué par M. le cons. de cour Lepechin à l'ossasion de l'inscription ancienne en cette langue deterrée par M. Fries.

[Историческая заметка о языке и письменности зырян, сообщенная господином надворным советником Лепехиным по случаю открытия господином Фризом древней надписи на этом языке]. «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. VI, 1790, стр. 32—34.

1795

45. *Allium medium*. [Чеснок средний]. Рукопись 1795 г. Место-нахождение рукописи неизвестно.

46. *Varietas Acipenseris stellati*. [Разновидность *Acipenser stellatus*]. «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. IX, 1795, Hist. стр. 35—38.

47. Описание средней орды киргиз-кайсаков. «Новые ежемесячные сочинения», 1795—1796.

Пер. И. И. Лепехина.

1796

48. (Отзыв о книге М. И. Антоновского «Новейшее повествовательное землеописание»). Рукопись. Хранится в Архиве АН СССР. Представлена Академическому собранию 20 октября 1796 г. Опубликовано: М. И. Сухоминов. История Российской Академии, вып. 2, 1785, стр. 234—243.

1797

49. *Polygoni species nova*. [Новый вид растения *Polygonum*]. «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. X, 1797, стр. 414—416. Представлено Академическому собранию 11 февраля 1796.

Описание растения, выращенного в Академическом саду.

50. О разделении народов Мунгальского поколения. Перевод из сочинений Палласа. Месяцеслов исторический и географический на 1797 г., стр. 51—83.

1798

51. *Senecionis species nova*. [Новый вид *Senecio*]. «*Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. XI, 1798, стр. 400—402. Представлено Академическому собранию 16 марта 1797.

Описание растения, выращенного в Академическом саду.

52. *Epilobii species nova*. [Новый вид *Epilobium*]. «*Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. XI, 1798, стр. 370—371. Представлено Академическому собранию 15 сентября 1796 г.

Описание растения, выращенного из семян в Академическом саду.

53. Краткое руководство к разведению шелка в России. СПб., 1798, Подпись: «И. Л.»

1800

54. Способы к отвращению в рогатом скоте падежа и средства, к излечению сея болезни служащие. СПб., 1800, 52 стр.

55. *Turpha Laxmanni*. «*Nova Acta Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae*», t. XII, 1801, стр. 335—336. Представлено Академическому собранию 15 марта 1798 г.

Описание растения, найденного Лаксманом на болотах Забайкальской Сибири.

56. Об удобности китового промысла в России.

Академические сочинения, выбранные из первого тома Деяний Императорской Академии наук под заглавием: «*Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», ч. I, 1801, стр. 217—255.

57. *Alca camtschatica*. «*Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. XII, 1801, стр. 369—371.

Представлено Академическому собранию 11 октября 1798.

Описание птицы.

58. О рыбе железнице.

Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям, № 27. Ученые известия, 1802, стр. 5—6.

Прибавление к Технологическому журналу, ч. II, 1806, стр. 183—189.

1804

59. О жостере, или придорожной иголке [*Rhamnus catharticus* Linn].

«Технологический журнал, или Собрание сочинений и известий, относящихся до технологии», т. I, ч. I, 1804, стр. 25—37.

1805

60. *Symphiti asperi nova species*. [Новый вид *Symphitum asperum*]. «*Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. XIV, 1805, стр. 442—444.

Представлено Академическому собранию 20 января 1802.
Описание растения, выращенного в Академическом саду.

1827

61. *Cheiranthus Tauricus*. «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. XIII, 1827, стр. 336—338.

Представлено Академическому собранию 1 апреля 1799.
Описание растения из коллекции академика Зуева.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аллиони К.** 131.
Альстремер Дж. 160, 161, 195.
Амвросий 128.
Амман И. 127, 148.
Антонов Семен 150, 152.
Антоновский М. И. 118, 196.
Аргунов 130.
Арендс Иван 154.
Арнольд 156.
Артемов Иван 154.
Астапов 93.
Аш Ф. 135.
- Байбаков Филимон** 154.
Бакмейстер Г.-Л.-Х. 110, 129, 149.
Бакунин П. П. 93, 120, 121, 141—143, 145, 184.
Батманов Михайло 34, 37.
Безбородов Иван 33.
Бейкель Вильгельм 108.
Беккер 23.
Беклемишев А. А. 184.
Бекман И. 55.
Беляев 27.
Биберштейн Фридрих Маршалл фон 96, 116.
Бикмурзин Исмет 25.
Биллингс И. 129.
Богдадский Евграф 154.
Богданович И. Ф. 176, 177.
Болховитинов Е. А. (Евгений) 175, 176.
Боль Григорий фон 154.
Бон Г.-И. фон 127.
Браун И.-А. 9, 10.
Бреверн Карл фон 127.
Буланов Петр 152.
Бурман И. 131.
- Буссе И.-Г.** 152.
Бухвостов Василий 154.
Бюффон Ж.-Л.-Л. 6, 162—174, 186.
Бюшинг А.-Ф. 55.
- Васильев С.** 155.
Величковский Дмитрий 154.
Веселов Федор 33.
Вестус Ю. 23.
Вильденов К.-Л. 55.
Волков Б. А. 9.
Вольф Карл 153.
Вольф К.-Ф. 125, 126, 128, 132, 153.
Вольф Христиан 10.
Вяземский А. А. 129.
- Габлиц К. И.** 130, 131.
Гавриил 117, 182.
Гаевская Н. С. 90.
Газе Х.-Г. 53, 54, 192.
Гакман И.-Ф. 160, 195.
Галченков Дмитрий 154.
Гвоздев Степан 152.
Гебенштрейт И.-Х. 127, 128, 137.
Гейнц Ф. 135.
Георги И.-Г. 115, 121—126, 160, 193.
- Герасимов Андреян** 154.
Герасимов Н. 149.
Гердес И. 135.
Герман Б.-Ф. 159.
Герман И. 15.
Герман К. 118, 160, 162.
Гертнер И. 128, 137, 147.
Геснер И. 15, 18.

- Гильдебрандт 130.
 Гильденштедт Д.-И.-А. 24, 54, 91, 92, 96, 110, 115, 117, 123, 129, 131, 132.
 Гинц Егор 154.
 Гинц Лев 154.
 Гинц Петр 136.
 Гиппократ 60.
 Глазунов И. 118.
 Глаубер И.-Р. 22.
 Гмелин И.-Г. 127, 137, 148, 152.
 Гмелин И.-Ф. 55.
 Гмелин С.-Г. 24, 54, 123, 128, 129, 162.
 Голиков 85.
 Голицын Д. П. 16, 17.
 Головин М. Е. 126.
 Головцын Е. А. 28—32, 34—42, 80, 96.
 Горбатый Филипп 36.
 Горихвостов Дмитрий 139.
 Горюшков Иван 30, 41, 89, 110.
 Грассман Г.-Л. 159.
 Григорьев Василий 150.
 Григорьев Константин 154.
 Григорьев Павел 154.
 Громбах С. М. 61, 98, 193.
 Гроссман Фридрих 155.

 Дашкова Е. Р. 123—125, 134—136, 138—141, 148, 151—154, 156, 157, 164, 175, 178, 181, 182, 184.
 Дейнека Федор 153.
 Дементьев Николай 154.
 Демидов П. А. 129.
 Демидовы 31, 59.
 Демин Петр 154.
 Денисов Дмитрий 43.
 Деодат Петр 154.
 Державин Г. Р. 176, 177.
 Дерусси И. 135, 137.
 Дидрих Фридрих 154.
 Долгой Варлам 37.
 Домашнев С. Г. 96, 115, 126, 149—151.
 Досифей 30.
 Драве Иоганн Кашпар 140, 141, 144.

 Евгений см. Болховитинов
 Егоров Василий 154.
 Екатерина II 110, 124, 135, 175, 176, 178, 179.

 Эстерман см. Эстерман Генрих
 Жильбер Жан-Эмануэль 117.
 Жуков Михаил 152, 154.
 Жулковский Н. Д. 119.

 Звягин Д. М. 33.
 Зубов Илья 30, 37.
 Зуев В. Ф. 96, 110, 115, 124, 129, 130, 198.

 Иберкамф Е. 150.
 Иванов Н. Д. 142—144.
 Ивашев Николай 154.
 Иериг 130.
 Иноходцев П. Б. 110, 115, 121, 139, 146, 158, 183.
 Ипей А. 118.
 Иппократ см. Гиппократ.
 Исаев Мина 117.
 Исаев Николай 154.
 Исленьев Николай 154.

 Кайгородов 144.
 Канаев И. И. 7.
 Капнист В. В. 176.
 Карл V 108.
 Карякин Иван 150, 151, 156.
 Кельрейтер И.-Т. 15, 18, 128, 131, 137, 162.
 Кеппен П. 55.
 Кесарев Иван 154.
 Кин 150.
 Клевецкий А. 154.
 Ключников 40.
 Книпович Н. М. 85, 87.
 Князев Г. А. 7.
 Княжнин Я. Б. 155, 182.
 Коде А. И. 139.
 Коде Иван 128, 129, 134, 136—139.
 Козицкий Г. Н. 10.
 Коломбус 153.
 Кондратьев 153.
 Кононов А. К. 123.
 Константинов А. А. 124.
 Котельников С. К. 9, 10, 121, 125, 126, 149, 181, 182.
 Котлов Алексей 33.
 Котлов Василий 33.
 Котлов Яков 33.
 Кох И. 47.
 Крамер К. 23.
 Красовский А. И. 154, 182.

- Красовский В. И. 154.
 Крафт Г.-В. 110, 123, 126, 151, 152.
 Крашенинников С. П. 9, 127.
 Крестинин В. В. 118.
 Кувакин Иван 154, 155.
 Кузванов Андрей 40.
 Кулябко Е. С. 9, 10.
 Куприянов Николай 154.
 Лагус В.-Г. 130.
 Ладыгин 122.
 Лаксман А. 94.
 Лаксман Эрик (Кирилл Густавович) 94, 95, 115, 122, 123, 125, 126, 130, 132, 197.
 Ламбухин 38, 39.
 Лампе Х.-Г. 156.
 Латкин Ларнон 29, 31.
 Латкин Петр 29, 30, 31, 37.
 Лебедев Андрей 25, 33, 42.
 Лебедев Д. М. 70.
 Лексель А.-И. 124, 126.
 Леман И.-Г. 10—12.
 Лепехин И. С. 8.
 Лепехин П. И. 187, 188.
 Лепехина В. С. 146, 187.
 Летюхин Григорий 154.
 Линней Карл 14, 15, 55, 82, 90, 92, 98, 99, 103, 168—170, 189.
 Литцман А. 135.
 Лобштейн И.-Ф. 13—16.
 Лозин Андрей 29, 30.
 Ломоносов М. В. 9, 10, 17, 124, 149.
 Лоренц Ж.-М. 13.
 Лукиан Самосатский 159.
 Лукьянов П. М. 64.
 Львов Ф. П. 162.
 Любецкой Н. 150.
 Любименко И. И. 17.
 Людовик XIV 119, 120.
 Людовик XV 119.
 Магеллан И.-Г. 131.
 Майер 49, 93, 94, 164, 165.
 Майков Л. Н. 176.
 Макеев Павел 154.
 Малле П.-А. 159.
 Мальгин Глеб 154.
 Мальгин Т. С. 25, 29, 37, 42, 43, 45, 46, 122, 123.
 Мальшев Алексей 154.
 Мальшев Иван 150.
 Мапп М. 90.
 Марков Дмитрий 38, 39.
 Масанов И. Ф. 176.
 Маслаковский Василий 154.
 Маслов А. Г. 139.
 Медведев Иван 37.
 Мельгунов А. П. 109.
 Меринг П.-Г.-Г. 131, 132.
 Мерлин Андрей 154.
 Мерлин Густав 154.
 Миль 39.
 Михайлов Константин 154.
 Михайлов Михаил 154.
 Михайлов Николай 154.
 Модерах К.-Ф. 9.
 Монне А.-Г. 161, 195.
 Моннер см. Монне.
 Мордвинов 114.
 Мусин-Пушкин А. А. 130.
 Нагаткин 125.
 Нартов А. А. 187.
 Наумов Н. А. 104.
 Некрасова В. Л. 127.
 Немних Филипп Андреас 116.
 Никифоров Григорий 155.
 Никифоров Роман 30, 37.
 Николаев Терентий 29, 35.
 Николаи А. Л. 142—146, 165, 187.
 Новак Виктория 150.
 Новак Франц 150.
 Новиков Н. И. 49.
 Новосильцев Никита 156.
 Обернибесов Максим 35, 38, 39.
 Озерецковский Н. Я. 25, 28—31, 33—35, 37, 42, 43, 45, 46, 50, 80, 116, 118, 122—124, 126, 153, 181—185, 192.
 Озерецковский П. Я. 153.
 Окатов Иван 29, 31.
 Орлов В. Г. 47, 128, 139.
 Орлов Г. Г. 20.
 Павел I 184.
 Павлов Антон 154.
 Пален П. А. 184.
 Паллас П.-С. 24, 26, 54, 110, 114, 115, 117, 123—126, 129, 131, 160, 162, 193, 197.
 Панин Н. И. 134.
 Пастер Луи 22, 23.

- Пастухов 153.
 Патрен М.-Л. 92, 129, 132.
 Пашкевич И. 153.
 Петров Павел 154.
 Петров Семен 154.
 Петров Федор 136.
 Пехтерев 40.
 Пецольд Иоганн Готфрид 47, 49, 129.
 Поленов А. Я. 11, 12, 152.
 Поленов В. А. 152, 190.
 Поленов Ф. А. 152.
 Польшман 150.
 Полянский Антон 154.
 Попов Н. И. 9.
 Призинг 146.
 Приемков Иоанн 179, 195.
 Протасов А. П. 10, 12—14, 17, 31, 124—126, 149, 151, 181—183.
 Протопопов Иван 154.
 Пуль Карл 141.
 Пустошной Иван 33.
 Пфеффингер И. 13—15.
 Пшеничкин 179.
Разумовский А. К. 146.
 Разумовский К. Г. 9.
 Райков Б. Е. 7.
 Раков Василий 30, 37.
 Расторгуев Дмитрий 29, 31.
 Расторгуев Петр 39.
 Ржевский А. А. 31.
 Ридель Карл 154, 156.
 Рихтер Г. Д. 70.
 Рогушин Федор 33.
 Розенкранц К. 135.
 Роммель Иоганн 156.
 Российский Д. М. 23.
 Ротбёл Х. 131.
 Румовский С. Я. 9, 35, 115, 120, 121, 124—126, 149, 151, 164, 175, 181—183, 193, 196.
 Рупрехт Ф. И. 147, 148.
 Рычков Н. П. 54, 107.
 Рюдингер Шарль Август 122.
 Самойлов А. Н. 120.
 Сахаров 123.
 Свистунов Доримедонт 155.
 Севастьянов А. Ф. 165, 166, 185, 196.
 Севергин В. М. 123.
 Селянинов Матвей 33.
 Семенников В. П. 110, 124, 193.
 Семенов Матвей 37.
 Сенковский Ф. 154.
 Сигезбек И.-Г. 127.
 Сидоров Варлаам 45.
 Сидоровский Иван 154.
 Скополи Дж.-А. 131.
 Смеловский Т. А. 146, 147.
 Смирнов Андрей 29, 35.
 Соболевский Г. Ф. 142.
 Соколов Д. М. 156, 183.
 Соколов Иван 154.
 Соколов Н. П. 114, 123.
 Соколов П. И. 156, 183, 185.
 Стеллер Г. 82, 85, 148.
 Стефан 112.
 Страхов И. И. 153.
 Судаков Михаил 154.
 Суслов Андрей 34.
 Сухановы 77.
 Сухомлинов М. И. 6, 8, 9, 11, 12, 17, 55, 59, 82, 120, 164, 179, 189, 196.
Таранович В. П. 6, 41, 46, 193.
 Тарасов Харлампий 28, 30, 35.
 Татариннов А. И. 135.
 Тауберт И. И. 17, 149.
 Тацит Публий Корнелий 13.
 Тереховский М. М. 142.
 Торстензон Генрих 154.
 Трамбле (Трамблей) А. 168.
 Триниус К. А. 148.
 Турчасов Петр 29, 30, 31, 36, 41, 87, 109.
 Угрюмов Василий 154.
 Унгебауер Андрей 154.
 Унгер И. 135.
 Уразметов Бурханей 27.
Фальк И.-П. 24, 26, 123, 129.
 Федоров Анатолий 154.
Федоров Николай 154.
 Федорович Г.-Ф. 10.
 Федотьев Филипп 25, 30, 33, 35, 37, 42, 43, 129.
 Фейерейзен Карл 141, 142, 144.
 Фишер И.-Э. 9, 10, 149.
 Флавий Иосиф 159.
 Фомин А. И. 65, 118.
 Фомин Илья 33.
 Фонвизин Д. И. 182.
 Фотергиль Дж. 123.

- Фрадкин Н. Г. 6, 24.
Фриз Яков де 112, 113, 121, 196.
Фуке Анри 116, 117.
Фус Н. И. 126, 151.
- Хвостов 150.
- Цицерон Марк Туллий 10, 13.
Цопф Вильгельм 22.
- Чернихин В. Н. 144, 146.
Черный Федор 154.
- Шалауров Михайло 25, 37, 42, 43, 49, 150—154.
Шарпантье 150.
Шаховской Н. Л. 184.
Шелехов 85.
Шенинг (Шенниг) Иоанн 9.
Шемиот В. П. 191.
Шёпфлин И.-Д. 13.
Шипунов Киприан 154.
Шмидт 181.
- Шмидт Карл 154.
Шпильман Я.-Р. 12, 18, 20, 23, 131.
Шрамм И. 135.
Штелин Я. Я. 17, 115, 126.
Штриттер И.-Г. 149, 150.
Шуберт Ф. И. 154.
Шувалов П. И. 109.
Шульц И. 150.
Шурер Я.—Л. 13, 14.
- Эйлер И.-А. 26, 35, 37, 38, 41, 46, 94, 126.
Эйлер Карл 150.
Эйлер Леонард 126, 155.
Эйлер Леонгард 155.
Эстерман Генрих 9.
- Языков Д. И. 55, 59.
Ямышев У. 27.
Янсон Иоган 154.
Ян Семен 155.
Ярысов Иван 25.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	5
Глава 1. Годы учения в Академической гимназии и в Академическом университете (1751—1762)	8
Глава 2. Занятия в Страсбургском университете (1762—1767)	11
Глава 3. Сочинение о производстве уксуса (1766)	20
Глава 4. Оренбургская, северная и лифляндская экспедиции (1768—1773)	24
Глава 5. «Дневные записки» путешествия (1768—1772)	47
Глава 6. Обзор работ по естествознанию, медицине, ветеринарии, географии, истории	82
Глава 7. Деятельность в Академическом собрании (1774—1802)	114
Глава 8. Управление Ботаническим садом Академии наук (1774—1802)	127
Глава 9. Заведование Академической гимназией (1777—1794)	149
Глава 10. Переводческая деятельность (1774—1802)	159
Глава 11. Участие в журнале «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784)	175
Глава 12. Деятельность в Российской Академии (1783—1802)	181
Глава 13. Последние годы жизни (1800—1802)	186
Приложение. Список печатных и рукописных трудов	191
Именной указатель	199

INHALT

	Стр.
Einleitung	5
<i>Kapitel 1.</i> Lehrjahre in dem Akademischen Gymnasium	8
<i>Kapitel 2.</i> Aufenthalt in der Strasburger Universität (1762—1767)	11
<i>Kapitel 3.</i> Der Aufsatz über Essigsproduction (1766)	20
<i>Kapitel 4.</i> Orenburgische, nördliche und livländische Expeditionen (1768—1773)	24
<i>Kapitel 5.</i> Tagebuch der Reise (1768—1772)	47
<i>Kapitel 6.</i> Naturwissenschaftliche, medizinische, tierärztliche, ökonomische, geographische, historische Werke	82
<i>Kapitel 7.</i> Tätigkeit in der Akademischen Versammlung (1774—1802)	114
<i>Kapitel 8.</i> Die Verwaltung des Akademischen Botanischen Gartens (1774—1802)	127
<i>Kapitel 9.</i> Die Verwaltung des Akademischen Gymnasiums (1777—1794)	149
<i>Kapitel 10.</i> Tätigkeit als Übersetzer (1774—1802)	159
<i>Kapitel 11.</i> Die Mitwirkung in der Zeitschrift «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784)	175
<i>Kapitel 12.</i> Die Tätigkeit in der «Российская Академия» (1783—1802)	181
<i>Kapitel 13.</i> Die letzten Lebensjahre (1800—1802)	186
Anhang. Annotiertes Verzeichnis der Veröffentlichungen und Manuscripten	191
Namenverzeichnis	199

Татьяна Аркадьевна Лукина

ИВАН ИВАНОВИЧ ЛЕПЕХИН

*Утверждено к печати
Редколлекцией научно-биографической
серии при Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. С. Карпкина*

Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *О. А. Мокева*

Корректоры *Л. Б. Данилова* и *М. А. Судакова*

Сдано в набор 12/V 1965 г. Подписано к печати 21/VIII
1965 г. РИСО АН СССР № 8—203В. Формат бумаги
84 × 108¹/₃₂. Бум. л. 3¹/₄. Печ. л. 6¹/₂ = 10.66 усл.
печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд. л. 10.87 + 2 вкл. (0.06).
Изд. № 2463. Тип. зак. № 265. М-29839. Тираж 6500.

ТП 1965 г. № 130.

Цена 56 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука“
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука“
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ УЧЕНЫХ

Кулябко Е. С.

**М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской
Академии наук**

1962. 216 стр. Цена 1 р. 13 к.

Лукина Т. А.

А. П. Протасов — русский академик XVIII в.

1962. 187 стр. Цена 69 к.

Райков Б. Е.

Христиан Пандер, выдающийся биолог-эволюционист

1964. 98 стр. Цена 25 к.

Манойленко К. В.

А. Ф. Баталин, выдающийся русский ботаник XIX в.

1962. 132 стр. Цена 52 к.

Манойленко К. В.

Николай Иванович Железнов.

1965. 200 стр.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВАШИ ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ
ПО АДРЕСУ:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10,
Контора «Академкнига», магазин «Книга — почтой»,
Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57, Ленотделение
«Академкнига», магазин «Книга — почтой»
или в ближайший магазин «Академкнига»

Адреса магазинов «Академкнига»: **Москва**, ул. Горького, 8 (магазин № 1); ул. Вавилова, 55/5 (магазин № 2); **Ленинград**, Литейный пр., 57; **Свердловск**, ул. Беллинского, 71в; **Новосибирск**, Красный пр., 51; **Киев**, ул. Ленина, 42; **Харьков**, Уфимский пер., 4/6; **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 139; **Ташкент**, ул. Карла Маркса, 29;
Баку, ул. Джапаридзе, 13.

При получении заказа книги, как имеющиеся в наличии, так и печатающиеся (по поступлении в продажу), будут направлены в Ваш адрес наложенным платежом.

Пересылка за счет заказчика.

Т. А. ЛУКИНА

*И*ван *И*ванович
ЛЕПЕХИН

И. М. ЛЕПЕХИН

Т. А. ЛУКИНА

56 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
" НАУКА "
